

Александр Лысенко

ПУЛЬС ЮНОСТИ НЕ ПОДВОДИТ

Две повести

ОРЕД - 2024

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л 88

Издание осуществлено при поддержке
Орловской региональной общественной организации
«СОЮЗ ВОЕННЫХ ЛИТЕРАТОРОВ»

Лысенко А. И.

Л 88 Пульс юности не подводит. Две повести / Редактор А. И. Кондратенко, доктор филологических наук. – Орёл: Издательство «Картуш», 2024. – 244 с. (Серия «Орловщина литературная – Современники»)

ISBN 978-5-9708-1173-3

Повесть о студентах «Пульс юности» охватывает период с конца 60-х до начала 70-х годов XX века. Автор показывает в форме дневника повседневную студенческую жизнь с её радостями, страстями и неудачами. Прослеживается момент взросления студента от беззаботного юноши, случайно выбравшего физико-математический факультет после школы, до вполне состоявшегося молодого учителя математики, готово профессионально обучать и воспитывать молодое поколение. Показано многообразие культурной жизни студенческой поры, которое проходит «как с белых яблонь дым» и не даёт опомниться всю последующую жизнь. Видна разница взглядов на семейную жизнь девушек-студенток и их коллег юношей в этот удивительный период. Изменены фамилии, изменены имена, всякие совпадения случайны.

Повесть «Пульс юности не подводит» показывает жизнь большинства героев «Пульса юности» после окончания учёбы в институте в первые два года. Здесь и служба в армии и работа героя учителем математики в одной из лучших школ города, а также воспитателем, инструктором по плаванию в пионерском лагере. Итогом поиска «той единственной и любимой» становится девушка из далёкого Сахалина, на которой и остановил свой выбор молодой учитель.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Оформление серии – Трудников А. В.

ISBN 978-5-9708-1173-3

© А. И. Лысенко, 2024
© Союз военных литераторов, 2024
© ООО ПФ «Картуш», 2024

ПУЛЬС ЮНОСТИ

Повесть

АБИТУРИЕНТ

Отплывая из школьной страны...

26 мая

Сегодня последний звонок. Что меня потянуло взяться за перо, сам не знаю. Может быть, новый красивый блокнот, а может быть, просто майское утро.

Чистая и свежая зелень растений и деревьев залита ослепительным солнцем, ни ветерка, тепло, природа замерла в почётном карауле в честь окончания самого удивительного и прекрасного отрезка жизни длиной в десять лет.

Только что закончилась торжественная линейка, на которой вся школа провожала нас в последний день занятий. Может быть, когда-то мы будем смотреть на этот день по-другому, но сегодня всё кажется, с одной стороны, обычным – торжественная линейка, белые фартуки девочек от первого до десятого класса, белые рубашки мальчишек, море цветов..., а с другой – что-то новое появилось в глазах учителей, кроме обычной строгости и внимательности; мы впервые увидели слезы любви, душевной теплоты наших наставников, впервые неумолимо пахнуло горечью расставаний, несмотря на то, что все ещё были здесь вместе. И наша Лидия просто утопала в цветах и слезах в окружении зарёванных девчат нашего класса. Интересно, получатся ли снимки, которые я делал своей старенькой «Сме-

ной-2» в самые интересные моменты: уж очень хочется сделать всем на память по несколько фотографий. Зачем-то придумали после такой впечатляющей линейки проводить уроки. У нас никакого настроения что-то отвечать вразумительно, да и у педагогов, думаю, не лучше, хотя они пытаются нахмурить брови и придать строгий вид, держа свою марку до победного конца.

Интересно смотреть, как все сидят в классе на своих местах и мучительно изображают трудолюбивых учеников, то и дело, срываясь на обычные школьные шалости.

Вовка Агатов – верзила под два метра – по привычке дёргает за волосы Наташку Назаренко, та ловит момент, когда учитель отвернётся к доске, чтобы треснуть книжкой по башке обидчику.

Колька Чудаков свернул трубочку из листа бумаги и чем-то плюётся на первые ряды.

Вовка Малков зевает с риском вывихнуть челюсть.

А я вот сижу и пишу, кто что делает в последние минуты школьной жизни. Действительно, разве можно представить, что ни завтра, ни послезавтра уже не будет школьных уроков, и никогда мы не будем всем классом заниматься одним общим делом. Чего это меня потянуло на такие размышления? Не знаю, но записывать свои мысли почему-то приятно. Отдал свой блокнот девчонкам, с которыми в приятельских отношениях, пусть в этот знаменательный день запишут мне на память всё, что они обо мне думают.

Люба Дроздова:

«Да, я знаю Сашу уже два года, одно могу сказать, характер у него сложный, и до сих пор я его не совсем понимаю. Не отнять у него гордости, но и самолюбия. Не отрицаю – умён».

Лида Хрыкова:

«Саша! Ты извини, что я пишу, хотя ты меня не просил. Меня попросила об этом Ленка. Что я о тебе думаю? Ты весёлый, очень самолюбивый, но бывает такое, что ты зазнаёшься. Это мне в людях не нравится. Ты ставишь себя выше некоторых одноклассников. Вот и всё».

Ленка Хрулёва:

«Саша Шевченко – хороший мальчик. Саш, знаешь, мы с тобой дружим уже два года, но, знаешь, если бы меня попросили о тебе что-либо написать или рассказать, я, наверное, пришла бы в затруднение. Мы дружим, дружим хорошо (для глаз других). А нас с тобой эта дружба не удовлетворяет. Почему? Может быть, в этом кто-то виноват? Нет, виноваты сами. Ну ладно, не буду отходить от темы. Мы дружим, а ведь я тебя совсем не знаю. Ты не обижайся, но это так. Знаю, ты любишь мечтать. Я тоже люблю, и моя мечта всегда у меня в сердце. Ведь я иногда начну говорить, а ты смеёшься. Но не только ко мне ты относишься вот так свысока, а ко многим. Я не хочу, чтобы это было так. Никогда не говори с человеком с иронией. Пусть ты не веришь в его мечту, пусть она тебе кажется смешной, ты должен пересилить себя и не смеяться. Должен вникнуть в смысл сказанного; если он рад, радуйся вместе с ним. Говори всегда правду. Смотри правде в глаза. Сашка, ты какой-то скрытный. Вот я не знаю никогда, что у тебя на сердце, да и ты никогда не узнаешь, что у меня, ты не знаешь, что я..., ты думаешь, что я просто так, но всё это глупо. Ты никогда ничего не узнаешь. Пусть мне будет больно, горько, но никогда я тебе этого не скажу. Никогда... Ты очень хитрый мальчишка, но в чём твоя хитрость, я не знаю. Но эта черта в тебе есть».

Вот тебе на! Минаева с Аллас начали жечь бумаги в парте и хихикать. Пётр Михайлович, наш физик, разозлился и вышел из класса. Они помчались вслед извиняться. Наконец-то, последний урок! Маргарита Борисовна пытается сказать нам что-то о литературе. Но в воздухе уже витает разлука. Последние минуты в стенах школы, но никто этого ещё не понимает. Все устали, одни дремлют, другие обсуждают свои проблемы. Редко, кто слушает учителя. Пройдут эти несколько минут, и мы разбредёмся по белу свету, каждый своим путём, наверное, никогда уже в такой атмосфере уже не встретимся.

За окном, как обычно, майская суета солнечного дня, отучившиеся малыши идут домой. Им ещё не один год топтать в эту школу.

Из школы мы шли, как всегда, с Ленкой, как всегда, я проходил мимо своего дома, провожая её, и, как всегда, бабки у подъезда любезно здоровались и улыбались. Им очень нравилась наша пара.

6 июня

Обычный день, консультации по математике. Я пригласил Ленку на речку после занятий. Она отказалась, потом передумала, но мы с ребятами уже ушли. И это послужило поводом для нашей большой ссоры.

На следующий день, придя в школу, я заметил, что Ленка старается меня избегать и вообще не смотрит в мою сторону. Потом пригласила к себе за парту Вовку Волошина и стала с ним весело болтать. Меня это крепко озадачило. Я психанул и ушёл с консультации, унося в душе её необычный холодный взгляд. В этот день она из ума не выходила.

Что это было? Игра или ненависть ко мне? Но вот такая «новая», она мне понравилась намного больше. Я ждал её весь оставшийся день дома, но она и не думала приходить.

Вечером она шла в магазин, но даже не взглянула в сторону моего окна. А я в душе клял себя за слабость, что распустил слюни, и стал искать внимания девчонки, к которой относился снисходительно в последнее время. Клял и всё равно выбегал на малейший стук в коридоре, спрашивал у соседей по коммуналке – не приходила ли она, но всё было напрасно. Я плохо спал в эту ночь, во мне кипело оскорблённое самолюбие, которое мне легче всего было объяснить проснувшейся любовью.

8 июня

Мы сдавали алгебру. У меня хватило сил не смотреть в её сторону. Но я целый день опять думал только о ней. Вечером мы с Колькой Поляковым, соседом Юрки Кузнецова, съездили на его мотоцикле за цветами. Я, поборов самолюбие, протянул их Ленке, но она сказала, что ей уже много принесли цветов, и бросила их на пол. У неё были холодные глаза, она не хотела разговаривать со мной. Я развернулся и поплёлся домой, ощущая непривычную пустоту, так как привык всегда видеть её рядом. Задержавшись возле овощного магазина, я увидел, как она с мамой пошла в парк. Я чуть не бросился вслед, но вовремя остановился и пошёл домой читать её старые письма и рассматривать фотографии. Потом пытался думать о других девчонках, но ничего из этого не получилось, в голове была только Ленка.

12 июня

Экзамен по английскому. Она по-прежнему холодна ко мне. Села готовиться позади меня. После экзамена она вышла из школы с Галкой Аллас, которая мне нравилась весь восьмой класс, до встречи с Ленкой. Вот дела! Я окликнул несколько раз Ленку, но она даже не повернула голову в мою сторону. Тут моё самолюбие не выдержало. Я возненавидел себя за слабость и реверансы перед ней, вспомнил, как прощал ей все проделки и порой первым приходил к ней, придумав какую-нибудь причину... А она меня запросто так может отшить? Нет! Больше я к ней не подойду и разговаривать с ней не буду. Значит, все её слова о любви ничего не стоят. Не думал я, что мысли о ней так крепко во мне засядут, но хоть буду страдать, показать ей это просто не имею права (как бы не провалиться на экзаменах от этого чувства, ведь в голову ничего не лезет, кроме Ленки). Хватит об этом. Надо быть самим собой, каким был до девятого класса. Без девчат не пропаду, да их и немало на свете. Думай, Саня, об институте, занимайся спортом, развивайся всесторонне и ты не пропадешь! Опять стук в дверь, и опять я несусь, как угорелый... но это не она. Хорошо, что осталось полмесяца до конца экзаменов. Надеюсь, что ставлю точку на мыслях о ней. Прощай, Ленка! Желаю тебе счастья в жизни. 13 июня. 23 ч. 45 мин.

14 июня. Вечер

Ха-ха-ха! Набитый дурак! О ком я думал, о ком страдал? Вот, глупец. Не прошло и трёх дней, как она пошла с белобрысым (а когда-то распевала о своих чувствах), лживая кукла! А я, то, страдал! Теперь о ней даже вспоминать

не буду. Я теперь её презираю. Теперь я свободен, и путь к выполнению моего девиза открыт – стремиться к звёздам! Жаль, конечно, два года потерянных с этой фифой, но ничего, мы их вернём с лихвой. И надо разыскать свою первую любовь, и больше не отклоняться от настоящего курса.

27 июня

Всё! Экзамены сданы! Последний – история – на «четвёрку»! Теперь выпускной. Сегодня с ребятами здорово покатались на лодках. Взяли напрокат два «Фофана», шесть бутылок «Фетяски» и бороздили Оку от железнодорожного моста на Ригу до плотины ТЭЦ, дурачась, распевая песни и неся всякую околесицу, особенно был смешон Колька Чудаков – или в первый раз выпил или пить не умеет, чудак!

29 июня

Сегодня выпускной бал. Пришли с Юркой Кузнецовым пораньше к школе, чтобы не томиться в ожидании, пошли в магазин, взяли бутылку «Фраги» и «скрасили» ожидание остальных. Волошин с Сёминой, как на свадьбу пришли. А Ленка делает вид, что меня не замечает. (Ни за что с ней не сяду!)

Торжественная минута... Вручение аттестатов и значков ГТО. Получил не простой значок, а «отличника» – пустячок, а приятненько. Затем начался вечер, сели за столы – я с Кузнецовым, Агатовым и Антоновым. Ленка села с Сёминой и Волошиным.

Потом были танцы. Я танцевал с Степановой, Кочановой, Дроздовой, Назаренко, с Лидией Всеволодовной, ну и, что делать! – с Ленкой. Была минута, когда я подумал о Галке

Аллас, но начавшееся веселье оттеснило мысли о девчонках на второй план. Ляпин, Колесников, Волошин танцевали твист. Я отбил все пальцы на баяне. Пели песни. Наш физрук – богатырь Анатолий Фёдорович – подтягивал невпопад баском. Удивительно хорошо пела Лидия Всеволодовна. Голос у неё, как у оперной певицы. Часа в два ночи мы вышли из школы и направились в центр города встречать рассвет первого дня нашей взрослой жизни. Да, я забыл, когда шёл вечер, за окном всюду лил дождь. Говорят, это на счастье...

Мы шли по ночным улицам и пели песни. У дома Семёновой я сказал Ленке, что не стоит трогать прошлое. Мы дошли до театра и сели на лавочках у Госбанка. Степанова агитировала всех в поход с ночёвкой, Ленка лежала у меня на плече под моим пиджаком и сладко дремала. Потом мы пошли с ней домой. На ней был мой пиджак, и всё было внешне, как прежде, но только внешне. По дороге настроение у неё менялось. То она пыталась меня обнять, то шла в отдалении с хмурым лицом. У её подъезда я наскоро сказал ей прощальные слова и повернул к своему дому, где по дороге встретил Юрку Кузнецова, и мы с ним ещё бродили до восьми утра. И, наконец, я добрался до кровати и лёг спать. Как-то не верилось, что школа навсегда позади, и у тебя на руках аттестат. Правда, не такой, как хотелось бы, но пенять надо только на себя.

3 июля

Сегодня сдал документы в пединститут на физико-математический факультет. Теперь буду готовиться как никогда. Надо обязательно поступить! Учителем я не собираюсь становиться, а с высшим математическим образованием не пропаду, как посоветовал моему отцу его начальник.

7 июля

Начал готовиться. Прохожу всю программу с пятого класса. Встаю в половине седьмого, делаю пробежку, завтракаю и сажусь за книжки. Для лучшего запоминания все формулировки и доказательства записываю в тетрадь. Никогда я так не трудился. Иногда в памяти всплывает Ленка, хочется пойти к ней, поболтать, чтоб она сидела на твоих коленях и щебетала... Но я борюсь с этой слабостью, ведь только стоит забыться, как вся подготовка в вуз полетела. Нужно забыть эту старую лыжню. Если до десятого июля не буду проходить по семь-восемь вопросов в день, то подготавливаться, как следует, не успею.

11 июля

Выучил преступно мало – пятнадцать билетов. Девятого июля с двух часов до шести пробыл с Ленкой. Ходили на пляж, купались. Она была в очень коротком халате и интересном купальнике. Всё-таки я к ней далеко не равнодушен. Время провели хорошо. Вчера и сегодня учу билеты, но в перерывах жду её, хоть сам сказал, чтоб она не приходила. И вообще лучше бы с ней не видеться до двадцатого августа, пока не поступлю. Но хватит ли силы воли?

Да и дружбу можно было бы наладить по-хорошему...

12 июля

Вечером пошёл к Ленке. Вот, дурак! Сначала она мне несла какую-то чепуху, потом стала стесняться каких-то мальчишек. Впрочем, рановато мы возобновили встречи.

16 июля

Забегала ко мне попрощаться. Вроде, куда-то уезжает. Красивая, как с обложки журнала! Одна причёска чего стоит – тридцать девять шпилек, как она сказала, вообще она девчонка симпатичная... Звякнула нотка совести: «А, может, я сам виноват, своим эгоизмом разрушил наши отношения? Решил поступать в институт, пожить студенческой жизнью, отслужить армию... Рано пока окунаться в личную, семейную атмосферу». Прощай, самая красивая девушка в школе!

3 августа

Начались экзамены. Математику письменно написал. Пока не знаю оценки, но в списках провалившихся меня нет.

11 августа

В голове всё крутится песня «После радости неприятности по теории вероятности...». Но у меня почему-то одни неприятности. Радости пока никакой.

По математике письменно мне закатили «три», хотя девчонке, которой я дал списать всю свою работу до запятой почему-то поставили «четыре». На устном экзамене по математике я ответил на все вопросы без единой запинки и был на сто процентов уверен, что мне светит «пятерка», но почему-то поставили «хорошо». На физике ещё смешней: передо мной отвечала девушка и очень слабо. Принимающий экзамены педагог объявил ей «удовлетворительно» и вписал в мою зачётку. И я впервые в жизни убедился, что если преподаватель захочет, он спокойно может загнать

меня в рамки самой нелюбимой мной оценки – «удовлетворительно». Так и случилось. Сочинение я написал неплохо, но на физмате смотрели на профилирующие предметы.

В день зачисления – 16 августа я пришёл в институт очень рано. На моих глазах вызывали счастливичиков, которые заранее были уверены в своем зачислении, ибо имели по шестнадцать баллов и более. Ну а мне с моими четырнадцатью объявили, что я не прошёл по конкурсу, и пожелали успешно готовиться к поступлению на следующий год и записаться на подготовительные курсы. Интересный момент запомнился: когда одного из первых зачисляемых абитуриентов отчитали, что он пришел без комсомольского значка на зачисление, все кинулись занимать на время захода в приёмную комиссию комсомольские значки, ибо многим в этот летний жаркий день совершенно не пришло в голову их надеть, тем более, что на экзаменах про них никто не спрашивал. Я одолжил свой значок двум симпатичным паренькам кавказской внешности. Они тепло благодарили за эту пустяковую услугу. Я брёл медленно домой, насвистывая опостылевшую мне мелодию «После радости неприятности...».

24 августа

Послезавтра исполняется семнадцать лет. Вспомнил, что, когда я читал рассказ «Когда тебе семнадцать», мне его герои казались такими взрослыми, такими интересными, и вот мне тоже стукнет эта цифра. А я несколько не кажусь себе взрослым и очень интересным. С девушкой разошлись, в институт не прошёл, впереди лишь серая неопределённость, из которой я вижу лишь один выход – подать документы на вечернее отделение машиностроительного инсти-

туда, чтобы хоть как-то не потерять год учёбы. Иду забирать свои документы из педагогического, да махну потом на речку покататься на лодке, благо рубль в кармане есть, а это два с половиной часа удовольствия, когда ты один на один с рекой, управляешь великолепной лодкой «Фофан», плаваешь в любом месте, где захочется и можешь остановиться.

Кандидат в студенты – в строй!

25 августа

Вчера был очень удачный день. Когда я пришёл забирать документы, которые почему-то находились в приёмной ректора, секретарь мне предложила зайти к нему – может быть, он что посоветует. И я решился.

Зашел к седовласому профессору и сказал, что очень хотел учиться на физмате, да вот не осилил конкурс, теперь собираюсь идти на вечернее отделение машиностроительного института. После нескольких незначительных вопросов ректор вдруг позвонил кому-то и сказал: «Дмитрий Григорьевич! У меня тут парень, который не прошёл по конкурсу к вам на физмат, возьми его кандидатом, а после первой сессии будет видно, стоит нам это делать или нет». Положил трубку, черкнул на кусочке бумаги «Принять в кандидаты», протянул мне эту бумажку и сказал: «Отдашь в деканат и будешь учиться с первого сентября». Я мало что понял, но до меня дошло, что мне дали шанс остаться в институте, и я, схватив заветную бумажку, выбежал на улицу, не чуя ног от нахлынувшей радости. Тут вовремя я сообразил, что надо занести эту бумажку в деканат, вернулся на четвёртый

этаж громаднейшего здания института, в стенах которого мне так хотелось учиться.

Меня определили в третью группу, велели приходить к восьми часам утра первого сентября, и я помчался домой порадовать родителей, которые даже не подозревали о возможности такого варианта.

ПЕРВЫЙ КУРС

В вихре теорем и функций

2 сентября

Я студент (пусть даже кандидат, если говорить точнее), даже не верится, что я хожу полноправным человеком по всем коридорам полюбившегося мне огромного здания. Лекции нам читают удивительные люди, носящие звания «ассистент», «старший преподаватель», «доцент», «профессор». Очень трудно успевать записывать лекции за говорящим преподавателем. В школе никогда так быстро не писали. В конце дня рука болела, как после огромной физической нагрузки. При таком напряжении когда же с девочками встречаться? Наверное, позволю себе только тогда, когда буду учиться на «отлично».

Написал сам себе письмо, каким я себя хочу видеть после окончания института, и запечатал крепко: «Вскрыть в день получения диплома».

15 сентября

Прошло уже две недели учёбы. Это, братцы я вам скажу, не школа! Только и думаешь, чтобы успеть записать фразу и не пропустить ни одной конкретной мысли лектора. Говорят, скоро начнутся практические занятия, будет ещё

сложней. Спортом заниматься совсем некогда, пока лишь это жалкие два часа физвоспитания, предусмотренные программой. Ольга Сёмина спрашивала у меня, не жалею ли я о времени учёбы в десятом классе и не хотел бы его вернуть. Я категорически сказал «нет». Я их вычеркнул их моей жизни, как неудачные. Позабыта и Ленка, теперь надо осуществить свою мечту и найти свою первую любовь – Галку Орлову, которая так и не отвечает из Севастополя. Но пока – учёба, учёба и учёба.

26 сентября

В институте дела идут слабо, на мой взгляд, сказывается плохая школьная подготовка и то, что я мало сижу над учебниками. Надо заниматься так, чтобы задачи решались даже во сне. Даю себе задание до тринадцатого октября прибавить темпы занятий и посмотреть, что получится.

13 октября

Можно сказать, что что-то получается, хотя думаю, что занимаюсь ещё недостаточно много. Контрольные по аналитической геометрии и матанализу написаны, коллоквиум по элементарной математике сдан. (Надо же придумать такое слово!) Вообще не соскучишься с математическими выражениями. Одни названия функций из греческого алфавита чего стоят: «фи», «пси», «кси», «ню», «эпсилон» и так далее, в общем, весело, чувствуешь себя, как среди пациентов психбольницы. Коллоквиум по матанализу наша группа сдавала Ахмету Латифовичу Бероеву почти до полуночи и то, пошла только половина группы. Мне кажется, что он как

сильный математик (не зря же имеет звание «кандидат математических наук»), хотя у многих преподавателей «кандидат педагогических наук») досконально прощупал нас на предмет математических знаний, но ещё знакомился с каждым как куратор группы. Внешне он напоминал восточного мудреца, с выразительными чёрными глазами и крупной головой, на которой не хватало белого тюрбана. Удивили и его оценки: от «-3» до «+3», «4» и «5» никто не получил! Старшекурсница одна понравилась невозможно! Зовут Ася, чем-то смахивает на Анну Австрийскую из «Трёх мушкетёров» – моего любимого французского фильма. Но мне пока до герцога Бекингема далеко, да и что делать в наше время с его манерами и благородством? Я уж не говорю о богатстве, которое надо было бы срочно подарить родной Коммунистической партии, иначе посадят. Очень понравилась книга «Затерянные следы», захотелось отправиться на пару месяцев в свадебное путешествие куда-нибудь на необитаемый остров. Но хватит грезить. Завтра две контрольные, составил себе чёткий режим дня:

Подъём – 6 ч. 30 мин.

Институт – 8–13 ч.

Обед – 14 ч. 10 мин.

Отдых – 30 мин.

Разминка на воздухе – 40 мин.

Занятия:

15 ч. 30 мин. – 16 ч. 20 мин.

16 ч. 30 мин. – 17 ч. 20 мин.

17 ч. 30 мин. – 18 ч. 20 мин.

18 ч. 30 мин. – 19 ч. 20 мин.

Ужин – 19 ч. 30 мин.

Отдых на воздухе – 20 ч. 10 мин. – 20 ч. 30 мин.

Занятия: 20 ч. 30 мин. – 21 ч. 20 мин., 21 ч. 30 мин. – 22 ч. 20 мин.

Прогулка, приготовление ко сну – 40 мин., сон – 23 ч.

Примечание: перед сном выучить пять слов на английском языке.

26 октября

В этом году рано начало холодать. Вчера выпал небольшой снег, а сегодня мороз – совсем, как зимой. С этой учёбой совсем забыл посмотреть Олимпийские игры в Мехико. Там ещё участвовала наша землячка в соревнованиях по лёгкой атлетике, с которой я пробовал тренироваться в спортивном лагере ещё в школьные годы. Понравилась новая песня об олимпиаде: «Вспомним мы горы Мехико, Мехико, Мехико. Вспомним дворцы и площади, Похожие на музей...».

30 октября

Вчера был праздничный вечер, посвящённый 50-летию комсомола. Кто-то выдал, что я играю на баяне, и мы с девушкой с другого факультета начали концертную часть с неизвестной мне песни «Мне тебя бы надо обходить самую далёкою дорогой...». А так было торжественно, наша делегация Орловского государственного педагогического института (ОГПИ), возглавляемая секретарём комитета ВЛКСМ Геннадием Зубаревым, смотрелась очень внушительно, да и сам Зубарев выглядел, словно герой фильма «Коммунист». В конце вечера были танцы, но интересной партнёрши я так и не нашёл. А, может, я сам не так уж интересен?

7 ноября

Сегодня праздник, из всех радиоприёмников и телевизоров льются маршевые мелодии. А у меня двойной праздник. Я получил третье и самое лучшее письмо от Галки Орловой. Вот где действительно что-то настоящее, похоже, детская любовь возвращается. То ли мой статус студента ей понравился, то ли тронуло, что за столько лет её не забыл. Удивилась, что я её сравниваю с французской актрисой Милен Демонжо. Вечером была ужасная драка в доме Сашки Кирзая. Парня по кличке «Мазур» разукрасили, как ёлку на Новый год. Какая-то девчонка отравилась, скорее всего, перепила. Я сегодня не выпил ни капельки. Интересная новость – в Орле появился троллейбус. Маршрут от Комсомольской площади, где наша общага, до сталепрокатного завода. Говорят, что перед праздником, один мужик пытался провезти корову до вокзала и даже затащил её на заднюю площадку под хохот обалдевших пассажиров. Однако бдительный кондуктор на следующей остановке высадила необычную пассажирку.

На берегу возле парка установили памятник Тургеневу, очень солидный и очень красивый, к Ленину и генералу Гуртьеву добавился Тургенев. Вообще в Орле на каждом шагу вспоминают Тургенева, и это мне нравится.

9 ноября

Сегодня смотрел кино «Анжелика и король» – роскошная женщина, море любви, а занятия в институте далеко не на блестящем уровне. После кино видел девушку, с которой познакомился в поликлинике в очереди на приёме к оку-

листу. У неё я экспромтом угадал все данные: студентка третьего курса машиностроительного института, зовут Вера. Абсолютная случайность моей догадки оказалась завораживающей точностью реальности. Странно, я всегда любил смотреть на красивые лица девчонок, на высокую грудь, а тут шёл за Верой и любовался её фигурой и особенно округлой частью, ладно обтянутой серо-голубой тканью. Не успел я закончить предыдущую строчку, как соседи на кухне устроили танцы. К соседке Людмиле приехали молодые отделочницы. Этого слова я не знал, но теперь знаю: так называют строителей, которые наводят блеск в построенном доме – штукатурят, красят, белят, выкладывают плитку и так далее. Наша коммунальная квартира превратилась в клуб. Просторная кухня стала танцевальным залом, а в коридорах весело общались те, кто не танцевал. В комнате Людмилы располагались столы с праздничной едой и напитками. Я танцевал больше всего со Светой, девчонка поступала в МГУ, но не прошла по конкурсу, неплохо разбирается в музыке и литературе, решила поработать на стройке и летом снова поступать в МГУ. Очень понравились её длинные золотые волосы, большие синие глаза и необыкновенно тонкая талия. Никогда мне не было так сладко в танце с девушкой.

21 ноября

Я прочитал книгу «Спартак» и был поражён обликом и характером этого героя. В последний раз призываю своё самлюбие, мужество и волю, чтобы идти к намеченной цели. Во-первых, учёба, во-вторых – спорт, я должен быть сильным и крепким. Если природа не одарила красивым лицом, то я должен хотя бы тело сделать красивым, а это

возможно. Я всё-таки верю, что в жизни есть настоящая любовь, к которой должен стремиться и я. И ещё надо лучше следить за своей внешностью. А то я совсем распустился. Вспоминаю одного моего школьного друга, пьяницу. Трезвым я его почти никогда не видел, но брюки у него всегда были наглажены, как на манекене.

22 декабря

Дела немного продвигаются, получил две пятёрки по контрольным (аналитической и элементарной), сдал зачёт по математике. Так держать! Теперь надо ещё крепче взяться за математику и английский. А вместо девчонок надо лучше научиться играть на гитаре. Летом перевестись или в МГУ или ЛГУ. Почему на гитаре? Потому что в нашей группе учится оригинальный парень – Стёпа Саядянц, с гитарой не расстанется, на переменах поёт и играет, в общежитии играет и поёт, причём самые известные песни «Битлов», «Роллинг Стоунс», Высоцкого и так далее. Правда, занятия все пропускает, зато эффектно выглядит. Как-то зашёл к нему в гости в общежитие, поднимаюсь на лестничную площадку, а он стоит вдвоём с симпатичной девушкой и так ей поёт трогательно, нежно перебирая струны, что я мимо него прямиком в его комнату. Сидел полчаса, а Стёпы нет. Выхожу на площадку – там его тоже нет. Пошёл по коридорам, где в глубине одного из них вижу нашего Стёпу, стоящего уже с другой девушкой, поющего ей не менее нежно и проникновенно очередную песню. Я жестами показал ему, что буду ждать его снова в комнате. Посидев безрезультатно снова полчаса, я с лёгким раздражением пошёл в конец коридора, где видел Стёпу, но и там уже его след простыл. Я со спор-

тивным упорством возобновил поиски, и, только обойдя трижды всё огромное общежитие, нашел Стёпу у пожарного выхода на крышу, где он сладко, закрыв глаза, распевал песни третьей красавице. Тут я не стал церемониться и попрощался, сославшись на неотложные дела. Но каков самец! За три часа «соблазнить» трёх дам, в том числе и дворянку! (Как в фильме «Три мушкетёра» говаривал господин де Тревиль). Интересно, как он проскочит экзамены, если появляется изредка только на последнюю пару? А декан – любимец всех студентов, входя в аудиторию на лекцию, ронял первую фразу: «Саядянец здесь?». И, невзирая на ответ, добавлял: «Прекрасно!». Вообще нам всем нравился декан физмата Корбан Дмитрий Григорьевич. На стенде преподавателей-ветеранов Великой Отечественной войны его фотография, с которой орлиным взором смотрел красавец молодой капитан, была самой популярной. Лекции он читал просто блестяще, все успевали записывать и понимать. Любил делать внезапные паузы с вопросами о литературе, истории, искусстве. «Вы читали роман «Сила жизни? Нет? Правда, он ещё не написан, но, надеюсь, скоро прочитаем». Зная, как не хватает учителей-мужчин в школах, по-отечески любил ребят-студентов. Перед лекциями всегда предлагал ребятам сесть на первые парты, чтобы «аудитория просматривалась»: «Ребята – это изумруд!». Говорят, когда он ждал рождение внука, и ему сообщили, что родилась девочка, он отвернулся к окну, проговорив: «Нашли с чем поздравлять!».

Совсем неплохо быть студентом!

25 декабря

«Молодость, молодость, молодость! Я знаю, тебе семнадцать всегда» – как поёт Радмила Караклаич. Сразу уточню – Тамара Миансарова...

Настроение отличное, сдал почти все зачёты, особенно мне понравилось, как сдал двадцать пять страниц английского текста. Страниц десять мне перевела ещё в сентябре старшекурсница иняза очаровательная блондинка, которая была у нас в десятом классе на практике, и я эти десять страниц сдал за целых двадцать пять, читая по третьему разу. А Стёпе и совсем повезло. Наша преподавательница Марецкая Валентина Васильевна, слывшая в послевоенные годы необыкновенной красавицей, на которую сбегались посмотреть студенты всех факультетов, услышала пение Стёпы со сцены на каком-то студенческом вечере, да ещё на английском языке и царским жестом проставила ему зачёты за весь первый курс и пятёрку за экзамен. Везёт талантам!

Много времени уходит на историю КПСС, надо конспектировать работы Ленина, насколько это нужно математику в таком объёме неизвестно. Однако преподаватель интересный, с чувством юмора. Когда мы сдали конспекты ленинских работ, у Рики Чхеидзе оказалось всего полстраницы. Удивлённый Леонид Яковлевич Цикорев посмотрел на него: «Я больше у Ленина ничего важного не нашёл!». Преподаватель только покачал головой. Думаю, что у другого педагога этим бы не обошлось... Где-то прочитал хо-

рошую фразу: «В день свадьбы перенести жену через порог».

Все две недели не расстаюсь с переносным магнитофоном «Весна», который одолжил «повыбражать» у Стёпы. У него и записи хорошие (современная эстрада, Высоцкий, дворовые песни и т. д.), и дал послушать, нисколько не жадничая. Хорошая техника, но, пока денег на это не предусмотрено, да и время песенки занимают немало.

2 января

Новый год! Этот год должен быть у меня отличным во всем: в учёбе, спорте и, может быть, в любви. Встречал я Новый год на балу в драмтеатре вместе с родителями. Очень понравилось. В девять вечера начинался новогодний спектакль-сказка, около одиннадцати часов все рассаживались за столами, а кому не хватало места – на подоконниках и ступеньках, и во всеобщем веселье, с шампанским, в музыке, танцах и смешных конкурсах с Дедом Морозом и Снегурочкой провёл почти всю новогоднюю ночь. Особенно мне запомнилась красивая девушка в необычном длинном вечернем платье, каких я ни на ком не видел. Мы с ней кружились в танцах так здорово, что не замечали никого вокруг, а шампанское помогало не обращать внимание на неловкие движения соседских пар и попадавшиеся под каблуки чьи-то ноги. Я звал её весь вечер «мисс семнадцатый век». Мы расстались с ней у ворот горсада, откуда я в отличном настроении бодро пошагал домой, где давным-давно спали мои родители.

14 января

Хватит сидеть на шее родителей и быть иждивенцем, надо зарабатывать самому. Если сдам успешно ещё два экзамена, то меня переведут из кандидатов в студенты и дадут стипендию. Двадцать восемь рублей, конечно, небольшие деньги, если учесть, что ещё с девятого класса, играл на баяне на танцах в профилактории за пятьдесят два рубля в месяц, но всё же неплохое подспорье в личных расходах.

10 марта

Долго не писал, начну по порядку. Сессию я сдал хорошо, настроение теперь – как никогда, чувствую себя уверенно, из кандидатов я стал студентом, получаю стипендию. Что ещё надо, спрашивается? Не хватает Галки Орловой. Ведь она – единственная, кого я люблю. Это испытано и проверено. Никто – ни Ленка, ни другие девчонки не смогли заменить её, а прошло уже пять лет с момента первой встречи. Вот оно яркое доказательство любви с первого взгляда. Она действительно существует! Это – моя самая чистая и светлая любовь. А ведь я не знаю, какая она сейчас, но верю и хочу верить, что она такая, какой её представляю. В этом году я должен обязательно встретиться с ней, во что бы то ни стало. Всё, что было с другими – ерунда. Это просто я не мог побороть свою слабость. Хотел забыть о Галке. Но это глупо, я только ещё сильнее полюбил её. Сегодня смотрел фильм «Рыцарь мечты» про Александра Грина. Там была девушка. Такой я представляю Галку. Пропустил самое главное: с двадцать пятого января по шестое февраля я провёл первые зимние студенческие каникулы в Москве. Но об этом надо писать отдельно.

Москва... Да! Много в этом звуке

3 апреля

Сегодня не пошёл в институт: заболело горло. Никогда до этого у меня с горлом проблем не было, даже когда на зимних школьных каникулах съедал до тринадцати порций мороженого прямо на улице. Вспомнил, как я заболел корью в первом классе. Учительница привела весь наш класс к нашему дому, и я общался с ребятами через окно, соблюдая карантинное предписание врача. Но как было тогда приятно, что ты нужен, что о тебе думают!

Вот теперь попробую вспомнить Москву. Первое, что меня тронуло, это отец, который получил отпускные и из них восемьдесят рублей, то есть большую часть, вручил мне со словами: «Это тебе наш с мамой подарок за то, что стал настоящим студентом». И на следующий день он вышел на работу. Я сел в поезд – и напрямиком в Москву, которую практически видел только в кино и на картинках. Родители дали мне адрес московских знакомых, сын которых являлся их крестником с далёких пятидесятых годов. Это было мое второе в жизни самостоятельное путешествие. Где-то в пять утра вагон уже начал просыпаться. Я бодро вскочил со второй полки и начал одеваться, радостное возбуждение и предчувствие чего-то нового и необычного пронизывало меня насквозь. А тут ещё крепкие, словно литые слова диктора: «Товарищи! Вы подъезжаете к столице Союза Советских Социалистических республик городу-герою Москве». Далее шло перечисление всех достопримечательностей, ожидающих гостей сто-

лицы. Следуя наставлениям отца, я быстро сориентировался и перебрался на метро с Курского вокзала на Белорусский и сел в нужный автобус. Крепкий, январский мороз казался лёгкой осенней погодой для моего спортивного закалённого организма. Модное тёмно-вишнёвое пальто на поролоне покрытое шерстяной тканью, почему-то называлось «джерси», ощущалось словно пушинка. Проехав расстояние, равное многократному пересечению Орла, я оказался где-то на окраине и сразу увидел нужный мне двенадцатиэтажный новый дом, позади которого виднелась фантастическая игла Останкинской телебашни, которую я узнал по открыткам и телепередачам. Светлана Алексеевна Милютина, мать крестника, встретила меня радушно и даже аристократически. Вкусный завтрак, рюмка коньяка, непривычная тонко нарезанная доселе неизвестная колбаса показали мне, первокурснику, весьма и весьма экзотичными. Крестник моих родителей Андриюша оказался весёлым, жизнерадостным пятиклассником, но ещё более жизнерадостным и весёлым был его трёхлетний брат Анатолий, который с первых же минут привязался ко мне и не отходил от меня ни на шаг. Ему так нравилось, когда я его подкидывал, перевёртывал и так далее, что это бумерангом возвращалось ко мне по утрам. Привыкший вставать рано крепыш забирался на письменный стол Андрея и прыгал, как лягушка, на меня, безмятежно спящего на раскладушке. Даже для меня, любящего детей, это было шоком, сравнимым разве что с землетрясением.

Но больше всего меня заинтересовала племянница хозяйки, о которой та мне поведала в первый же день: красивая, серьезная, не подпускает мальчишек на пушечный выстрел. В общем, что ещё нужно бедному студенту, чтобы в нем загорелось желание немедленно увидеть таинственную незна-

комку? Но встреча состоялась лишь на пятый день, так как Светлана Алексеевна была занята и не могла нас познакомиться раньше, и я ринулся знакомиться с Москвой. Прежде всего, мне хотелось поплавать в бассейне «Москва», что для меня оказалось верхом блаженства. Трудно было представить, как это можно в тридцатиградусный мороз спокойно плавать в тёплой воде посреди столицы?! Впечатление было огромным: огромное голубое озеро, над которым поднимается пар, яркое зимнее солнце, вода прозрачнее, чем в любом водоёме, который я видел. Плынешь по голубоватой глади, а на бровях сосульки от мороза. Сказка, да и только! Если учесть, что я никогда и бассейнов, то, не видел. А какими вкусными после часа плавания показались горячие сардельки, которые продавались в буфете плавательного комплекса! Я сразу решил, что эта процедура будет у меня ежедневная.

Вторым делом я поехал на Калининский проспект. Вот, где красота: гигантские здания из стекла и бетона, огромные витрины магазинов первых этажей, кинотеатр «Октябрь» – самый большой в СССР. Всё выглядело, как иллюстрация к научно-фантастическому роману. После этого старинные здания с какими-то помпезностями, лепками, вычурными деталями, на мой взгляд, не смотрелись совсем. Исключение составлял Кремль. Я привык видеть изображение его башен и звёзд с детства, да ещё у стены мавзолей В. И. Ленина. Понравились также Царь-пушка, Царь-колокол и, конечно, же, главная достопримечательность – Кремлевский Дворец съездов, который показался вземным гигантским космическим кораблём. Меня мало волновал концерт, на который я попал, певцов я и по телевизору увижу, а вот огромный зрительный зал на шесть тысяч мест, движущиеся эскалаторы лестничных пролетов в фойе, крупнейший

буфет с яствами, которые я видел впервые, удивляли, впечатляли и впечатляли. Далее интерес простирался к самой высокой телебашне в мире. Добравшись до Останкинской башни, я узнал, что все билеты на осмотр этого восьмого чуда света разобраны на месяц вперёд. Не помню, что я сочинил кассирше, но входной билет, да ещё студенческий – за пятьдесят копеек, она мне выдала. Сэкономив два рубля, я воспрянул духом и уже уверенно гулял по смотровой площадке, соображая, как бы теперь попасть в один из трёх залов ресторана «Седьмое небо»?

Поговорив с какой-то девушкой в форме на чистейшем, как мне казалось, английском языке, я получил справедливые замечания, что слабовато владею английским, на что уверенно парировал: «Я же студент, должна быть скидка». Девушка рассмеялась и предложила на выбор: либо золотой зал – пятьдесят две минуты, либо серебряный – полный сеанс два часа. Бронзовый я счёл ниже своего достоинства и даже не спрашивал. Выбрав серебряный, я оказался за столиком с очаровательной семьёй какого-то известного музыканта из Прибалтики. Не помню, под каким соусом я назвал свою фамилию, которая среди деятелей культуры, особенно связанных с оперным искусством, была одной из самых знаменитых. «А Вы не родственник?» – спросил меня сосед по столику. «Не могу хвалиться, что близкий, а вот дальний – это точно», – парировал я. Не знаю, зачем наврал, но приятно было ощущать свою причастность к чему-то божественному. Угощение по билету за шесть рублей быстро закончилось, соседи пытались угощать меня какими-то сладостями. Я, в ответ, купил любимую стограммовую шоколадку «Алёнка» девочке-школьнице (почему-то стоящую в два раза больше, чем в магазине, очевидно, на седьмом

небе и не такое бывает!) и попрощался со своими словоохотливыми соседями, чтобы побродить по смотровой площадке, любуясь вечерней Москвой с высоты птичьего полёта. А место за столиком ресторана делало оборот вокруг панорамы Москвы за целый час.

Вскоре подошел вечер похода в Большой театр. Светлана Алексеевна достала два сверхдефицитных билета, да ещё на третий ряд партера. Это была опера «Дама с камелиями», в которой должны были петь какие-то Вишневская и Атлантов, их имена она называла с придыханием. Но самое главное – в этот вечер я должен был впервые встретиться с Лидой Андриановой – той самой знаменитой племянницей, которая слыла тургеневской девушкой. Встреча состоялась, я с ног не свалился, но девушка произвела приятное впечатление, как и Большой театр, и Вишневская с Атлантовым, хотя я оперы не выносил со времён обучения в музыкальной школе. Оказывается, совсем другое дело – видеть певцов из зрительного зала. Постепенно я всё больше укреплялся в мысли, что надо переводиться в Москву, которая как поётся в песне – «лучший город земли». До сих пор у меня перед глазами улицы столицы, по которым мы бродили с Лидой во время вечерних прогулок после посещения Большого театра, так как днём она училась в медицинском училище.

Но вернёмся в Орел. В последний день каникул мы собрались в общежитии, где жили Стёпа, Рика и Дима Лободин. Устроили себе маленький праздник перед занятиями. Сходили на Щепной рынок с огромным чайником, в котором через всю улицу тащили пиво. Стёпа привёз из Батуми мясных и рыбных деликатесов. Получился целый пир, на котором все делились впечатлениями о первых студенческих каникулах и супергероем из нас оказался Стёпа, который

успел соблазнить трёх проводниц в обоих направлениях и одну официантку в городе Батуми. У нас таких козырей не было. Сложнее всего было Диме и Толику – они вообще еще не дружили с девчонками, хотя Диме в один из новогодних вечеров приносили голую и пьяную студентку в одеяле, но Дима устоял и так рявкнул на студентку, что та, бросив одеяло, убежала. Смешно получилось у Толика, когда ему налили полстакана водки, он выпил её, и скорчил гримасу и так искренне воскликнул: «Невкусно!», что мы долго не могли прийти в себя от хохота. А он ещё вдобавок предложил всем отпустить бороды, что опять было очень смешно, так как его юношеское лицо, практически ещё не знало бритвы.

Думаю, что уже достаточно написал, даже устал. Решил переписываться с Лидой. Что-то мне в ней нравится. В то же время не часто, но встречаюсь со Светой, я называю её «строитель». Тоже неплохая девушка и целуется очень приятно. Правда, до крайностей не доходило, но кровь волнует достаточно. Но чего-то не хватает и в той, и в другой... Так что лучше больше думать об учёбе.

8 апреля

За окнами уже весна.
Учёба на ум не идёт.
Где взять таблетки против сна?
Какой же лектор идиот!
Не понимает, что сейчас
Нам не до лекций и бесед,
Иная мысль волнует нас,
И на сто бед один ответ...

А что со мною происходит?
И почему я сам не свой?
И счастье, кажется, проходит,
Кивнув девичьей головой...

Надо же, потянуло на поэзию! Первого апреля был «Огонёк» в профилактории. Я играл на баяне, танцевал с девушками, и, вообще, было очень весело.

24 мая

Ничего хорошего. Чувствую себя, как на раскалённой сковородке. Куча зачётов, экзаменов, не всё так гладко получается. Встретил Ленку, свою школьную любовь, она сказала, что осенью выходит замуж за белобрысого. Интересно. Пусть выходит. Всё прошло, «как с белых яблонь дым». Света уезжает в Москву через неделю готовиться и поступать в МГУ. Целеустремлённая девушка! Не знаю, будем ли мы встречаться, если я переписываюсь с Лидой? А пока мы со Светой, уже четвёртое воскресенье смотрим утренние мультфильмы в кинотеатрах «Октябрь» или «Победа».

30 июля

Итак, сегодня берусь за перо уже студентом второго курса и попытаюсь хоть чуть-чуть воспроизвести эти горячие два месяца. Сессия позади, месяц сидели, как проклятые, в областной библиотеке с Толиком. Лето, жара, красивые девушки на пляже, а мы, как дятлы, сидим и долбим, долбим науку в темечко. Физику сдали на отлично, а вот Сашка Леонов решил сдать без подготовки. Не ответил по билету, сердобольный Михаил Васильевич Жадов задал вопрос из оптики:

«Из чего сделана призма Николя?». Саня выпалил: «Из дерева!». Изумленный физик опешил: «А как же она делает двойное лучепреломление?». Леонов солидным голосом: «Не сразу! Не сразу». Все в аудитории надорвали животы от хохота.

Запомнился день после сдачи английского. Мы с Толиком и Рикой прогуливались по набережной, и я попытался заговорить с девушкой, которая бродила по щиколотку в воде. Наконец, она заговорила со мной на чистейшем английском языке, и мне так стало стыдно, что я семь лет изучаю английский язык, а говорю немного лучше глухонемого. В конце концов, мы все трое сумели с ней объясниться. Поняли, что она туристка из Лондона, путешествует с родителями, маршрут проходит через Орёл, учится в шестом классе (может у них это равно нашему десятому, уж очень взрослой для шестого класса смотрелась?) и готова с нами переписываться. Написала мне свой адрес, который, думаю, останется как сувенир, ибо английский уже сдан, сидеть со словарём и учебниками нет необходимости, хотя если бы эта девушка была похожа на Софи Лорен или Брижит Бардо, может быть и сидел.

Незабываемо прошли дни пребывания в спортивном лагере нашего института. Для меня, отдыхающего летом в детских, пионерских, спортивных лагерях с пяти лет, всё было привычно: и палатки, и природа, и прекрасный аппетит на свежем воздухе. Непривычной была полная свобода и отсутствие воспитателей и вожатых. Да и как-то по-новому, по-взрослому ощутил я себя в этом лагере. Познакомился с симпатичной скромной девушкой Ларисой. Приятно общаться, гулять лунными ночами. Но сердце, как птичка в клетке, не запрыгало. Больше запомнилась совершенно незнакомая девушка на танцах с эффектной красивой грудью, прикосновение в танце к которой пронзило меня, как молния. Появи-

лось много новых друзей среди ребят, особенно понравился из них Коля Машков – высокий, атлетического сложения, парень с внешностью чем-то напоминающей красивого американского певца Элвиса Пресли, которого, почему-то, ругали во многих газетных статьях, как дешёвый образчик буржуазной культуры. От Коли веяло таким положительным весёлым молодым задором, что это невольно улучшало настроение постоянно окружавших его парней и девочек. Я ему проиграл партию бадминтона, потому что меня пригласили на матч спросонок после тихого часа. Ещё один человек, врезавшийся в память, наша повариха Мария Григорьевна Аманьева – дородная, огромная женщина в пенсионном возрасте гоняла нас, студентов, как боцман юнгу на корабле, но так вкусно нам готовила, и такая строгая нежность к молодёжи сияла в её добрых глазах, что было ясно видно: она без молодёжи просто жить не сможет. Ещё поговаривали, что она была поваром у самого маршала Рокоссовского.

Навстречу мечте

1 августа

Ура!!! Сегодня получил письмо от Галки Орловой, в котором она приглашает меня приехать к ней в Севастополь в гости. Только что приехал с билетом до Севастополя за вещами. Еду проходящим поездом в семь вечера.

О, девушка моей мечты,
Ох, если б только знала ты,
Как я тебя давно ищю
И как тебя я жду.

19 августа

Сразу хочу написать, что самый приятный шок я испытал от встречи с морем. Я помню, как в детстве отец приехал из Одессы и с восторгом рассказывал мне, как прекрасно Чёрное море! Практически он там и научился плавать, каким-то образом сумев двумя годами ранее научить плавать меня. Долгие месяцы он распевал мне песни о море, которые я все подобрал на баяне. За праздничным столом то и дело слышалось: «Самое синее в мире Чёрное море моё...». С раннего детства для меня любая вода – это чудо, лишь бы можно было в неё окунуться. Ну, а когда я впервые в жизни нырнул в солёную, зеленую красивую воду, я почувствовал себя Ихтиандром из моей любимой книги «Человек-амфибия», правда, никак не думал, что вода может быть такой горько-солёной на вкус. Но зато любимым цветом стал цвет «морской волны».

Никак не могу подобраться к описанию того, что произошло. А произошло вот что: я сел в севастопольский поезд, взял постель, залез на вторую полку. Совсем не лежалось и не спалось. В голове крутилась только одна мысль: неужели я уже завтра в полдень наяву смогу увидеть девушку, чей образ не даёт мне покоя вот уже пять лет? Увлекаясь красивыми девчонками, я всегда думал только о ней. Достигая чего-то нового в учёбе, читая литературу, забираясь на вершину гигантского кедра в Сибири, побеждая на спортивных соревнованиях, я всегда думал только о ней. Ореол её был так ярок, может и от того, что мы с ней даже не дружили. Надежда на встречу и диалог с нею, казались фантастическими, несмотря на расстояния. И чем интереснее была новая девушка, тем больше и ярче казалась полузабытая красота той, Первой...

Очень помогало мне соседство с молоденькой девушкой, устроившейся на противоположной полке, которая ехала в Мелитополь. Она оказалась моей ровесницей, тоже студенткой и самое главное – умела слушать, да не просто так, для вежливости, а с огромным вниманием и неподдельным интересом, правда, и тема у меня была неплохая – рассказ о первой любви. Значит, что-то получилось у меня, когда я ей рассказал всё о Галке – с момента первой встречи с ней ещё в седьмом классе в фойе кинотеатра перед фильмом «Три мушкетёра». Я купил билет, стал смотреть какой ряд и место, отходя от кассы, поднял глаза на часы, висевшие на стене напротив касс и... Меня будто пронзило током: под часами стояло сказочное существо в голубом платке, из под которого струились золотые кудри волос, огромные синие глаза смотрели в мою сторону, черты лица напоминали юных красавиц из кинофильмов и книжных иллюстраций, зелёное пальто и тёмно-синие брюки удачно создавало фон изящной фигурке. Последний предмет был совершенно неизвестен экибастузским девчонкам. Спас звонок в зрительный зал.

Моя собеседница слушала как замороженная и чуть не проехала свой Мелитополь, совершенно не заметив вместе со мной, как пролетела короткая летняя ночь. Быстро написав на листочке свой адрес, она назвала меня счастливым человеком и попросила обязательно ей написать, как пройдет наша встреча.

Далее – как в тумане. Я добрался до её квартиры, дверь открыла её мама. Брата, который учился со мной в пятом классе, в Севастополе не было, а сама Галка находилась в этот момент на городском пляже возле Приморского бульвара, куда я, бросив вещи, сразу и направился. Побродив в многотысячной толпе отдыхающих, всецело отдававших

себя солнцу и воде, я остановился и решил искупаться. Вот тут я испытал шок моря. Плавая в море, вдруг увидел Галку, плывущую к берегу с какой-то девушкой. Я надеялся, что она меня не узнает, но это было смешно. Наверное, более обалдело взволнованной физиономии, чем моя, на пляже не было. «Вас не Саша зовут?» – спросила она, ловко маневрируя под водой руками. «Привет, Галка!» – хрипло выдал я. «А ты неплохо плаваешь!» – продолжала она диалог. Короче, мы выбрались на берег и стали узнавать друг друга. Я нашёл её такой же красивой, как и представлял. Только вот куда девались её длинные золотые волосы? Вместо них была короткая стрижка, а волосы – каштанового цвета. Но это в данный момент не имело никакого значения. Я видел её огромные синие глаза, о которых пять лет мог только мечтать, и в них вмещалась для меня вся вселенная. Я отдавал себе отчёт в том, что она вовсе не интересовалась мной все эти годы, да и сейчас, думаю, она не сражена наповал моей внешностью, но, тем не менее, был благодарен за то, что мог просто быть рядом с ней, и она неплохо отнеслась ко мне. Стала отвечать на письма, даже пригласила в гости и сейчас поддерживала беседу. По дороге к её дому я накупил каких-то овощей, фруктов к столу, и она всё пустила в ход при подготовке ужина. Сердце моё пело, я десятки раз хотел ущипнуть себя за нос, чтобы убедиться, что это не сон, что передо мной вот запросто ходит по кухне в фартуке девушка, не дававшая мне спокойно спать ни в Казахстане, ни в Орле. Естественно, что еда показалась самой вкусной на свете, хотя нарезанные помидоры со свежей капустой явились маленьким открытием «просто, со вкусом».

После ужина мы пошли на танцы в местечко, которое почему-то называлось «яма». И действительно в районе

Графской пристани оказалась огромная ниша вроде бассейна, в которой толпились и танцевали молодые люди. Здесь произошло первое столкновение наших интересов. Когда я пригласил Галку на танец, она сказала: «Давай лучше постоим, а то я выше тебя». Я никак не ожидал такой глупости и бестактности. Я, конечно, не был баскетболистом, но всё же на три-четыре сантиметра был выше её. Впрочем, я быстро справился с собой и стал «стоять рядом». Вскоре какой-то тип высокого роста в довольно грубой и примитивной форме стал её приглашать. Я хотел было быстро, по-мужски возразить, но Галка вдруг спокойно пошла с ним танцевать. Я, естественно, пригласил первую попавшуюся на глаза девушку и, не замечая своей партнёрши, с удивлением наблюдал, как Галкин спутник откровенно лапал её, находясь явно в нетрезвом виде. После танца Галка быстро подошла ко мне, взяла за руку и предложила срочно проводить её домой, что я и был вынужден сделать. По дороге она мне сбивчиво объясняла, что это её знакомый, он сидел в тюрьме и что-то там ещё... Я почувствовал, что на этот день, учитывая бессонную ночь, информации для меня достаточно. Не помню, как я уснул на отведенном мне диване. Но утром проснулся рано, в прекрасном настроении, чувствуя себя бодрым и подтянутым, как в день соревнований. Странно, но сказочной эйфории от образа Галки уже не было, хотя меня снова волновали её глаза, походка, стройная фигура. На второй день мы поехали на катере на загородный пляж «Учкуевка», где я был очарован красотой моря, огромных волн. И здесь, что греха таить, я показал всё, на что способен, без усталости плавая и ныряя. На что Галка с удивлением произнесла: «Ну-у-у, ты просто «человек-амфибия!». А вообще, чего я хотел? У неё за пять лет были свои друзья, свои

влюблённости, не всё было удачно, а меня вообще не было и в помине.

Короче говоря, через две недели я уезжал, наполненный любовью к Чёрному морю, сочным персикам и уже гораздо спокойнее относящийся к Галке, хотя с пьедестала «Первая любовь» её уже никто не снимет. Вспомнились слова песни «И только первую любовь не бери, никогда её назад не жди». Хотя первая любовь бывает взаимной, с встречами, прогулками, поцелуями, а у нас ничего не было, просто Галя мне очень понравилась, и я стал считать её своей первой любовью. Что ж, бывает, наверное, и так, думалось мне, и образ новой, неизвестной, но дорогой мне девушки засиял новой звездой, на небосклоне моих чувств.

27 августа

Вчера мне стукнуло восемнадцать лет. Какой-то странный и интересный рубеж, когда совершенно не верится, что детство закончилось и не вернётся. А взрослым, отвечающим за все свои поступки основательно и по закону, ещё себя не чувствуешь. В общем, пока был готов к этой дате только теоретически. Как будет на практике – посмотрим. Однако когда в «Железнице» пели песню «Город детства» на стихи Роберта Рождественского и звучали слова, что обратного билета до детства нет, у меня сердце разрывалось от тоски и отчаяния. Праздник прошел великолепно. У меня дома собрались мои друзья по школе Наташка Назаренко, Володя Волошин, Ольга Сёмина, Юра Кузнецов, Валя Кочанова и Лариса, которая отдыхала летом в «Железнице». Родители, мои милые родители, приготовили праздничный стол и оставили нас одних, организовав застолье для всех соседей по нашей

коммуналке на общей кухне без моего присутствия. Повеселились мы весьма неплохо. Все – студенты двух единственных, дневных институтов в городе, общие знакомые, общие темы, общие песни, которые я сыграл для всех на баяне, фотографирование с рожцами, ужимками и рожками. Да, день совершеннолетия должен запомниться надолго!

Поздно вечером, когда все расходились, я пошёл провожать Ларису. Она очень хорошая девушка, но обманывать её не буду. Сердцу не прикажешь, и, хотя после Галки в нём появилась вакансия, заполнять его искусственно не стоит. Думаю, что сейчас надо налечь на учёбу и второй курс проучиться с блеском, заняться основательно спортом, ну, а из девочек оставить только Лиду, которая продолжает присылать мне из Москвы тёплые письма и, пока, наверное, ближе других по духу. Забыл описать, как я ездил переводиться в МГУ. Принял меня декан мехмата (механико-математического факультета) неплохо, но брали снова только на первый курс, а тут ещё наш куратор пообещал глубоко с нами заниматься математическим анализом. В результате я остался в Орле, хотя внутренне убеждён, что совершенно зря, ибо лишаюсь чего-то интересного, мощного, да ещё не где-нибудь, а в самой Москве, в МГУ. И так, остаётся верить в свои силы и что разбужу свой талант создавать новое в математике.

ВТОРОЙ КУРС

Сотрём грань города с деревней!

28 сентября

Уфф! Только что пришёл из бани на Октябрьской, напарился, как будто заново народился на свет. Второй курс начался очень резво. Не успели нам прочитать пару лекций, как объявили, что едем в колхоз на сельхозработы.

И вот пятого сентября наша доблестная третья группа погрузилась в пригородный поезд, который взял курс на станцию Красная Заря в неведомом Новодеревеньковском районе. Тащились мы в этом поезде целый день, но всем было очень весело. Играли в карты, шутили, хохмили, распевали песни, болтались по вагонам, наконец, прибыли в какое-то захолустье, которое называлось селом Красная Заря, где нас встречал на грузовой машине хромоногий мужичок в брезентовом плаще.

Рассевшись в кузове на корявых досках, мы минут тридцать-сорок тряслись по грунтовой дороге и приехали в какую-то маленькую деревню с тремя десятками домов под названием Медвежье.

Девчонок поселили в заброшенный однокомнатный домик, а нас, пятеро ребят, к какой-то старушке, где в избе напротив русской печки был застлан общий топчан на всю нашу братию. На следующее утро человек в плаще повёл

нас на зернохранилище, где возвышались огромные горы зерна, которые пополнялись то и дело приезжающими грузовиками, наполненные свежееубранным зерном, и тут же убавлялись отъезжающими, наполненные уже чистыми, провеянными и просушенными злаками.

И вот нас поставили на процесс между этими действиями, то есть, мы кидали зерно лопатами на транспортёры, некоторые кучи просто перекидывали деревянными лопатами. В общем, если сюда добавить грохот грузовиков и механизмов, да орущие голоса водителей и бригадиров, пытающихся перекрыть весь шум, то получится картина «На току», где немалую часть занимали карикатурные фигуры студентов в разношёрстных запыленных одеждах, неумело работающих лопатами, так как делали это впервые в жизни.

Так как с нами не было никого из преподавателей, мы выбрали старшим Володьку Егорова и негласно стали работать в стиле «работа не волк, в лес не убежит», используя любую возможность полежать, передохнуть, сходить попить, в туалет и так далее. Правда, не до такой степени, чтобы злостно ничего не делать, а больше для того, чтобы похохмить, да повыпендриваться друг перед другом. Самым приятным моментом стал обед, который со вкусом готовили дежурные девчонки. Ласковое осеннее солнце, к обеду порой пригревающее по-летнему, незатейливый, но вкусный обед, преимущественно состоящий из свежеприготовленного мяса, картошки и капусты, который мы жадно уплетали на свежем воздухе, рассевшись на зелёной ещё траве, создавали какую-то романтическую полурабочую, полутуристскую атмосферу, которую так не хотелось прерывать послеобеденной работой.

Алкоголь мы почти не употребляли. Как-то утвердилась здоровая атмосфера. Мы с Рикой даже совершали каждое

утро пробежку и обливались холодной водой из колонки, находящейся прямо возле старушкиного дома.

Вечером чаще собирались попеть и потанцевать возле дома, где жили девчата и куда стекалась вся немногочисленная молодёжь деревни. Мне понравилась смазливенькая девочка Катя, которая училась в восьмом классе. Но чуть было проснувшиеся чувства сразу угасли, ибо Катя умела только слушать, подставляя губы для поцелуя и больше ничего! Вспомнил известного артиста Аркадия Райкина: «Хорошо, когда на тебя смотрят, открыв рот... один день!».

Запомнились два эпизода. Первый – когда я приручил собаку, охранявшую огромную яблоню, стоящую неподалёку от домика, где жили наши девушки. Я подружился с маленьким мальчиком, который жил в доме хозяев яблони, а мальчик познакомил меня с собакой. Собаку он называл Саиком, и я добросовестно называл его так же,нося ему косточки от наших обедов, а взамен – к студенческому столу охраняемые им сочные яблоки. И только в конце нашей дружбы с «Саиком», когда на всей огромной яблоне осталось не более десятка плодов, до меня дошло, что «Саик» – это просто Шарик, маленький мальчик не выговаривал ни «Ш», ни «Р», а я, здоровый дурак, картавил вместе с ним.

Второй эпизод связан с солдатами, прибывшими убирать урожай на новеньких грузовиках марки «ГАЗ». Один из водителей разрешил мне покататься по околице деревни во время обеденного перерыва, и, увидев, что я сносно разъезжаю, расслабился и выпил стаканчик, а может и два винца за обедом, ну, и в порядке доверия разрешил мне сесть за руль и вести машину до самой Красной Зари, где находился элеватор.

Видя, как легко мне достался руль, с нами запросился в машину Рика. Его чуть было не посадили в кузов, но потом

водитель, видимо что-то почувствовав, велел ему садиться в кабину. Так в тесноте, да не в обиде мы резво поехали в сторону элеватора. Слегка захмелевший водитель подбадривал меня, чтоб ехал быстрее, и даже помогал давить сапогом на газовую педаль. Впереди показался поворот, и я, заметив довольно крутую обочину левой стороны дороги, тем не менее, не соображая, на большой скорости круто и почти машинально повернул руль вправо... Запомнилась следующая картина, промелькнувшая как в замедленной съемке: несущаяся и быстро приближающаяся ко мне земля во всё открытое окно левой дверцы, и в самом левом углу обозримого пространства шлейф высыпающей из кузова гречихи. Потом всё перевернулось, и мы оказались в сплюсненной машине вверх ногами. Водитель первым пришёл в себя и быстро выключил зажигание. Ничего не соображая, мы сумели выбраться из кабины и увидели перевёрнутый «газик» со сплюсненной кабиной и ещё крутящимися колесами.

Мы с Рикой ощупали себя и убедились, что целы и невредимы. Из кабины выкарабкался хозяин автомашины, со всех сторон сбегались люди, среди которых были наши девчата, подъехали два однополчанина нашего шофёра.

Рика, убедившись, что цел и невредим, с беспечным видом сел на кучу рассыпанной гречки, стал вытряхивать крупу, попавшую в сапог, и спросил девочек ни к селу, ни к городу: «Обед готов?». Водитель, выбравшись из кабины, набросился на меня, но их бригадир или командир резко преградил ему дорогу: «Остановись, дурак, пацан ни при чём!».

Так закончился мой первый боевой опыт автомобильного вождения, в память о котором я зачем-то насыпал пакетик гречки вперемишку с кусочками битого лобового стекла.

И теперь, когда я еду в автобусе или трамвае, при правом повороте, мне всё время кажется, что мы все терпим крушение.

Итогом нашей помощи государству в уборке урожая была раздача нам денег Володькой Егоровым в сумме двадцать рублей каждому. Совершенно смешная сумма, но мы к этому отнеслись спокойно. Во-первых, работали мы, честно говоря, через пень-колоду. Так что обижаться не на кого.

Впереди теперь занятия, спорт и Лида из Москвы, с которой я решил поддерживать отношения, хотя эта Лида мне уже два месяца не пишет.

2 октября

Сегодня было комсомольское собрание, посвященное речи Владимира Ильича Ленина на первом съезде комсомола, где он сказал свои знаменитые слова: «Учиться, учиться и учиться». Сказал, в общем, правильно, только зачем устраивать по этому поводу собрание? Учиться мы и так учимся, раз студенты – кто-то на «отлично», кто-то еле-еле на «троечки», чего впустую говорить об этом? Да ещё учитывая, что мы каждый день по несколько часов сидим за партами в этом же составе.

Уже с четвёртым мушкетёром

9 октября

Занятия полным ходом. В конце четвёртой пары частенько судорогой сводит руку от быстрой писанины.

К нам в группу перевёлся из «машинки» (машиностроительный институт) Володя Беккер, приятный парень.

По-моему, к нашей сформировавшейся тройке (Толик, Рика и я) добавляется четвёртый мушкетёр. Видно, что разбирается в математике, начитан, любит хоккей, футбол, доброжелателен к окружающим. А всё же учиться привычнее и легче, чем на первом курсе. Я даже не мог подумать раньше, что буду свободно разбираться в таких громоздких формулах и умопомрачительных задачах. Не зря у нас висит лозунг в 99-й аудитории: «Математику уже за то учить надо, что она ум в порядок приводит» (М. Ломоносов).

Действительно, в этой каше труднопроизносимых терминов всё становится чётким, ясным и незыблемым, как в пирамиде Хеопса, если ты понял суть вопроса.

14 октября

Опять эти «Подвиги Геракла»... Снова смотрел этот фильм с Галкой Аллас – правда, неудобно себя чувствуешь рядом с девушкой, когда на экране такой мужчина!

Надо добиться, чтобы моё тело стало сильным и красивым, а это возможно.

Странно... В восьмом классе я бы всё отдал, чтобы сходить с Галкой в кино, а сейчас мне наша встреча показалась совершенно неинтересной.

Лидка по-прежнему молчит, словно знала, что я пустился с лета в «свободное плавание».

Лариса, Галка Орлова и пустота...

Есть на свете три вещи, которые не имеют цены: хорошая жена, хороший друг, хорошая книга – только что прозвучало по радио.

29 октября

Ура!!! В Орле открыт плавательный бассейн. Мы вчетвером записались в секцию плавания и были в числе первых открывателей орловского бассейна. Вода, конечно, не такая, как в бассейне «Москва», какая-то серо-буро-малиновая, к тому же холодная, не более 18 градусов, но, думается, это дело поправимое. Главное – теперь можно зимой плавать, о чём ещё год назад даже не мечталось.

Наш тренер, Георгий Сергеевич, проверил наше мастерство на воде и сделал заключение, что все мы плавать совершенно не умеем, а умеем только купаться. Было очень обидно, но справедливо. Плавать по-собачьи, вразмашку, по-морскому, на спине – это ещё не значит уметь плавать кролем, брассом, баттерфляем и по-настоящему на спине. Буду круглым дураком, если в ближайшее время не стану отличником, мастером спорта по плаванию и не заброшу всех девчонок.

Хватит хандрить и писать писюльки.

Пора за дело!

9 ноября

Отдыхаю после праздника. Очень люблю первое мая и седьмое ноября.

Просыпаешься рано – по радио звучат бодрые марши и весёлые песни, за окном из разных концов города разносится праздничный гул многотысячной толпы, какое-то внутреннее волнение и душевный подъём, на вешалке всегда наглаженный костюм и белая рубашка, начищены туфли и приготовлен лучший галстук.

Наскоро позавтракав, спускаешься по лестнице как на крыльях. А по улицам текут и текут ручейки нарядных людей с шарами, красными бантиками, флажками, транспарантами, едут машины, разукрашенные лозунгами и причудливыми формами украшений, отражающих отрасль или направление хозяйства, которому принадлежит данный транспорт. Ближе к центральным улицам ручейки сливаются в крупные реки и на центральной улице Горького уже сплошное море людей, автомобилей, велосипедов, мотоциклов и так далее.

Добрых полтора-два часа я смело плаваю в этом потоке, в котором приятно увидеть друзей детства, соседей, знакомых, одноклассников, учителей.

Очень много песенных «островков», из каждого доносятся совершенно разные песни, как по стилю, так и по содержанию. Из одного – частушки, из другого – революционно-патриотическая песня, из третьего – «Цыганочка», из четвёртого – «Последняя электричка». И всё это весело, с улыбками, раскатистым смехом. Очень забавно, что многие из этих «островков» имеют свои духовые оркестры, струнные инструменты, особенно много баянов и гармошек. Метров за четыреста до трибуны колонны начинают выравниваться, подтягиваться, кое-где демонстрантам приходится бежать, а последнюю сотню метров все идут приосанившись, как перед киносъёмкой.

Как правило, в эти секунды, по всем репродукторам вокруг площади Ленина звучат лозунги: из тех, что печатаются на первых страницах предпраздничных газет и конкретные приветствия в адрес представителей отдельных предприятий. Все поглядывают на трибуну, на которой улыбаются и приветливо машут незнакомые важные люди – руководители города и области.

Второй год подряд я обращаю внимание, что, когда все уже прошли мимо трибуны, большинство людей устремляют свой взгляд на одно из окошек углового четырёхэтажного дома. Оттуда при распахнутых окнах, наполовину высунувшись на улицу, выглядывает симпатичный дедушка и держит в обеих руках наполненные рюмки, то и дело чокаясь ими и кивая проходящим людям так искренне и доброжелательно, что у них настроение ещё больше поднимается.

Затем море снова растекается по рекам и ручейкам близлежащих улиц. Самые усталые и нетерпеливые, освобождаются от ставшими ненужными флажков, транспарантов, лозунгов, спеша погрузить их в отъезжающие автомашины.

К обеду улицы вымирают, лишь ветер разносит обрывки цветной бумаги, кусочки красного материала, обрывки лопнувших воздушных шаров. Город, как и вся страна, дружно садятся за праздничные столы.

Остаётся добавить, что седьмого ноября, после демонстрации мы оказались вдвоём с Ларисой, бродили по городу, ходили в кино, в ресторан, где повспоминали летний студенческий лагерь в Железнице. Я поймал себя на мысли, что это опять всё не то, хотя к Ларисе претензий никаких – стройна, изящна, внимательна, но я больше думал об Ирке Арбениной, с которой танцевал на вечере «Посвящение в студенты» второго ноября и на праздничном вечере шестого ноября.

Нравится мне Ирка. Но она всё время мне признается в горячей любви к Сашке Сошенко – высокому красавцу-волейболисту из первой группы, немного похожего на певца Дина Рида, и быть подушкой для выплакивания Иркиных слёз я совсем не собираюсь. Так что это направление тупиковое.

Интересно, когда мы пришли в сентябре на второй курс, в расписании появился ассистент Зубарев, который был в про-

шлом учебном году четверокурсником физмата и секретарём комитета комсомола института. Нам так понравилось его повышение. А на днях узнали, что его избрали секретарём Заводского райкома комсомола и он оставил место ассистента физмата. Неужели новое место выше и престижнее? Хотя я пока жизнь комсомольскую знаю только по книгам и фильмам с героической стороны, а сейчас? Скучные собрания, взносы и какие-то мероприятия. Впрочем, я, наверное, ещё многого не знаю.

16 ноября

Десять часов утра. О, как мне сегодня снился мой город детства Экибастуз, музыкальная школа и Люда Н., которой я, очевидно, нравился, и она просто бегала за мной, как я за Галкой Орловой. Раз у меня были другие интересы, то однажды я ей нагрубил. Как хочется туда съездить. Надеюсь, когда-нибудь это осуществится, и я разыщу Люду и извинюсь.

Занятия идут вовсю. Вчера сдал коллоквиум по элементарной математике. Получил письмо из Москвы от Светы, пишет, что прождала всё лето и уже осень кончается, но ни звонков, ни писем. Весьма разочарована. А с Лидой отношения, кажется, стали хуже, письма были совсем сухими. Вода в бассейне становится всё чище, плавать, естественно, всё интереснее...

«Лишь дело героя да речь мудреца пройдут сквозь столетья, не зная конца». Понравилось выражение.

1 декабря

Ходил в кино. «Анжелика – маркиза ангелов». Хороший фильм, понравилась Анжелика. Такую бы женщину иметь

своим близким другом! Почему-то год назад показали фильм «Анжелика и король», когда его следовало бы показывать после сегодняшнего. Однако актриса в обоих фильмах сверхобаятельна, мало в чём уступает моей любимой Милен Демонжо.

Заниматься стал лучше, может, бассейн стал помогать, а, может, на девчонок стал меньше времени тратить.

Ставлю теперь оценки себе за каждый день. Очень жёстко подхожу к себе – есть «тройки», даже «единицы», но уже получил несколько «четвёрок с минусом».

6 декабря

Что-то эти дни неважно себя чувствую. Сегодня посмотрел фильм «Неподсуден» – о лётчике, любовь которого разрушил подлый товарищ. Ещё раз убедился, что очень интересен актер Олег Стриженов. С Лидой покончено – прислала конверт с моей фотокарточкой. Немного жаль, хорошая девчонка, и я, наверное, даже её не стою.

Интересно, дождусь ли я настоящей любви или нет?

14 декабря

На днях в бассейне порезал ногу. Медсестра Валя хорошенько забинтовала. Понравилась её подруга Надя, занимающаяся гимнастикой, но пошёл провожать Валю, потому что, как показалось, понравился ей. Ругаю себя за малодушие.

Надо всегда идти за той, которая понравилась тебе и только тебе, потому что потом привыкаешь к девушке, которой ты понравился и с которой проводишь время, открываешь в ней много хороших черт, но мысленно часто возвращаешься к той, которая взволновала тебя.

Опять сбит режим, опять хожу в кино с девушкой (теперь это Валя), провожаю, торчу в подъезде до двух ночи, будоражу родителей, которые не спят, волнуются.

Разве это дело?

Уже вывесили расписание экзаменов, технику кроля я уже осваиваю в бассейне неплохо, если не потеряю темпов тренировок, то могу выйти на приличные результаты.

27 декабря

Последние дни уходящего года. На шее сидит элементарная математика и английский, с физикой вроде бы разделался.

Сегодня приехала родня из Сибири – тётка отца с мужем и двоюродный брат отца, пришедший из армии, Юрка. Привезли поразительную весть – сестра отца Валентина, которой всего шестнадцать, вышла замуж и имеет ребёнка.

Вечер воспоминаний, водка, сибирское сало, задушевные колбаски, от запаха которых содрогается весь желудок, любимые песни нашего детства – «Тонкая рябина», «Одинокая бродит гармонь», «Как пойду я на быструю реченьку», «Катенька-Катюша – купеческая дочь» и так далее. Вспомнилось, как после девятого класса весь наш класс своими силами отремонтировал школу к новому учебному году. Весь июнь красили, белили и заработали поездку в Ленинград. Завод Приборов, как шеф нашей школы, выделил средства. Все поехали познавать красоты Северной столицы, а я, как дурак, поехал к бабушке в Сибирь, как пообещал родне в декабре, сознательно отказавшись от красивейшей поездки. Да, я не открыл для себя в 15 лет шедевров Ленинграда, но зато, что может сравниться с путешествием пятнадцати-

летнего паренька из Орла через всю страну в сибирский город Назарово Красноярского края на поезде через Москву, одному, ещё без паспорта и на целый месяц!

Незабываемые моменты: когда моя бабушка Дуся (по отцу) на рассвете доила корову, будила меня кружкой парного молока, и я тут же засыпал с благодарной улыбкой, а в небольшом посёлке совхоза, где жили мои родственники-одногодки с родителями, я вечерами играл в клубе на танцах на баяне, что очень нравилось местным девушкам. Так по утрам, когда я любил отсыпаться, на лужайке возле дома собиралась группа девчат, чтобы попеть любимые песни под баян и, хоть я и не выспался, девчонок обидеть нельзя. Ещё поездки в тайгу, кедровые орехи... Незабываемое лето.

31 декабря

Последние минуты уходящего года... Я на втором курсе института. Съездил к своей бесплодной мечте в Севастополь, учился неплохо (мог бы значительно лучше), спортом занимался удовлетворительно (до чемпиона далеко!), в математике пока великих открытий не совершил.

Всё... Уже Новый год! Год испытаний и свершений, которые я должен пройти намного успешней, чем в прошлом.

Началась гулянка, пришли соседи по нашей коммуналке – Валик, Люда, Елизавета Ивановна, начались песни, танцы, смешинки и так далее. В три часа пошли с отцом погулять по улице – тихо, снежок падает. Замечательно!

Возле женского общежития строителей встретили Нину – чудесную девушку, работающей отделочницей на стройке. Отец повернул домой, а мы с ней побродили по снегу. Ладно побродили, но Нина начала признаваться,

что любит меня! Вот те на! Мы даже не встречались вдвоём, так, в знакомых компаниях. Что делать? Не знаю. Голос завораживающий, глазищи огромные, красивые, искрятся теплотой и вниманием. А меня ничего не трогает...

Сегодня начинается новое десятилетие по календарю, десятилетие моей зрелости. Интересно, что оно мне принесёт?!

Пора и поспать немного. Новый год уже не убежит.

Живут студенты весело, от сессии до сессии

3 января

Сегодня написал контрольную по элементарной. Через три дня экзамены по матанализу. Вчера прочитал новеллу «Зинка», только что закончилась вторая серия «Война и мир» – вот, пожалуйста, твёрдый характер Андрея Болконского! А у меня каша в голове.

Света, Лида, Лариса, Нина, Валя... Разве так можно?

Мысли трудно выражать на бумаге. Хочется снова восторгаться природой, красотой, остро чувствовать лето, осень, все времена года. Как я помню весну в седьмом классе – первые сухие тропинки, кусочки сухого асфальта, пробивающиеся зеленые травинки, запомнившиеся мелодии песен «Карелия», «Голубые города», «Город родной», «Гармошка» и жгучее чувство-мечта по встрече с Ней – девушкой моей мечты...

7 января

Сижу в библиотеке Крупской. Учим с Толиком высшую алгебру. Матанализ сдал вчера на «четыре». Жаль, чего-то

не хватило на «пять»! Обмывали в общежитии у Рики и Стёпы (Стёпа уже в ранге заочника, при всём его обаянии, завалившего все экзамены, кроме английского). Песни пели довольно громко, но пронесло, дежурные к нам не заглянули.

Очень мне нравится заниматься в библиотеке Крупской. Огромный читальный зал высотой с трёхэтажный дом, где можно сесть за столик с зелёной настольной лампой, и с десяти утра до десяти вечера – это твоё законное место. Никто тебя не потревожит. Читай лекции, бери для развлечения любые книги, газеты, журналы. Очень люблю читать «Советский экран», «Крокодил», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Техника молодёжи». Нравится атмосфера в библиотеке: тихо, спокойно, кто выписывает требования, кто роется в каталогах, а основная масса сидит за столами в читальном зале и усердно постигает священные дары «Его Величества Слова».

На днях мы с Толиком открыли шикарнейшую столовую в Доме Советов, туда нас затащил Лёха с худграфа. На семьдесят копеек мы наелись, как на пиру у Ивана Грозного, хотя больше всего понравилась повариха на раздаче Алёна. Видел я такое лицо на одной из картин в Третьяковке, но не помню автора. Это же надо! Мы в институтской столовой на тридцать шесть копеек издеваемся над желудком, а тут всего за семьдесят – российский пир! Решено! Ходить будем только сюда.

17 января

Сегодня сдал диамат на «четыре». Неплохо, если учесть, что сдавал Габинскому, которого боится весь институт, а особенно «дураки». Те не могут сдать ему даже на «тройку» по два года. Я же прочитал самый лёгкий учебник, как его

называют «для кухарок» и всего один раз. Значит, кой-какие извилины есть.

20 января

Как червяк в земле живу!

Где интереснейшая, блестящая жизнь студента?

Песни, костры, походы, палатки, вечера, КВНы, соревнования, необыкновенные романы с девчонками... Где?

Где обаяние, энергия, широта кругозора, поразительная общительность, которые кипят и пенятся, как шампанское и радуют окружающих?

«Дайте мне почувствовать себя сильным и грубым!».
Читаю Аксёнова «Звёздный билет».

Неужели я не заставлю себя выйти на настоящую дорогу, а буду только писать эти жалкие «писульки»? Заставлю!!!

Гори, свети, бегай, прыгай, учи, ходи, отдыхай, веселись, скучай, люби, ненавидь, ревнуй, забывай. Но только живи яркой и интересной жизнью. Ведь после тридцати будет катастрофически поздно.

«Любовь... Она придёт – и в миг начнётся весна...», – поёт Эмиль Горовец.

«Я бы унёс её в горы, в храм Афродиты, книгу любви мы прочли бы там от корки до корки» – дразнит воображение Василий Аксёнов.

23 января

Всё! Сессия окончена, «четыре», «четыре», «четыре», «четыре». Отстал, конечно, от Толика и Рики, но терпимо. Звонил Светке в Москву, болеет, с учёбой плохо. Надо как-то

повидать её. Конечно, найти бы красавицу, чтоб была умна, как Света или Валя. Но тут я становлюсь похожим на комедийную героиню Гоголя: «Вот бы нос, как у Иван Ивановича, а уши, как у Петра Петровича...».

Сегодня видел Ленку с мужем. Совершенно выветрилась моя школьная любовь из головы, никаких эмоций.

31 января

Сегодня был вечер встречи выпускников, уже второй. Пришло шестнадцать моих одноклассников, а в прошлом году был почти весь класс.

Даже не верится, что мы, когда-то все вместе учились, проказничали, а сегодня уже взрослые, самостоятельные люди. Большинство из нас учатся в пединституте и «машинке», Люда Степанова в МГУ. Так что народ не пропал по закоулкам. Сказывается, что школа наша молодая. Мы, первые выпускники, не так уж сильно отличаемся от сегодняшних десятиклассников, хотя когда-то придёт время, и мы будем почтенными дядями и тётями, пугать своим видом «зелёную» молодёжь.

Потанцевали (я всё ещё не научусь танцевать, как хотелось бы), затем пошли в наш класс, с нами Лидия Всеволодовна, сели на свои места, болтали, шутили. Володьке Волошину пророчили, что он будет секретарём райкома. Мне предсказали, что стану кандидатом физико-математических наук.

Из всех нас пока одна Ленка создала семью.

4 февраля

Ходили с Володькой и Толиком на французский фильм «Супружеская жизнь». Сделал для себя открытие, что жизнь семейная не простая штука. В первой серии рассматривается глазами мужа, кажется – вся вина за разбитое счастье лежит на его супруге. А во второй серии, где излагается версия жены, всё совершенно наоборот. Но самое удивительное, что обе серии кажутся достоверными по отдельности!

Да, вот теперь и подумай, стоит ли жениться?

7 февраля

Каникулы закончились. Завтра на занятия. Немножко неохота.

Сегодня Светка прислала письмо, пишет о своей неверности, что не дождалась меня, а тут подвернулся внимательный паренёк, и всё произошло. Может это и к лучшему, а то водил бы хорошую девчонку за нос, хотя моя совесть чиста – никаких признаний, никаких обещаний я не давал.

Вот я провёл дома все каникулы. С интересом смотрел чемпионат Европы по фигурному катанию. Здорово катались Ирина Роднина и Алексей Уланов, но особенно понравились Людмила Пахомова и Александр Горшков, впервые за историю катания взявшие золотые медали в танцах. Ведь ещё три года назад весь пьедестал почёта был английским, но и, конечно же, с блеском выступила моя любовь Габи Зайферт. То, что выделывала на льду эта красивая немочка из ГДР, казалось лёгким, шаловливым и прекрасным.

24 февраля

Всё идет нормально, занимаемся великолепной четвёркой у Володьки Беккера, вгрызаемся в глубины математики под руководством Бероева (а то я уже жалел, что не перевёлся в МГУ). Сегодня впервые себе поставил пять с минусом. На плавании уже показываю неплохие результаты кролем и на спине. Может скоро смогу посоревноваться с Витькой Львовым – нашим лидером среди пловцов ОГПИ.

Вчера нам девчата подарили подарки ко Дню Советской Армии. Валя подарила интереснейшую пепельницу – бронзовую с головой сфинкса.

А мне приснилась Ирка Арбенина, да не просто так, а в моих объятьях, и я её крепко целую, а губы такие тонкие и нежные... Может это после нашего культпохода в театр, где мы всей группой смотрели интересную комедию «С лёгким паром» – очень смешную и, в общем, про любовь.

21 марта

Сдал зачёт по школьной гигиене, на очереди остальные. Решил, что летом буду ходить во всём белом, много плавать и кататься на лодке.

Страшно даже подумать, что через год мне будет целых двадцать лет. Даже не верится.

А на улице опять идёт снег, метель, как будто и не было тёплых солнечных дней.

Непредвидимая стихия

5 апреля

Сегодня пошёл лёд на Оке, да так бурно, что водой залило полгорода. Затопило весь обелиск, рынок. Вода дошла почти до гостиницы «Орёл». Говорят, есть даже жертвы. Вместе с льдинами по реке плывут бревна, заборы и даже целые дачные домики с занавесками на окнах. Вот это разгул стихии! Представляю ощущение, когда среди ночи ты просыпаешься в темноте, в своей комнате в ледяной воде. Куда бежать? Нырять в форточку? Прочитал интереснейшую книгу Ивана Ефремова «Лезвие бритвы». Как удивительно красиво он подаёт в ней человека с большой буквы. После такой книги хочется совершенствоваться, совершенствоваться и ещё раз совершенствоваться.

6 апреля

Ока разлилась ещё сильнее. Затопило даже сквер Танкистов. Небывалое наводнение. Каково людям, выбегающим в стужу из затопляемого дома!? По городскому радио говорят, что принимаются все меры, чтобы обезопасить людей.

Пришел с плавания, идёт дождь, река разольётся, наверное, ещё больше.

Завтра сдаю домашнее чтение (английский).

9 апреля

Мечты, мечты..., а на самом деле перед вами человек невысокого роста, с большой головой, пышной шевелюрой и длинным носом, с невыразительными глазами – в общем ничего особенного.

Над ним некоторые даже смеются, не видя в нём ничего привлекательного, ни умного, ни остроумного.

Но этот человек бесспорно считает, что он гений, и это его губит. Может стать великим учёным, хотя с такими темпами не дотянет до рядового преподавателя вуза. Мечтает о красивых, умных, современных девушках, забывая, кто он сам.

За четыре-пять месяцев я должен стать другим человеком и третий курс должен пойти совсем на другом уровне.

Работать, работать и работать. Отдыхать буду на пенсии.

16 апреля

Сегодня был праздник физмата «Пси-функция». Актовый зал ломился от студентов всех факультетов и гостей из машиностроительного института. Думаю, что добрая половина так и не попала на это веселье, куда никто никого не загонял, как на комсомольское собрание. Вначале был КВН между вторым и первым курсом. Наша команда во главе с Володькой Беккером сразила всех наповал своим внешним видом с первых минут. Девчонки нам сделали белое жабо из марли, на которое нацепили бижутерию всех цветов радуги, и мы действительно вышли на сцену во всём блеске. Домашнее задание, конкурс капитанов (Володька Беккер выиграл!). Запомнилась тема математики, особенно аксиома, что ботинки зашнуровывать легче снизу вверх, чем

сверху вниз, характеристика на Федю Графикова и многое другое вызвали в зале гомерический хохот.

Я три года смотрю КВН по телевизору, но, думаю, что наше мероприятие далеко не хуже. КВН оказался только прелюдией к основному празднику, далее «балом» правил Пифагор – Володька Зиновкин в белых простынях и королева физмата Лена Королёва, про которую Рика сказал, впервые увидев её: «Я бы ей отдался».

Здорово прошёл вечер!

Придя домой, опять попал на торжество – отец получил медаль в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина. Мы с матерью за него подняли бокал шампанского. С детских лет, как я себя помню, я всегда восхищался авторитетом отца на производстве, где он трудился мастером токарного цеха, затем начальником этого цеха. Будучи сам токарем высшей квалификации, он замечал любой недостаток в работе своих подчинённых и всегда мог показать и подсказать, как надо сделать правильно. Я любил прибегать неожиданно к нему в мастерские, где меня (теперь удивляюсь) никто не ругал, не выгонял, а ещё учили работать на токарном станке, на сварочном аппарате и ковать раскалённый металл в кузнице. Причём обращались ко мне: «Иван Иванович младший». В Орле я уже не посещал отца на работе, но по отношению его сослуживцев авторитетом он пользовался таким же.

10 мая

Вчера был большой праздник – День Победы. Отец любит этот праздник больше всего на свете. Всегда рассказывает, как в этот день работал на поле в 1945 году, и к ним на лошади прискакал управляющий с громким криком:

«Война окончена! Бросай работу!». И он, тринадцатилетний мальчишка, помчался с односельчанами праздновать Победу, и радости людей не было конца.

Перед Первым мая я полушутя сдал на кафедру решённые задачи по математической олимпиаде. А позавчера получил награду, подписанную и с печатью книгу-альбом о Москве за седьмое место. Смешно, конечно, но, может, это глубоко символично, и я попаду в Москву со временем? Неплохо пишет Висенте Рива Паласио в романе «Пираты Мексиканского залива». Я снова увидел для себя призыв стремиться к большой, ослепляющей звёздной любви.

Гори, костёр подольше, гори, не догорай!

24 мая

Вернулся из сказочной страны, которая называется «интерактивный лагерь».

На станции Думчино по Мценскому направлению Московской железной дороги есть отличный пионерский лагерь, размерами похожий на «Строитель», в котором я когда-то отдыхал после восьмого класса. В этот лагерь привезли всех второкурсников пединститута, которые будут проходить летнюю педагогическую практику в пионерских лагерях Орловской области и за её пределами. Для этого мы повязали на шеи пионерские галстуки и десяток дней изображали из себя чудесных деток, с которыми нам предстоит работать на летних каникулах. А это значит, что мы ходили строем, проводили утренние и вечерние линейки (звуки пионерского горна и барабана по-родному усаждали слух),

распевали пионерские песни, выкрикивали речёвки, девизы, играли в детские игры – словом, в доску были пионерами.

Наш отряд из третьей группы назывался «Кадавры» с лёгкой руки Толика. Девиз наш был: «Чем больше ешь, тем больше хочется».

Ну, а что могут вытворить девятнадцатилетние «пионеры» на свежем воздухе с отличной кормёжкой, да ещё с бутылочкой винца вечером, можно себе представить. Девчата наши до сих пор вспоминают, как забрались ночью к нам под кровати пошутить, а Димка Лободин юмора не понял и всех, как маленьких щенят, выкинул в окно, прямо на кусты шиповника. Девочки обиделись, но Димкиной силой восхитились.

А записался я всё-таки на практику в пионерлагерь «Строитель», где буду в роли вожатого.

Остается только сказать, что мне, проведшему своё детство в пионерских лагерях Казахстана и Орловщины, инструктор был бальзамом для души.

4 июня

Вчера сдал английский язык, а после мы вчетвером с Рикой, Стёпой, Вовкой Егоровым зашли к Стёпкиной подружке – официантке, где нас встречали четыре леди. Всю ночь болтали, выпивали, развлекались, но без ярких постельных сцен, к которым мы, кроме Стёпы, попросту не были готовы.

Я для себя счёл за правило: если и выпил, то целоваться только с той, которая тебе нравится, а не облизывать всё подряд, что к тебе приближается. Хотя было немножко неудобно, может мы не оправдали доверия ни в чём невиновных девушек, которым, скорее всего, Стёпа нас расписал настоящими гусарами.

Сажу я в читальном зале библиотеки имени Крупской, и совершенно ничего не лезет в голову. Всё противно! А через два дня сдавать исторический материализм, из которого мне известно только одно слово – «мат».

29 июня

Всё!!! Сессия окончена, все «четвёрки», жаль, что не «пятёрки», но что есть, то есть. Пошли после экзамена в городской парк, где в любимом ресторане «Волна» купили пива и отлично посидели вшестером, делая паузы для фотосъёмки, запечатлевая себя, любимых, с пивными кружками для потомков.

Итак, позади четыре семестра, два года напряжённой учёбы, и могу смело сказать, что выбор мой правилен.

Мне нравится студенческая жизнь, мне нравится удивительная наука – математика. Мне нравится, что появилось много новых друзей и знакомых, среди которых Толик Коняев, Ираклий Чхеидзе и Володя Беккер – конечно же, самые близкие. Мне нравится, что я – в своём вечном поиске дамы своего сердца. А это значит, что самому надо совершенствоваться и совершенствоваться, чтобы быть достойным её.

27 июля

Сегодня вернулся из пионерского лагеря «Строитель», где отработал всю вторую смену пионервожатым четвёртого отряда. Я вовремя уговорил моих троих друзей, и мы всей четвёркой вносили посильный вклад в великое дело – воспитание подрастающего поколения. Рике достался пятый, Вовке – восьмой, Толику – девятый отряд.

Возраст моих ребят был двенадцать-тринадцать лет – «самый-самый». И я, как мне кажется, превзошёл самого себя, вспомнил всю свою богатейшую практику отдыха в пионерских лагерях, все бесчисленные походы, линейки, конкурсы, соревнования, курьёзные случаи, а главное – всех своих наставников моего золотого детства. И, как ни странно, «высветился» в голове образ из многочисленных кино-книжных героев в диапазоне от ковбойского Лимонадного Джо до учителя истории из кинофильма «Доживём до понедельника».

Даже самому себе трудно признаться, что было здесь больше: упорства, кропотливого труда, актёрской игры, непомерной любви к детям (совершенно неожиданное открытие!), озорства юности..., но ещё никогда двадцать пять дней не пролетали в таком ритме дел, событий, в вихре эмоциональных впечатлений.

Но всё по порядку... Когда мы с воспитательницей Людмилой Яковлевной – основным руководителем моей первой педагогической практики, милой женщиной средних лет, одной из учительниц школ города Орла, собрали своих сорок человек для оформления списка отряда, я увидел могучую гвардию подростков, среди которых я нюхом уловил, если не равнодушные, то пренебрежение к молодому водителю. Одному из мальчишек, по данным путёвки, шёл пятнадцатый год, на пальцах и тыльной стороне ладони у него красовалась татуировка. «Вот кого будут слушаться все пацаны отряда», – безошибочно определил я и небрежно властным тоном поручил ему и явно знакомому его товарищу забрать раскладные стулья и стол на месте регистрации и следовать за мной к корпусам нашего отряда.

В момент я увидел, что Игорь (так звали этого подростка) не ожидал такого поворота дела и, машинально, подхватив с приятелями вещи, понёс их вслед за мной.

Девочки ушли в свой корпус, где их в огромной палате стала расселять Людмила Яковлевна. В другом корпусе, напротив, я размещал своих «архаровцев».

Моя кровать стояла первой у входа, на вторую рядом я указал Игорю со словами: «Ты парень серьёзный, мне пригодишься, будешь спать рядом. А сейчас поможешь с другом, чтобы все ребята устроились, напишешь список всех пацанов для дежурства. Считай сегодня себя дежурным № 1. Вон, там в углу все предметы для уборки. Я к начальнику лагеря на пятиминутку. К моему приходу, чтоб всё блестело. Кто не будет успевать, дай лёгкий подзатыльник».

Не дожидаясь ответной реакции, я круто развернулся и вышел. Короче говоря, контакт с ребятами у меня состоялся, но поволноваться пришлось.

И в памяти моей часто вспыхивали красным семафором образы воспитателей и вожатых, которых не любили и не уважали в пионерских лагерях моего детства.

Даже спустя годы, меня прошибал пот при виде воспоминаний их тогдашнего беспомощного состояния перед оравой простых и с виду безобидных детишек.

Каждое утро, почти на час раньше подъёма, я вставал на спортивную разминку, и полусонные мальчишки и девчонки, бегущие в туалет в утренние часы, видели меня подтянутым, бодрым, бегающим, прыгающим, подтягивающимся, отжимающимся. С первыми звуками горна я пружинистой походкой заходил в палату и не громко, но басом говорил бодрящее слово: «Подъём!».

Мои пацаны пулей вылетали на зарядку. Игорь на третий или четвёртый день на зарядку не пошёл, а предпочёл курение в кедровой роще. Так я с ним рядом три дня делал зарядку, как пионер, в общем строю, пока он сам не взмолился, чтоб я его не позорил, как малыша. Весьма способствовали нашему с Рикой авторитету занятия боксом. Мы с ним купили зимой по паре боксёрских перчаток и нередко тренировались в общежитии, где вскоре к нам присоединился Дима Лободин. Потянулись и другие, но не все стали покупать перчатки, а мы свои давали только Диме. Володя и Толик никакого интереса к боксу не проявили. И теперь в кедровой роще ребята старших отрядов с интересом следили за нашими тренировками.

Очень запомнилось несколько моментов. Когда в ночь на Петров день или, как его в народе называют «солнце караулить», я повёл свой отряд на пруд встречать восход солнца, и такие были очаровательные краски природы утреннего неба, первых лучей солнца и та особая задушевность беседы, что, думаю, ребятам надолго запомнится эта ночь. Большой неожиданностью стало для ребят то, что я умею играть на баяне. Нашему отряду не надо было ждать, когда лагерный баянист уделит отряду полчаса попеть «обязательные» песни, а уж любимые, отряды обычно пели без музыки. Вся современная эстрада звучала в исполнении моих ребят.

А как они весело плескались и купались в чистой утренней воде, где не было ни строгого плаврука со свистком, ни десятков и десятков пловцов из других отрядов.

Не знаю, то ли вид у меня был очень уверенный, то ли друзья разболтали, что я неплохо плаваю, но «праздник Нептуна» поручили готовить мне. Так я стал первый раз в жизни

режиссёром-постановщиком. Над сценарием пришлось попотеть, помог КВНовский опыт и озорное летнее настроение.

Я задействовал все лодки плавука Петра Никодимыча, своих друзей в роли пиратов, водяных и свиты, свой отряд в роли основных исполнителей. И, конечно, сам сыграл роль Нептуна. Во всяком случае, когда я стоял на мостике возле трона с трезубцем, в белых плавках с красивым широким поясом с золотым шитьем (девчонки порылись в бабушкиных сундуках), с приклеенной бородой, с короной на голове и могучим голосом распоряжался тысячной аудиторией, я ощутил весьма интересное состояние души и чувство полёта мысли.

Как потом рассказали мои друзья, восторгам детворы и даже старых опытных воспитателей не было границ. А сценарий мой, говорят, отослали в ЦК комсомола.

Прощальный костёр в конце смены заставил меня изрядно погрустить, так как ясно показал, что детство ушло навсегда, и жизнь моя продолжается совсем в другом качестве.

И впервые появилась мысль: «Не мое ли это призвание – работать с детьми?».

Вспомнились слова из песни далёкого детства: «Гори, костёр, подольше, гори, не догорай, а завтра лагерю скажем прощай, прощай, прощай!».

Ну, а теперь о главном. Я влюбился! И в кого бы вы думали? В пионерку!

Да, да! В пионерку своего отряда – Татьяну Маркисову. Нет, не с первого взгляда, а постепенно эта рослая девушка с огромными зелёными глазами, красивыми длинными волосами, завивающимися локонами на висках, с каждым днём нравилась мне всё больше и больше. Я как мог старался не выделять её среди других девчонок, которые в основном ко мне все прекрасно относились и беспрекословно

слушались. Но всё же по каким-то маленьким штрихам она поняла, что я её выделил среди остальных, и сунула мне на прощанье бумажку со своим домашним адресом. Вот и ломай голову: идти или не идти? Ведь она ещё совсем девочка – тринадцать лет, а я уже третьекурсник – студент, и скоро мне стукнет, аж, целых девятнадцать лет.

У неё пробуждаются первые чувства, а мне уже хочется море объятий, поцелуев и, простите, самой что ни на есть физической любви. Что делать?

Если поеду к ней, то, конечно же, буду себя держать в строжайших рамках. Но очень хочется её увидеть!

4 августа

Ну, конечно, же, я пошёл к ней. Да, и разве удержишь себя, когда тебе почти девятнадцать!

А что? Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал.

На следующее утро после раздумий «ехать – не ехать», я был у её дома. Это оказался тихий уголок Орла, состоящий из одноэтажных домиков в районе дома отдыха «Ботаника», где на правом берегу Оки находилась наша дача.

В мыслях я пытался отметить и красивое утро, и роскошные сады вокруг домика в созревающих плодах и цветах в разгар лета, но в висках стучало одно: «Неужели я сейчас увижу эту милую обаятельную девочку?».

Не успел я подойти к калитке, как услышал: «Здравствуй, Саша!», и увидел бегущую ко мне Татьяну. Она открыла калитку и повела меня в дом, где находилась вся её семья – мать, отец и младший брат. Я уже их видел, когда они приезжали навестить дочь в пионерском лагере, и заметил, что они благожелательно отнеслись к моему прихо-

ду, хотя передо мной сияли восхищённые глаза Танюшки, и больше ничего не лезло в голову. Они мне что-то рассказывали о себе, потом мы ходили с ней и с братом на речку, а вечером всей семьей в парк, но мне они не мешали и ничего не смущало.

Главное, что рядом была Танюшка. Все следующие дни я провёл с ней. Мы разговаривали о чём-то на веранде, ходили на другую сторону реки на песчаный карьер, где прыгали и бесились, как дети, на тёплом чистом золотом песке. Вечером танцевали на танцплощадке, и с наступлением темноты меня провожали на остановку, когда Татьяна с мамой, когда с братом, когда всей семьей. Я возвращался домой счастливейшим человеком, и даже ночью снилось, что мы танцуем с Танюшкой вальс.

15 августа

Вчера я сделал глупость – поцеловал Танечку, но сдержаться не мог, хотя понимаю, что для неё это рано. Теперь я ответственный за то, чтобы из этой красивой девочки вырос настоящий хороший человек, красивая и умная женщина. Никогда не забуду её удивлённых глаз, счастливых и радостных после поцелуя.

Да, Сань, кончилось твоё донжуанство, и кто виновник?

Танюшка, милая моя Танюшка. Всё, теперь только она одна будет у меня, а ею уже интересуются мальчишки, какие-то Сашка с Юркой, но мне нельзя показывать ни в коем случае свою ревность и говорить про других девчонок.

Наконец-то, всё стало на свои места, и я выбрался на дорожку, которая ведёт к звёздам. А это мой девиз.

Итак, Танюшка, спорт и математика!

24 августа

Девятнадцатого августа я совершил воздушное путешествие в Москву. Впервые после «кукурузника» и Ан-12 я летел на реактивном Як-40 – отличный самолёт. Здорово лететь над облаками, как будто огромные снежные горы проплывают под тобой.

Из «Быково» я на такси добрался до центра, созвонился с Лидой, немного удивился её потеплевшему отношению ко мне, и мы встретились как хорошие добрые друзья.

На следующий день мы погуляли по ВДНХ, где посмотрели интересную Венгерскую выставку, затем сходили на только что вышедший фильм «Судьба резидента», который сняли как продолжение фильма «Ошибка резидента».

Каждый новый день, проведённый в Москве, приносит новые впечатления. Интересно провели время в парке культуры. Там я впервые увидел английские, американские игровые автоматы. На многих из них попробовал свои способности. Весьма забавно, только везде нужны деньги. Жетоны по двадцать копеек автоматы глотают с дикой жадностью голодных уток. Вот на лицо одна из картинок дикого Запада.

Съездил на Стромынку, где находится общежитие института, в котором учится Света. Встретились, поняли, что всё наше личное осталось в прошлом. У неё появился жених, а у меня не было претензий. Расстались по-товарищески, без всяких обид.

Двадцать третьего мы с Лидой весь вечер гуляли на Ленинских горах, хотя их в народе называют Воробьёвыми. Удивительно, что в этих красивых местах на всех аллеях, тропинках, дорожках мы не встретили ни одного человека!

Возвратились поздно, просидели на кухне чуть ли не до утра. Лида рассказала о слухах, которые до неё дошли, что я строю с ней свои отношения, чтобы жить в Москве. Удивительная чепуха! У меня кроме получения диплома и службы в Армии, пока, никаких планов нет. Я ещё раз убедился, что Лида отличная девчонка, но сердце моё она не трогает.

С тем я и уехал домой.

Приехав, я сразу направился к Танюшке. Она меня так ждала! Отец её в который раз был вдребезги пьян. Наверное, попивает крепко. Не всё так просто для этой девчонки. На прощание Татьяна написала мне записку:

«Если дружишь, так дружить, если любить, то любить крепче, чем Ромео Джульетту».

Прелесть моя Танюшка!

25 августа

Сегодня хоронили Славку Симантовского – разбился на мотоцикле. Первая жуткая потеря среди одноклассников. Собрался почти весь класс. Лил проливной дождь. Мы с Юркой Кузнецовым несли венок. Первый раз я на похоронах, и это жуткая церемония, с каким-то необычным привкусом потустороннего. Тяжело смотреть на безжизненное тело до боли знакомого одноклассника, тяжело выговорить слово «труп».

Невозможно представить, что мы уже никогда не увидим весёлого и обаятельного Славку. Никогда не забуду его необычные глаза, хрусталики зрачка у него были вытянуты вертикально, как у кота. Это нас всех в школе удивляло.

Три одноклассницы вышли замуж.

У Ленки родилась девочка.

30 августа

Вот и кончились каникулы. Теперь за работу.

Вчера с Валею ходили в кино, и после фильма я ей признался, что не могу ответить взаимностью на её чувства. Но так как у меня пока нет конкретной любимой девушки, то можем гулять, ходить в кино и т.д., без громких слов и признаний.

Ещё есть у меня понравившаяся Танюшка и хороший друг Лида в Москве.

Сегодня состоялась встреча нашего четвёртого отряда, на которую пришли в основном девчонки. И, конечно же, она, с которой мы играли роль пионервожатого и пионерки.

Вообще-то я изменился за последний месяц, скорее всего из-за сильного чувства. Теперь мне очень трудно соврать, проехать зайцем, залезть без очереди и т.д. Какая-то мысль внутри подсказывает, что такие поступки не вяжутся с высокими чувствами, хотя, когда же, как не в юности пошутить, посмеяться, разыграть, не злостно обмануть, подурачиться?

ТРЕТИЙ КУРС

За околицей

3 сентября

Три дня пишем лекции, куча новых предметов.

Кажется, сто лет не видел Танюшку.

Сказали, что через пару-тройку дней уедем на сельхоз-работы. Если это будет, как в прошлом году, то лучше бы я остался в городе со своей пионеркой. До сих пор август жемчужинкой лёг в память сердца, когда ежедневные прогулки, просмотр фильмов порядка тридцати, танцы в доме отдыха «Ботаника» были бальзамом для моей души. Но ведь у неё тоже школа и «музыкалка», подготовка к урокам, а болтаться одному в ожидании встреч ещё смешнее. Лучше поеду.

12 октября

Седьмого сентября мы уехали в совхоз «Вышне-Ольшанский» Должанского района. Это одно из самых далёких мест в Орловской области. Как поётся в песне – «Степь да степь кругом».

Поселили нас в каком-то заброшенном двухэтажном здании, служившим, скорее всего, общежитием для сезонных работников.

Это основная группа – сорок человек, состоявшая из студентов третьей и четвёртой групп. А ещё одну группу, где были только девчонки из первой группы и второй, вдвое меньше по численности, направили в поселок Нижне-Ольшанский во второе отделение колхоза.

На следующее утро мы устраивались, как могли, в этих малоподготовленных условиях. На улице лил проливной дождь, и выйти можно было только в резиновых сапогах.

Дальнейшие события разворачивались не по прошлогоднему сценарию. На этот раз нам дали руководителя из преподавателей – молодого энергичного мужчину, который представился Юрием Ивановичем Захаровым и всю дорогу скромно сидел в стороне, слушая наши байки о прошлогоднем житье-бытье и нашей работе через пень-колоду, походившую на пребывание в пионерском лагере труда и отдыха.

С первого же дня мы поняли, что сами себе выкопали большую яму этими байками, увидев перед собой организованного и знающего руководителя.

А мы-то выложили ему все карты – какие мы лентяи и сачки. Мало того, что он заставил нас работать в быстром темпе, но и за небольшое опоздание сразу выгнал меня с Рикой с работы до конца дня.

Больше мы решили не сачковать и не опаздывать.

Мужик он оказался интересный, мастер по планерному и самолётному спорту, трижды чемпион СССР, бывший тренер сборной СССР, знал хорошо спортивное и боевое самбо, побывавший не раз за границей. Что ещё может быть авторитетнее для девятнадцатилетних студентов?

Хочешь, не хочешь, а вспомнишь книги и фильмы о героях-комсомольцах двадцатых годов.

Темп работы задавал Юрий Иванович, и нам, шестерым ребятам, было стыдно от него отставать. Поэтому мы быстро научились, как жонглёры, кидать и ловить металлические вёдра с картошкой, которые подносили ежесекундно наши сорок девчонок к движущемуся трактору с прицепным кузовом, бодро и весело выполняя план совхоза по уборке картофеля.

Я и Рика решили выдержать и спортивный режим, нашли силы для утренней зарядки и пробежки. Здесь к нам присоединился только Юрий Иванович. Не хотелось лишать себя красоты восхода солнца, золотой осени, купания в росе, плавания в пруду.

Где ещё поплаваешь в конце сентября?

По приезду я взял баян у Толика Дорофеева, благо он один из нас волею судьбы оказался в родном селе и жил у родителей.

Получились очень неплохие вечера с музыкой, песнями и даже танцами.

Отметили прекрасно дни рождения Рики и Нельки. Опять я заметил, что Толик очень нравится Нельке, но как заставить ответить на её чувства – никто не знает, ибо Толик никогда не дружил с девчонкой. А жаль! Какая была бы прекрасная пара! Талантливые, красивые, отличающиеся от многих многочисленными дарованиями и способностями...

Мало того, что я оказался единственным музыкантом, так мне доверили каждый раз разливать вино. Оказалось, что у меня получается весьма неплохо отмерять равные количества драгоценной влаги в самые разнообразные ёмкости. И вот меня, как главного виночерпия и музыканта, послали в Нижне-Ольшанское с баяном для увеселения девчонок из первой группы, в составе которой не оказалось ни одного парня.

Девчонки жили неплохо, кухня у них была побогаче нашей.

Баян действительно принёс хорошее настроение. Собралась вся молодёжь села, и наша студенческая вечеринка превратилась в настоящий праздник юности. Через пару дней пришлось возвращаться к трудовым будням. И, чтобы не опоздать к сроку, я прошагал десяток километров пешком в кромешной темноте с баяном на плече и только размышления о Танюшке сократили и скрасили весь путь. Самое смешное и трогательное, что она прислала письмо, в котором писала, как она соскучилась и вложила в конверт бумажную куколку. Да... Не забывай, что она всё-таки ещё большой ребёнок! До сих пор удивляюсь, как пройти несколько километров в абсолютной темноте и не споткнуться, не упасть в какую-нибудь яму, не ушибиться, может только очень везучий или влюблённый человек.

Дни шли своим чередом, картофельное поле хоть и казалось бескрайним, осталось лишь несколько борозд. И я сбежал за баяном, затем залез на кабину трактора верхом, как Емеля на печку, заиграл шейк, и все сорок человек, пританцовывая, нагружали картофелем последнюю телегу.

Интересная картина открылась в лучах заходящего солнца – край чернеющего распаханного поля, виднеющаяся опушка золотых берёз, застывшие от изумления на лужайке женщины, гнавшие коров домой, и танцующие с ведрами студенты, а баянист наяривал одну мелодию за другой.

Хорошо прошёл прощальный ужин в совхозной столовой. Нас тепло и сердечно поблагодарило руководство совхоза за работу и выдало причитающуюся зарплату. Объявили наш заработок аж по 36 рублей, хотя нам казалось и тысячи было бы не так много. Настолько самозабвенно и добросовестно мы трудились.

На станцию в поселок Студёный мы ехали на двух бортовых машинах. Опустившаяся ночь была полнолунной, в лёгкой дымке просматривались поля и рощи уже ставшей родной Орловщины. Луна висела над нами как огромный прожектор, высветив вокруг всё как днём.

Кое-где красиво горели костры, весело подмигивали звёзды, а мы ехали и пели, и мысль, что эта прекрасная и удивительная колхозная студенческая жизнь закончилась, метеоритом скользнуло по сознанию. На поезд мы садились уже полусонными. Ранним утром нас разбудили уже в Орле. На вокзале Юрий Иванович вручил нам по тридцать шесть целковых, и мы, сгибаясь от тяжести честно заработанных денег, отправились по домам.

Дома, наскоро позавтракав, я пошёл в баню, где мы с Рикой хорошенько попарились, и я поехал к Танюшке. Она убирала помидоры. Увидев меня, выбежала из огорода такая хорошенькая, весёлая. Быстро помыла руки, села за пианино и стала что-то играть мне. Какая же она всё-таки прелесть! Потом пришла её мама, встретились с ней как родные.

Я никак не мог насмотреться на Танюшку, уж очень соскучился по ней. Мы пошли пешком аж в кинотеатр «Октябрь», посмотрели фильм о десятиклассниках «Переступи порог», и я подумал: «Что бы там дальше не было, я никогда не забуду август, который провёл с Танечкой».

Это прекрасная роза в моей душе, хотя мне очень трудно сдерживать свои эмоции и желания в её присутствии. Но разум твердит одно: она всего лишь семиклассница.

Сегодня прошли первые лекции, настрой заниматься капитально математикой и спортом очень серьёзный. Вдобавок появился стимул – Танюшка.

Будни нашей четвёрки

16 октября

Странное состояние: чувствую себя совершенно тупым в математике, соображаю хуже многих девчонок, не говоря уже о Володьке, Толике и Рике, от которых, как мне кажется, я постоянно безнадежно отстаю. Мне кажется, они работают намного производительнее и эффективнее. А у меня больше на уме девчонки и самобичевание. Сейчас идём вчетвером в театр на спектакль «Виндзорские насмешницы»...

Неплохо посмеялись над комедией, особенно Рике понравилось выражение: «Светило солнце над навозной кучей». Скорее всего, он добавит это к своим крылатым выражениям типа:

«У тебя нет никакого понятия о пространстве и времени»,
«На что глуп, то и понял».

Интересно изменился Рика за два студенческих года: из скромнейшего нецелованного мальчишка, прилежно занимающегося на одни пятёрки, он превратился в спортивно-уверенного, любвеобильного парня. Наверняка повлиял на него пример Стёпы, этакого ловеласа, да и всё разнообразие и передряги жизни студенческого общежития, мои спортивно-боксёрские советы и просто желание быть не последним парнем среди нашей молодежи сделали своё дело. Примечателен пример, когда он рассказал мне ещё на первом курсе, какой он составил перечень русской литературы для постижения всех тонкостей языка, чтобы восполнить то, что он не успел и не смог сделать у себя в Грузии. И если

он действительно сильно отличался в первые дни учёбы от русских сверстников, то теперь даже с полу-хулиганистой шпаной среди задиристой молодёжи Орла он был на «ты». Вдобавок его выгодно отличало кавказское радушие, гостеприимство и великолепное чувство юмора.

Володька Беккер, несмотря на то, что только на второй год примкнул к нашей тройке, сразу стал всеобщим любимцем. Его искренность, простота в общении, желание притащить всех понравившихся ему людей в свой дом, в свою комнату, где через пять минут каждый чувствовал себя действительно как дома, сразу покорили и нас. Половину свободного от занятий времени мы проводили у него в комнате, где учили математику, спорили, читали, слушали музыку, умудрялись даже играть в мини-хоккей и мини-баскетбол. Он не ходил с нами на плавание, а играл в хоккей и футбол. Отец Володи был главным инженером одного из крупнейших заводов города, а мать – известнейший врач-акушер области, это позволило ему быть постоянно в среде «золотой орловской молодёжи». Но никогда мы не чувствовали ни второстепенного отношения к себе, ни дефицита общения. Казалось, что ему можно звонить и приходить в любое время суток. Если его матери удавалось заскочить на обед, то она сразу же тащила нас всех четверых за стол, невзирая на наше смущение, и кормила удивительно обильно и вкусно. Отца Володи мы практически не видели, только знали, что он здорово играет в шахматы, в чём несколько раз убедился наш лучший шахматист Толик. Книги Володька поглощал в огромном количестве, постоянно приносил их из областной библиотеки, которая находилась напротив его дома. Это, скорее всего, и позволяло ему сыпать как из рога изобилия известными фразами, мудрыми изречениями, анекдотами на вечеринках, КВН и в любой компании.

Девушки у Володи были интересные – статные, красивые, самостоятельные, кажется, всегда старше его и никакого отношения к нашему институту не имеющие, а может уже и к студенчеству.

Мы могли только догадываться об отношениях с женщинами Володьки. Скорее всего, он уже обладал всем тем, о чём мы с Рикой могли только мечтать, а Толик не помышлял и вовсе. Однако Володя не делился с нами подробностями личной жизни, а мы, тактично, вопросов не задавали.

Наконец, Толик, которого я считаю чуточку к себе ближе, чем остальные. Сын потомственных учителей (я с благоговением рассматривал у него в комнате портреты его предков, учительствовавших в Орловской губернии ещё в царские времена), он является самым способным математиком из всех нас, очевидно, компенсируя, как нам кажется, свою излишнюю скромность в общении, во всём, и в первую очередь – с девушками. Он великолепно играет на фортепьяно, знает все современные песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Ножкина, весьма основательно читает современную литературу и фантастику. Всё это он никогда ни при ком не афиширует, а просто «выдаёт на-гора», если того требуют обстоятельства. Любит и умеет играть в футбол, твёрдый болельщик за московский клуб «Торпедо».

Но удивительно беспомощен в быту. Как он сам рассказывал, однажды его родители уехали на три дня, оставив ему пятёрку на продукты и заполненный холодильник. Возвратясь, ахнули: Толик лежал на диване в том же положении, так же читал книгу, на столе лежала пятёрка, а в холодильнике всё осталось почти нетронутым.

Живём мы с ним друг от друга всего в двух остановках, поэтому часто идём из института пешком, чтобы погово-

рять о том, что нас волнует. И во время подготовки к экзаменационной сессии сидим в библиотеке по двенадцать часов кряду опять же мы с Толиком.

24 октября

Только что пришёл домой с концерта ансамбля «Голубые гитары», опять ходили вчетвером с ребятами, особенно понравились песни популярной на Западе группы «Битлз» в их исполнении.

Странно как-то, в газетах ругают западную музыку, а она почему-то большинству нравится. Лёгкая, весёлая, мелодичная, приятная.

Давно пора нам четверым улучшать свою культурную программу.

Сегодня отлично решал и отвечал по высшей геометрии. Как здорово и уверенно себя чувствуешь, когда знаешь! Поменьше бы ленился, имел бы повышенную стипендию.

25 октября

Весь день моросит дождь, но никогда я ещё не был так счастлив. Гуляли весь вечер с Танюшкой, посмотрели фильм «Счастливый человек».

Кажется, что с каждой минутой я люблю её всё больше и больше, хотя не скажешь этого милому подростку.

Что значит настроение!

Моросит дождь, море грязи, а для меня лучшей погоды не может быть. Фонари, отражаясь в мокром асфальте, кажутся далёкими планетами. Воздух напоен букетом осенних ароматов. Рядом озёра Танюшкиных глаз, вьющиеся на ви-

сках волосы – и всё остальное кажется второстепенным. Удивительно красиво смотрятся мокрые деревья в свете вечерних фонарей. Капли дождя образуют сотни бриллиантовых окружностей, то голубовато-холодных, то оранжево-тёплых, в зависимости от цвета фонарей. В старших классах любил песню «Фонари», которую исполнял Жан Татлян.

Сегодня даже не пошёл с ребятами на вечер «Посвящение в студенты» в машиностроительный институт, о чём насколько не жалею.

Накатились строчки:

Осенью поздней, бродя по аллеям,
Глядя на звёзды, мечтал о тебе я.

Стал подумывать об аспирантуре. Мои старые учителя и наш куратор – все советуют поступать после института. Конечно, неплохо погулять по Москве годика три аспирантом, но для этого надо совсем по-другому заниматься математикой, а я лишь только мечтаю.

5 ноября. 00 часов. 05 минут

Только что пришёл с улицы, там идёт снег, метёт метель. Настроение отличное. Я вышел за дом к дальним сараям и барахтался в снегу один, как когда-то в детстве.

Эх, было время! Прыгали с крыш сараев – это снег! Строил пещеры, крепости из снега в огороде, вырезая снежные кирпичи ножом – это тоже снег! Катались на лыжах, шёл по сугробам в «музыкалку», не признавая автобусов, по воскресеньям бежал на мультфильмы по искрящемуся снегу – и это снег! Раскинув руки, лежал в сугробе и глядел на яркие

звёзды, мечтая о полётах на другие планеты, рассматривал в принесённую отцом подзорную трубу ночное небо и в первую очередь Луну – опять снег! Морозным вечером топал по снегу в кедах, провожая издали Галку Орлову, а ноги замерзали до слёз в глазах – также снег! Я проваливался лицом в снег, растирая его на щеках, дышал полной грудью... Вспомнил, как весной в десятом классе я на этом же месте барахтался так же в снегу и слепил огромную снежную бабу, которая растаяла окончательно, когда уже зацвели одуванчики.

Мысли снова вернулись в Экибастуз, где мы шухарили в снегу по соседским огородам, вспомнилось катание на коньках на карьере и на хоккейном корте, работающем вечерами как городской каток, где по репродуктору разносились мелодии красивых песен: «Карелия», «Голубые города», «Катарина», «Воскресение», «Город родной», «Ночным Белградом» – и это всё снег... Недурной парнишка, неплохо знающий математику, а вокруг снег, снег! Снег, Танюшка и математика.

7 ноября

После демонстрации мы собрались у Ольги Сёминой всей старой школьной компанией, Ленка, как первая замужняя одноклассница, делала вид, что меня совсем не знает. Мне было так смешно, но правила игры я поддерживал.

Девочки наши стали совсем взрослыми. Очень интересно поговорили с Ольгой Сёминой, Валей Кочановой, Наташей Назаренко. Сестра Володьки Волошина Тамара, учившаяся тремя классами ниже, превратилась в высокую стройную девушку с длинной косой и потрясающими стройными ногами. Вспомнил Пушкина, который не раз твердил о редкости такого явления, а тут, пожалуйста... Хорошо, что

не взял с собой Танюшку. Для нашей компании она ещё детский сад. Саша Ляпин и Вовка Агатов основательно перебрали с выпивкой, и нам с Володькой Волошиным пришлось танцевать с девчонками за всех пьянчужек.

22 ноября

Как интересно пишет Джек Лондон, особенно меня потрясла глава «Тайна женской души» в романе «Смок Беллью», где героиня по имени Лабискви отдала Смоку всю свою любовь и нежность, а вместе с ней и жизнь во имя спасения его от голодной смерти.

Неожиданно получил от Галки Орловой письмо, пишет, что работает продавцом в одном из центральных магазинов, снова вернулась к своим длинным золотым волосам. Готовится в торговый институт, ждёт своего парня из армии. Совершенно никаких эмоций не вызвало это письмо. Сегодня по радио много говорили об Иване Алексеевиче Бунине, знаменитом писателе, чья молодость прошла в Орле. Надо почитать его книги, если они есть в библиотеке Крупской. Столетний юбилей отмечают, значит заслужил.

5 декабря

Очень хочется съездить за границу. Читаю «Примечание к путеводителю» и размышляю о возможности этого мероприятия. У нас в СССР это архитрудно. В социалистические страны, как я слышал, ещё более-менее попадают, а уж в Америку, Францию, Италию крайне редко.

Наш куратор иногда доверительно шутит со студентами, очень точно указывая их особенности. Очевидно, эти

подробности он черпает у Рики, хотя, на мой взгляд, это не всегда благородно.

7 декабря

Отец заболел, у него камни в почках. Привезли на «скорой» в областную больницу, там сделали укол и отправили домой в два часа ночи пешком. Это какое-то бессердечие по отношению к человеку! В семь часов утра приступ повторился снова, привезли на «скорой» в областную, где не стали даже смотреть, а сказали водителю, чтобы тот вёз отца в городскую больницу имени Семашко. Там отца положили в урологическое отделение.

Да, впервые в жизни убедился в том, что болеть у нас просто опасно. Часто мы читаем в газетах, что в капиталистическом мире нужны тысячи долларов на лечение, а у нас всё бесплатно. Но такое бесплатное отношение, какое я видел, совершенно недопустимо, если говорить о достоинстве и уважению к человеку.

23 декабря

Сегодня очень хорошо прошла тренировка по плаванию. Неплохие результаты в плавании кролем и на спине. Но тренер наш, Лев Георгиевич, «подцепил» нас очень хорошо. Встретил нас восклицанием: «А, математики? Помыться пришли? Помойтесь, помойтесь!».

Рике, Толику и мне стало стыдно за пропуски наших тренировок.

Вчера посмотрел фильм «Моя прекрасная леди» (США) – великолепный фильм. Очень понравилась актриса Одри Хепбёрн. Надо почитать Бернарда Шоу.

В нашей четвёрке гуляет шутка, что все великие люди очень большого мнения о своих умственных способностях. Толик го-

ворит, что он большого, Рика – это необходимое условие гения или таланта, а Вовка Беккер почему-то сказал, что я о своих способностях большего мнения, чем Рика и Толик вместе взятые.

Вспомнил, как наш физик пророчил мне академика.

Скоро Новый год... Осталась одна неделя. Взял билеты в театр на бал. Рика и Толик тоже изъявили желание. Преподаватель кафедры физкультуры Александр Стефанов в паре с Галиной Фридман выиграла кубок Советского Союза по акробатике. Наш институт не лыком шит!

Сегодня весь наш курс писал министерскую контрольную. В конце дня сказали, что мы все четверо с ней неплохо справились, значит ещё голова «варит». Сдал курсовую на «четвёрку» и поехал к Танюшке. Она предложила сыграть с ней в «морской бой». Неужели мне светят любовные подвиги только такого рода в ближайшие годы, пока она не вырастет?

Скоро Новый год, но нет той радости, что испытывал в детстве, когда за месяц до праздника в голове были ёлка, Дед Мороз, карнавал, подарки.

Но возвращаться постоянно в прошлое – скучное занятие.

1 января

Не могу поверить, что в этом году мне будет двадцать лет. Тридцать первое декабря всех удивил весенней погодой. Ярко светит солнце, кругом всё таяло, бежали ручьи, как будто конец марта.

В театре оказались только мы с Толиком. Веселья в этот раз не получилось. Мы прихватили бутылку шампанского и ушли к нему домой.

Я позвонил в Москву, поздравил Лиду. Ещё раз подумал о превратностях судьбы: прекрасная девушка оказывает мне

все знаки внимания и нежности, а я вместо достойного ответа втрескался в пионерку и занимаюсь с ней то «морским боем», то решением задач для седьмого класса и умудряюсь при этом прыгать от счастья.

Домой пришёл в середине ночи, проспал до трёх часов дня и поехал к одноклассникам. Наташке Назаренко первой из нас исполнилось двадцать лет. Володька Волошин, Ольга Сёмина, Валера Федулов, Валя Кочанова и незнакомка Люда – вот и вся компания вместе со мной.

Очень неплохо, когда есть одноклассники!

В семье не без проблем

5 января

Умер мой дедушка Пахом Максимович. Мать с бабушкой уехали на похороны в Экибастуз. Я не видел деда больше пяти лет и очень жалею, что не удалось нам встретиться за эти годы. Всё детство прошло рядом с ним. Только теперь начинаю понимать, какой это был могучий человек. Несмотря на контузию в русско-японской войне в начале века, он до девятого десятка сохранил юношескую стройность фигуры, почти не потерял зубов. Всегда носил бороду, как Лев Толстой, и очень нежно ко мне относился. Я, как мог, злоупотреблял его хорошим отношением: воровал у него царские деньги, которые обменивал на рыбок, а с 1961 года вытаскивал из его чемоданчика монетные рубли и полтинники, тут же превращал их в любимые ириски. Дед выходил из себя, грозился меня отлупить, но ни разу даже пальцем не тронул. Рассказывал дед мало, но содержательно.

О том, что видел живого Ленина, здоровался с ним за руку, будучи солдатом в первые годы советской власти, поведал только мне.

Весь вечер я бродил по полю и пустынному саду возле больницы. Светила яркая луна, снег искрился и гулко скрипел под ногами, как будто звуки транслировались через многочисленные усилители на сотни метров.

А я всё думал о первой невосполнимой потере в нашей семье и не мог поверить, что никогда уже не смогу увидеть родного человека.

12 января

Только что пришёл с катка. Удивляюсь, как я мог почти три года не кататься. На стадионе «Динамо» ничего не изменилось: так же залит лёд, те же мелодии несутся из громкоговорителя (можно было бы их давно обновить!). Народ с удовольствием катается.

Познакомился с симпатичной девушкой. Её зовут Галя Николаева, учится она в нашей школе в девятом классе и живёт этажом ниже Ленки. Надо же! Оказалось, что она меня знала все эти годы, просто превратилась из пятиклассницы, на которую я не мог обратить внимание четыре года назад, в теперешнюю красавицу. Забавно было услышать, как они с девчонками следили за нашей дружбой с Ленкой. Ходили по пятам, подслушивали, подсматривали, как мы целуемся. А мы и не подозревали, что были столь любопытным объектом.

В общем, каток оставил приятное впечатление и явился хорошей разгрузкой после сдачи дифференциальной геометрии.

Сегодня Володька Волошин и Ольга Сёмина объявили, что скоро поженятся. Полк холостяков нашего класса убывает...

Вечером возле магазина встретила какая-то женщина, попросила сделать ей контрольную по математике. Оказывается, ей Галка Аллас сказала, что я учусь на физмате.

Всего сорок минут мне понадобилось на эту процедуру, за которую мне женщина всучила пятнадцать рублей, несмотря на все отказы.

Недурно для студента с месячной стипендией в двадцать восемь рублей. Таких бы клиенток хотя бы в день по одной.

В автобусе сегодня ехала со мной симпатичная дама лет двадцати трёх-двадцати пяти – красивая внешность и жуткий пессимизм. Непривычно было слышать такие фразы, как:

«Зачем люди живут?»,

«Не могу смотреть на эти жалкие хозяйственные сетки, сумки, платки...»,

«Как живут люди в таких убогих комнатах-клетушках?»,

«Никому нельзя верить», и так далее.

Наверное, её бросил любимый человек или случилось какое-то другое горе.

26 января

Сегодня у отца опять приступ с почками, а маме сделали операцию сложнейшего аппендицита. Обоих отвез в больницу, сижу, ничего не соображаю, а завтра у меня экзамен и зачёт.

С иронией смотрю на письмо, пришедшее сегодня от Лиды. Она меня ждёт на каникулы в Москву. До Москвы ли мне сейчас?

30 января

Сегодня был в больнице у отца с матерью. Отца отпустила боль, и он хлопочет возле мамы. Оказывается, когда мать привезли с гнойным аппендицитом, да ещё в выходной день, дежурный врач определил неизвестно откуда почечную колику, посадил её в ванну с горячей водой, и после она невероятно мучилась до утра понедельника, пока не потеряла все силы.

Утром сделали операцию с диагнозом «перитонит», а отец раскопал в справочниках, что не исключен смертельный исход. Что думать о медицине, я не знаю, но жизнь открылась с очень мрачной стороны.

Экзамены я всё-таки сдал, естественно не пошёл ни на вечер встречи выпускников, ни на свадьбу к теперь уже Волошиным Володе и Ольге, а мотался по магазинам и базарам, варил бульоны и носил в больницу.

Могу теперь смело сказать, что роль хозяйки в доме очень тяжёлая.

Вот такие у меня выходят каникулы.

7 февраля

Всё-таки в Москву я съездил. Три дня назад отец вышел из больницы, взял хозяйство в свои руки и разрешил мне развешаться. Лида встретила меня прекрасно, всё восторгалась моей белой шапкой. Её мама помогла купить деликатесы для моих больных: чёрная и красная икра, ананасы, угорь, палтус, сервелат – может, хоть это как-то улучшит аппетит матери. Я вовремя приехал. Отца опять отвез в больницу, завтра ему будут тащить камень из почки петлёй. Этот новый метод

лечения разработал доктор Марголин, и отец оказался одним из первых пациентов. Единственное, что радует сегодня – это то, что мама хорошо поела сваренный мною бульон. В Москве с Лидой поспорили на две бутылки коньяка, что я поступлю в аспирантуру. Послезавтра начинается практика в школе, и я в первый раз в жизни войду в класс в роли учителя. Удалось распределиться в родную школу.

Бесконечным кажется урок...

9 февраля

Практика началась, да ещё в родной школе, где почти три года назад я бегал десятиклассником. Наша неизменная завуч Тамара Абрамовна Рудакова провела вступительную беседу. Мне достался 8 «б», где математику ведёт Тамара Петровна, а Толику – 8 «а». Удивительное чувство – ощущать стены родной школы, видеть до боли знакомых учителей, но не встретить ни одного одноклассника и самое непривычное, что меня зовут Александром Ивановичем.

Кстати, в моём восьмом «б» учится брат Ленки – Юрка, с которым я когда-то был чуть-чуть не в родственных отношениях. В школе сразу вспомнили, что я играю на баяне, и сразу же Василий Николаевич, который вёл у нас электротехнику, потащил меня к своим девятиклассникам разучивать песни к очередному праздничному вечеру. С первого взгляда было видно, что отношения между Василием Николаевичем и его ребятами накалены. Ребята не хотели петь, Василий Николаевич стал их ругать, и я попросил его оставить меня с классом наедине. Мы сразу вспомнили то время, когда

я приходил к ним с баяном, а они были пионерами. Я выразил удивление, что они так выросли за эти четыре года, а затем мы составили быстро совершенно новую программу и спокойно, с настроением стали репетировать. Опять я скатился на общественные дела – баян, репетиции, стенгазеты, вечера, хотя на первом месте должна быть только математика.

Свой первый урок я даю шестнадцатого февраля. Это значит у меня всего одна неделя на подготовку к такому ответственному моменту. Ну, вот! Ругал себя за баян, а ребята из класса Василия Николаевича подарили мне огромные белые цветы после репетиции. К моему стыду не знаю, как они называются, я их тут же отнес маме в больницу. Ей было очень приятно. А цветы называются каллы.

10 февраля

Сижу второй день на уроках в моём восьмом «б». И почему-то мне кажется, что не столько толковые объяснения и решения на геометрии, сколько грозный голос Тамары Петровны гремит как раскаты грома. Ребята уже отупели, как бараны от всяких взбучек и устрашений. В довершении их оставили на шестой урок, которого нет в расписании. Это значит ещё сорок пять минут изучения математики из-под палки. Думаю, что мне учиться пока не у кого, Тамара Петровна далеко не образец педагога с большой буквы. Будем искать свои пути, хотя всё, что можно для дела, можно взять и у неё.

11 февраля

Сегодня Тамара Петровна давала открытый урок для всех студентов, проходивших практику в школе. У неё был

какой-то испуганный вид в течение всего урока, и меня это удивило. Ребята сидели довольно тихо, отвечали вяло, и не было, как я представлял, блестящего оркестра и великолепного дирижера. Кем же мне всё-таки быть: математиком или учителем математики?

20 февраля

Долго не писал, только что пришёл с вечера, посвящённого Дню Советской армии. Немного было грустно, что нет одноклассников, все ребята моложе меня. Много играл на баяне, танцевал с Галей Николаевой, которая выглядела ещё лучше, чем в январе на катке, и с девчонками своего 8 «б» класса. Неделя была очень напряжённой.

В понедельник дал первый в жизни урок по геометрии, но не по плану первого пробного, а просто попросил Тамару Петровну для уверенности. И он прошёл неплохо. А вот по плану первый пробный провёл неважно. Чувствовал себя, как в каком-то киселе. Заторможенность речи, неуверенность, слабый темп урока. Оказывается, не так просто добиться, чтобы тридцать учеников не отрывали от тебя глаз при объяснении материала, и как по мановению волшебной палочки, бросались скрипеть авторучками, выполняя задание учителя. А учитель чувствовал себя как великий дирижёр, малейшее движение которого, ученики с трепетом стараются исполнить. В общем, я был не удовлетворён.

Толик тоже первый урок дал слабый. А второй пробный у меня был намного лучше предыдущего. Не зря я сделал акцент на уверенность и темп. У ребят другое внимание, сосредоточенность и реакция. Ещё я понял, что нельзя делать паузы, иначе ученики в один момент становятся неуправляемыми. И тогда на них остаётся только кричать, орать как Тамара Петровна, к чему они, к сожалению, давно привыкли.

А Рая Козюкова дала урок просто на «отлично» – вот, что значит работать в школе после педучилища.

По Танюшке соскучился, даже некогда к ней съездить. Школа, дом, больница.

21 февраля

Сегодня был «Огонёк» только в моем 8 «б». Скажу сразу, я не в восторге, хотя это мое внеклассное мероприятие как учителя-практиканта.

Модно и по-взрослому выглядели Таня Реброва, Аня Харитоновна, Галя Бодакина.

А у меня в голове одно – «Александр Иванович!». Вот и стал взрослым Санька Шевченко, который, вроде, был вчера ещё сам восьмиклассником.

Почему-то грустно становится. Теперь мне всё понятно и предсказуемо.

Ребята не танцуют, девчонки стесняются. На чаепитии чуть расковались. Девчонки поздравили нас, мужчин, мне подарили очаровательного утёнка. Первый раз вижу такую красивую мягкую игрушку.

Неплохо прошел «Огонёк», в смысле песен, стихов, танцев...

Интересно, Володька Беккер тоже проходит практику во второй школе, где учился, таскает домой вундеркиндов и выливает на них весь свой огромный потенциал полиглота и математика.

3 марта

Сегодня впервые урок прошёл отлично. Я себя чувствовал уверенно, класс работал хорошо, даже двоечник Захаров поднимал руку и отвечал.

Оказывается, на хорошем темпе и интересно построенном материале можно раскатать далеко не сильный класс. Однако к хорошему уроку надо тщательно готовиться, блестяще владеть материалом, чётко продумывать весь ход урока и ещё знать возможности и умение отвечать каждого ученика.

Теперь о невероятном событии. Как-то так получилось, что все эти дни частенько иду домой с Галей Николаевой, благо нам по пути и, к своему ужасу, постепенно охлаждаваю к Танюшке.

Ругаю себя страшно. Заранее знаю, что больше полгода с Галей не прохожу. Но что поделать, если эта девятиклассница из ума не выходит.

Вчера был у Лидии Всеволодовны дома. Приятно попить чай с бывшим классным руководителем, как с коллегой. Она дала почитать Оскара Уайльда.

Проверяя контрольную по геометрии, поставил десять «двоек». В душе волнуясь, не жестоко ли, но что можно поделать, если математически эти работы нукудышные.

Да, всё-таки не зря я чувствовал в конце июля прошлого года, что не стоит мне ходить к Танюшке. Она, конечно, прелесть, но ребёнок. И всё время ждать меня, не зная, когда я соизволю прийти, тоже не лучший вариант.

Неугомонный романтик

14 марта

Вот и кончилась долгожданная педпрактика. Кажется, при желании хороший учитель из меня мог бы получиться. Это для меня открытие. Никогда не думал, что мог бы быть учителем, однако, когда ты ощущаешь внимание и уважение

всего класса и можешь всех заинтересовать и предметом, и своим авторитетом – это стоит многого.

Учиться остается практически один год, а реализовал я себя процентов на двадцать пять-тридцать.

Интересно было услышать мнение Тамары Петровны на итоговой конференции, что я мало работал как классный руководитель. Это при моей-то работе с классом баянистом, режиссёром, репетитором?

Может, она каким-то образом почувствовала моё разочарование в ней как в образцовом учителе? Хотя я своими мыслями ни с кем не делился, даже с Толиком.

Я в принципе согласен с оценкой «хорошо», но только не за внеклассную работу, а за математику. Можно было ещё интереснее и чётче вести уроки.

Вчера был у Гали Николаевой. Наверное, только у меня дурацкие мысли, что не совсем красиво студенту-практиканту ухаживать за девятиклассницей. Чем больше мы гуляем по Орлу, тем красивее и желанней она становится. На днях был изумительный снегопад, и мы гуляли в парке, по набережной, я брал её на руки, кружил в фантастическом вальсе, и мы целовались...

Вконец запутался! Опять в голове сплошной клубок имён, проблем и неясностей.

Вон всё из головы, конец, хватит, точка!

21 марта

Прошла первая неделя после практики. Много новых предметов: основания геометрии, теория вероятности (это о которой поётся в песне: «...после радости – неприятности?»), основания арифметики.

Сколько же надо заниматься?

С Толиком сделали электрическое табло тригонометрических функций. Это в подарок школе, где мы прошли первую практику.

А вообще всё здорово! Весна, молодость...

26 марта

Двадцать четвёртого была научная конференция по педагогике, где я выступал с докладом, хотя главное событие было вчера. Я впервые поцеловал Галку. Я губ таких прекрасных не видал...

Теперь не могу смотреть на прежние записи.

30 марта

Гуляем с Галкой вечерами, целуемся. Мокрый весенний снежок и ощущение прекрасного полёта. Что это? Неужели то самое? Готов ли я на настоящие серьёзные отношения?

2 апреля

Долетался! Вчера подошёл к доске приказов, а там висит приказ о снятии меня со стипендии за пропуски занятий. Срываю приказ, бегу в деканат, пускаю слезу несчастного студента, обиженного деканатом. В этот момент замечаю ошарашенные лица декана и преподавателей, а сзади – лопающиеся от смеха рожи Толика, Рики, Вовки и наших девчонок. Особенно громко смеялся замдекана, заядлый курильщик с кличкой «Везувий», всегда находящийся в табачном дыму и в пепле. Бедные женщины-преподаватели физмата

не могли находиться в прокуренном деканате больше десяти секунд.

Купили с потрохами на 1-е апреля!

13 апреля

Как тяжело всё это пережить! Галка сказала, что любит другого, хотя раньше, кивая на фотографию на столе, где был представлен молодой курсант лётного училища, она говорила, что это её брат.

Не из-за кого я так не страдал, как в эти дни. Я не знаю, что делать: то ли выкинуть её образ из головы, то ли бороться за неё? А чего бороться, если она твёрдо отдала предпочтение ему. Иначе бы он навсегда бы остался «братом». Сплю плохо, брожу как лунатик по саду за больницей Семашко, есть ничего не хочется. Жалкое состояние, но, ведь она никаких признаний и клятв не давала! Чувствуешь полёт бумеранга? Держись, Саня! Это надо пережить. Хорошо, что далеко мы не зашли в отношениях, честная девочка! Но как болезненно ощущать, когда с тобой рвут отношения не по твоей инициативе! Особенно когда ты к партнёру неравнодушен.

А тут ещё зачёты, как не вовремя!

25 апреля

Хвалю себя, что удержался от унижительных визитов к Галке и ненужных выяснений отношений. Помучился, переболел более-менее.

Я написал ей длинное письмо о своих чувствах и главное – мне удалось ничем её не обидеть, обойтись без упрёков и закончить светлыми словами.

Как мне кажется, она хотела после получения письма поговорить со мной, но я постарался в те дни быть от неё на приличном расстоянии.

С каждым днём чувствую, как боль в сердце потихоньку утихает.

Сегодня был праздник «Пси-функции», но он на меня совершенно не произвёл впечатления, хотя Толик и Вовка были ведущими.

Вчера мои друзья – Юра Кузнецов, Валя, Дима Лободин помогли мне вскопать всю дачу. Отец ещё в болезненном состоянии, мать четвёртый месяц не выходит из больницы. Отца известили, что скоро дадут однокомнатную квартиру. Не густо, конечно, но всё же лучше, чем здесь, в этой дыре-коммуналке.

А пока только мечтаю принять ванну у себя в квартире.

29 апреля

Смотрели с отцом будущую квартиру в районе Ботаники – пятый этаж, балкон. Слышен довольно громко грохот трамваев, не говоря уже о самой автомобильной улице Комсомольской, через которую проходит трасса Москва–Харьков. Достал справочник для поступающих в аспирантуру. Если буду лениться, останется ненужным сувениром. Неплохой девиз я себе придумал в начале года: «Стремиться к звёздам!».

1 мая

Три часа ночи. Вторые сутки не могу прийти в себя от впечатления, произведенного книгой Майи Бессараб «Ландау».

Оказывается, ещё совсем недавно жил и работал на свете человек, сфокусировавший в себе почти всё, о чём я только мечтал. Ярчайший талант с детства, завидная независимость и постоянство в мыслях, объект преклонения и любви женского пола, одарённый актёр и юморист от природы, и, вообще, давно я не испытывал такого потрясения, разве что после прочтения в детстве книги о Суворове.

Хочу спать!!! В девять часов мы должны уже идти в колонне демонстрантов.

Интересно говорил о талантливых лентяях Ландау: «Это же паразит вроде вши». «Так что, Саня, работать и работать».

7 мая. 00 часов. 15 минут

Я буду математиком!

03 часа. 15 минут

Не могу заснуть. Вспомнилась Галка Орлова. Встал и начал писать о своей первой любви. Надо написать книгу или рассказ, чтобы напечатали, а то так и не узнают люди, какой была любовь во второй половине двадцатого века.

04 часа. 15 минут

Ещё не сплю, ходил на улицу. Светает. Ночь прошла интересно. Луна светила так ласково и ярко, словно должно было произойти что-то необыкновенное и прекрасное.

Сейчас красивый рассвет. У меня такое чувство, будто я очистился от всех грехов. Голова ясная и свежая.

11 часов. 15 минут

Практически не спал. Утром совершил мощную пробежку, как будто заново родился.

Перед последним курсом

5 июля

Как долго не писал! Просто не было желания. В середине мая ходили с ночёвкой в Вязки, недалеко от пионерского лагеря «Дружба», я, Толик, Рика, Валя Брылёва, Ирка Володина, Нелька Перова, Наташка Завидова, Ирка Ширяева.

Костёр, палатка, ужин с вином, танцы, катание на качелях в пионерском лагере в три часа ночи, в общем, отдохнули.

Валя всё равно оказывается рядом, несмотря на всю мою безынициативность по отношению к ней.

Впервые сдав с ребятами задолго до срока все зачёты, дней десять ездил в Ботанику загорать с Танюшкой. Особенно нам понравился песчаный карьер, я даже сразу не сообразил, что это тот самый песчаный карьер, где мы барахтались с ней год назад, а теперь это было круглое озеро с довольно чистой зеленоватой водой. Чистейший, пастельных тонов песок приятно ласкал наши тела, когда мы просто лежали, бесились, кувыркались, прыгали, как будто нас кто-то изнутри заводил ключиком.

Если историю педагогики я почти не учил, но играючи получил пятёрку, то высшую геометрию я впервые проштудировал до запятой и впервые у самого Парнасского я чувствовал себя на экзамене неуязвимым и ни на йоту не слабее Толика, Рики или Вовки.

Правда, получил оценку «хорошо», но только из-за того, что я, сделав паузу для значительности в ответе, неожиданно получил от Толика ненужную подсказку, вернее даже попытку подсказки, а Парнасский не терпит ни подсказок, ни списываний. Что ни говори, но я предпочитаю строгого, высокопрофессионального преподавателя, с ним только и можно черпать знания, а не хватать мёртвые оценки впустую у мягкотелых слабаков.

Итак, впереди четвёртый и последний курс. Через год я буду иметь диплом, и весёлая студенческая жизнь закончится. А жаль!

Кстати, неделю назад мы переехали в новую квартиру, где, увы, удобства почти не действовали. Вся сантехника, впрочем, как и вся квартира, имела ужасно плачевный и разорённый вид. Всю неделю мы белили, красили, скребли, чистили, меняли, отвинчивали, привинчивали.

Довольно-таки тяжело оказалось таскать вещи на пятый этаж. Что значит, привык жить на втором! Когда всё закончилось, я пошёл к Танюшке.

Теперь нас разделяет всего одна остановка. Нацеловались с ней досыта, а на следующий день она уехала в пионерский лагерь, а я в дом отдыха «Ботаника», через который мы пять лет ходили на дачу.

Отец взял путёвку на работе за семь рублей и решил, что я пару недель буду отдыхать и готовиться к экзаменам в доме отдыха «Ботаника». Меня идея заинтересовала. От привычного с детства пионерского лагеря дом отдыха отличается значительно, а точнее – полной свободой. Можешь пойти поесть в столовую, а не хочешь – не приходи. Можешь прийти ночевать на свою койку, а можешь и не приходиться.

Молодёжи почти не было. Десяток-два заочников из нашего института, остальные все старики.

Но в целом мне понравилось. Я играл в бадминтон, загорал, плавал в Оке, благо пляж в 100 м от корпуса. Вечером на нашу танцплощадку приходила молодёжь из ближайших кварталов города. Познакомился с двумя обаятельными женщинами-заочницами из нашего дома отдыха, лет на несколько старше меня: одна из них инспектор РОНО – Тамара. Вторая – директор быткомбината в одном из райцентров – Люда. Тамара оказалась удивительной пловчихой. Она могла плыть со мной на любое расстояние, обычно женщины далеко не плавают. И собеседницей она оказалась интересной, чувствуются хорошие знания по литературе и истории. Странно, что ей интересно со мной, мальчишкой по сравнению с ней. Но грань дружеских отношений мы не перешагивали.

Ездил в пионерский лагерь к Танюшке. Интересно было оказаться в родных местах гостем со стороны. Оказалось много знакомых. Плаврук Пётр Никодимович, девчата с нашего курса, преподаватели орловских школ, работавшие в прошлом году и очень много ребят старших классов из моего и Рикиного отрядов.

Меня встретили как родного, после бассейна, бадминтона, волейбола, тенниса мы ещё устроили с вожатыми сабантуй до двух ночи. Руки болели от баяна. Уложили меня спать к ребятам первого отряда, где я пять лет назад числился в первом отряде и спал на этом месте. Да, пятнадцатилетние девчонки – это едва раскрывшиеся цветы, самые красивые, самые свежие.

Как бы я хотел снова стать пятнадцатилетним! Но, увы, мне скоро двадцать. Старость – не радость.

Сегодня утром я уехал из лагеря. Танюшка меня провожала до самой остановки автобуса.

В этом году она уже не держала дистанцию со мной, как с вожатым, и вела себя как моя девушка. А я понял, что ребёнку ещё взрослеть и взрослеть. И пора девочку оставить в покое.

Всё, устал, не записал и сотовой доли своих впечатлений за этот период, но хочу спать.

26 августа

Сегодня мне исполнилось двадцать лет. Начинается третий десяток моей грешной жизни. За истекшие десять лет я окончил музыкальную школу, общеобразовательную, поступил в институт и передружил с кучей девчонок (шутка).

Вчера я приехал из Москвы, был у Лиды с недельку. А она до этого недельку погостила у меня в Орле. Показал ей город, понравились старинные здания и храмы, восхитилась допотопными вагончиками трамваев, позагорали на карьере, переночевали в кузове автобуса на нашей даче без всяких интимных подробностей.

Не зацепила она меня за это время. Чуточку устал от неё. И умная, и симпатичная, и душа вроде бы к ней лежит, но сердце молчит, как партизан.

Значит не моё это сокровище.

ЧЕТВЁРТЫЙ КУРС

Последняя студенческая осень

31 августа

Завтра первое сентября. Последний курс. Настроен, кажется, серьёзнее, чем обычно. Посмотрим, как пойдут дела. Этим летом заработал сто пятьдесят рублей математикой, и всего лишь за один месяц.

Летом ко мне привели Сашку Деревцова, которого оставили на осень в девятом классе. Я сказал, что за месяц пройду с ним всю математику с пятого по девятый классы, но буду брать по пять рублей за два часа, как все опытные репетиторы Орла. Пижонство, конечно, но я стал заниматься с ним серьёзно. Объясняя ему всю теорию, учил решать простые и сложные задачи, работал с ним больше двух часов в день, а его заставил трудиться ещё больше над ежедневными домашними заданиями. И результат не замедлил сказаться. Позавчера Сашка отпрапортовал, что твёрдо зачислен в десятый класс. Думаю, что этот случайный опыт придаст мне силы и уверенность для дальнейших дел.

Нельзя не сказать, что парень оказался хороший, выполнял все мои требования: носил мои вещи, раскладушку, как денщик, если я отправлялся на пляж (не мог же я отказать себе в удовольствии побывать на пляже, если кому-то нужна математика?). Будь рядом и получай знания. Конечно, это нахальство

хвалить себя за то, что за месяц дал азы математики за школьный курс, да ещё содрал с родителей парня хорошую месячную зарплату. Но цель достигнута, и парень допущен в 10-й класс, и у меня твёрдое ощущение, что я деньги заработал честно. Самое важное то, что я получил необыкновенное удовольствие от того, что могу учить математике, и это новое чувство окрыляет и волнует. А деньги заработаны не случайными погрузками-разгрузками, и даже не игрой на баяне, хотя игрой тоже не стыдно, однако, здесь мозги надо было приложить.

5 сентября

Прошли четыре дня занятий моего, возможно, последнего, учебного сентября. Немножко грустно. Дни стоят отличные. Солнце, тепло, деревья, ещё мало пожелтевшие, всеми силами стараются не показать осенней старости.

В институт теперь хожу пешком – всего три остановки. Место жительства чудесное. Во дворе огромный яблоневый сад. Вчера ночью залез на яблоню, сидел, мечтал при луне и грыз яблоки. В Казахстане о такой картине и не мечталось.

К Танюшке как-то охладел ещё с августа, и до сих пор к ней не тянет.

Вчера посмотрел фильм «Нечаянная любовь». Думаю, что моя ещё не пришла.

Когда загорал на пляже, обучая Сашку Деревцова математике, я несколько дней подряд любовался и даже разговаривал с необыкновенно красивой девушкой. На весь пляж выделялась её стройная, загорелая фигура в ярко-жёлтом купальнике, а про золотистые волосы, красивые черты лица и огромные синие глаза, я, вообще, молчу. Зовут её Алла, но навязывать ей свое знакомство я не стал. Внутри что-то

говорит, что не стоит торопиться, показывать красавице, что я от неё без ума. Поиграли в волейбол и достаточно.

5 октября

Два часа ночи. Просто шалею от книги Анн и Серж Голлон «Анжелика» – чудесная энциклопедия, великий справочник, настольная книга любви (наверняка, любителям серьёзной литературы я показался бы очень смешным, но ничего с собой не могу поделаться, нравится мне читать эту книгу). Сколько в ней мыслей совпадают с моими!

«Лёгкая победа обесценивает любовь, трудная победа заставляет её дорожить».

«Разве тот, кто жрёт, как свинья, и наливается вином, как бездонная бочка, способен упиваться прелестью изысканного поцелуя?».

«Не пейте из всех кубков одновременно, и не превращайте храм любви в скотный двор».

И, наконец, совершенно не советская и не коммунистическая фраза-загадка: «Чтобы посвятить себя любви – нужно быть избавленным от забот о хлебе насущном».

Кажется, надо весьма немало поработать мозгами, чтобы заработать на хлеб насущный и посвятить себя любви.

Да, есть о чём поразмыслить студенту-выпускнику, могущему рассчитывать на успех в этой жизни лишь на себя.

8 октября

Через месяц вторая практика в школе и последняя. Отлично, что подхожу к этому вопросу гораздо серьёзнее, чем в прошлом году.

Хотя, ещё многим и многим недоволен в своих продвижениях.

Никогда не думал, что во мне заиграют удивительные нотки. Надо честно признаться: школа стала вызывать во мне интерес. И провести блестящий урок меня так же тянет, как настоящего спортсмена на чемпионат. Какая же интересная и многогранная профессия – учитель.

19 октября

Наконец-то, я разозлился на себя, что плохо танцую, и весь месяц ходил на бальные танцы, куда давно меня звал Сашка Галигузов, один из лучших танцоров бальных танцев, с которым познакомился в пионерском лагере. Интересен мир танцоров, интересна атмосфера танцев. Я терпеливо выполнял все команды моих молоденьких партнёрш, обыкновенных школьниц, от которых мне удалось скрыть, что я студент-старшекурсник. Как бы там ни было, но сейчас я уже довольно сносно могу танцевать вальс и танго, что мне и хотелось. Возможно, на дальнейшее танцевальное совершенство у меня просто не будет времени.

21 октября

Уже пятый день сижу дома, видимо, простыл. Прочитал книжку о французском художнике Тулуз-Лотреке и думаю, какие же мы все хлюпики и лентяи. Калека, урод от рождения смог стать одним из знаменитых художников мира. А мы годами ползаем, как черепахи, в скучной повседневной рутине и, если удаётся защитить серую ненужную диссертацию к пенсии, считаем это великим жизненным подвигом.

Недавно не поладил с родителями и три дня жил у Володьки. Это довольно-таки глупо, и мне, будущему педагогу, надо быть более уравновешенным и терпимым, тем более со своими родителями.

4 ноября

Сегодня был на вечере в своей школе. И хотя я впервые танцевал вальс и получил немало приятных комплиментов от девчонок, которые меня помнят по практике, понял, что надо прекращать такие походы. Уже чувствую большую разницу и в возрасте, и в интересах со школьниками.

Увы, детство кончилось! С Галкой Николаевой даже не поздоровались. Вернее, она всё время отводила глаза в сторону.

Парта школьная мне снится

10 ноября

Первый день практики во второй школе. Дали десятый класс «а», самое удивительное то, что в нём учится Алла Купченко, которой я уже два месяца пишу «дворянские письма» самым высокопарным слогом, который мог прийти в голову довольно начитанному студенту. Мне не составило труда разыскать, где она живёт, где учится. Правда не очень хотелось, чтобы она была ещё школьницей, но то, что она окажется в моём десятом классе, было абсолютной неожиданностью. Всё! Никаких поползновений, дистанция учитель – ученик.

Чувствую, что вряд ли даже намекну этой красивой де-вушке о себе.

Во-первых, очень серьезно настроился на практику. Во-вторых, впервые попробую «не гнать лошадей», а посмотреть со стороны, что за человек скрывается за хорошей внешностью.

О 2-й школе давно ходят легенды, как о математическом лицее. Все математики этой школы относятся к самым лучшим в области.

Володька Беккер попал в 10 «б», он то и подбил меня на эту школу. Да, это не восьмой класс. Среди этих рослых ребят я себя почувствовал довольно-таки напряжённо вначале.

Состоится ли наш контакт на высокоинтеллектуальном уровне?

27 ноября

Прошло три недели моего учительства в десятом. Состояние непривычное, как будто каждый день мне выступать на соревнованиях. Пробные уроки я дал на «4» и «5», следующие оценки – «4», «5», «5», «4».

Думаю, что это можно считать успехом.

К урокам готовились с Володькой у него дома. Проигрывали ситуации, писали конспекты.

Кажется, я нашел ту манеру доверительности в общении с ребятами, которая мне позволяет быть с ними на товарищеской ноге, но без всякого панибратства. Мне в этом здорово помогли знания по художественной литературе, в особенности в области фантастики. Ребят покорило то, что я часами могу говорить с ними о творчестве Айзека Азимова, Рэя Брэдбери, Клиффорда Саймака, Станислава

Лема, братьев Стругацких, Сергея Снегова, Ивана Ефремова и многих других.

Но главное – у меня стали получаться неплохие уроки. Я стал видеть класс целиком, исчез страх перед тем, насколько правильно я скажу математическое предложение.

Я научился держать в поле зрения как блестяще работающих учеников, так и совершенно отстающих, которые почти не понимают, о чём на уроке идёт речь. И ещё, что особенно для меня важно – слушать внимательно ответ ученика, очень тактично помогать ему в ответе и пользоваться, в первую очередь, своевременными подсказками его товарищей, оперативно вызванными моими вопросами.

В общем, учитель из меня получился бы неплохой.

Позавчера в школу нагрянули зубные врачи. Теперь через их кабинет должны пройти все ученики школы. Двое из врачей – очень молоденькие, поэтому мы с Володькой стали одними из первых пациентов.

У Володьки зубы оказались весьма не на уровне, и ему пришлось больше охать, чем строить глазки.

А вот мой врач меня просто очаровал. Такая симпатичная мордашка, такие голубые искристые глаза! И зовут её красиво – Надежда.

1 декабря

Ужасный день сегодня...

Вчера убили Витьку Львова и тяжело ранили Володьку Князева. Витька, Витька... Ведь я с ним плавал два года в бассейне.

Чудесный парень, настоящий богатырь, на едином дыхании проплывающий три раза весь бассейн под водой и...

убит. Убит какими-то босяками, шпаной, которая ночью шляется по городу и не дает людям спокойно жить.

Как рассказали, Виктор с Володькой шли по мосту и даже не обратили внимания на пьяный лепет и выкрики шести наглых пацанов, которые, как обычно, просили закурить, чтоб задраться. Они просто прошли сквозь них, как сквозь пыль, так как любой из этих богатырей мог одной рукой расшвырять их, как котят. Остановились только тогда, когда шпана их догнала сзади и вонзила ножи в их спортивные тела.

Вот чудовищная сторона жизни, которая, увы, существует и в нашей стране, стремящейся построить высокогуманное коммунистическое общество.

Что-то несовершенное может быть в методах строительства этого общества, если такие картины появляются на улицах советских городов, да ещё в нескольких шагах от здания обкома партии.

2 декабря

Сегодня были похороны Виктора. Казалось, весь Орёл пришёл проститься со славным красивым парнем. Врезалась картина сидящего возле гроба отца в какой-то щемящей прострации и стоящей недалеко заплаканной девушки в чёрном платке, в которой трудно было узнать Лиду Сафонову, одну и первых красавиц города. И куда теперь ушли радостные встречи, поцелуи, светлые планы на счастливую жизнь? Потрясённые и печальные мы расходились после прощания.

5 декабря

Вчера в очередной раз встречались с Надей. Днём я захожу к ней в зубной кабинет в перерывах между уроками, а вечером гуляем по старым улочкам, где сохранилось множество деревянных одноэтажных домов с изумительно красивой резьбой.

Я незаметно становлюсь поклонником старинной архитектуры, а ещё недавно нравились только современные здания из стекла и бетона. Стал понимать, что настоящее зодчество – это великое искусство. Смешно вспоминать, как я проходил в Москве мимо архитектурных шедевров и любовался стекляшками на Калининском проспекте.

А до этого в школе был КВН между моим и Вовкиным классами. Мои ребята победили с разгромным счётом. Я не мог налюбоваться изяществом и юмором Серёжи Куницина, Вити Яковлева, Толика Агатова, Володи Меньшикова, Оли Гвоздевой и других. А всё дело было в том, что я сумел их настроить на творчество, и юмор из них полился, как из рога изобилия.

Единственное, что я для них сделал, это написал смешную характеристику на Фёдора Сидорова, которая заканчивалась словами, понравившимися даже Володьке:

«Характеристика дана Фёдору для того, чтобы он шёл в большую светлую жизнь на все четыре стороны...».

А вот Володька Беккер, гроссмейстер КВНа и блестящий эрудит, просто задавил своих ребят анекдотами, штампами, КВНовскими байками, и они вместо творчества впали в подражание.

А мы знаем, что происходит, когда попугай подражает соловью.

После КВНа был «Огонёк», танцы. Мои ребята были возле меня, и я чувствовал себя, как никогда, прекрасно. Я им был нужен. Танцевал с красавицей Аллой, с Лилией Головановой.

Потом Лиля и ребята звали меня к кому-то из них в гости, но я пошёл к Наде. Была удивительно хорошая погода. Падал снежок, тихо, медленно, как в мультике. Мы с Надюхой дурачились и впервые поцеловались. Целуется она очень здорово.

Не знаю только, радоваться ли этому, но очень приятно.

23 декабря

Неожиданно свалилась на меня серьёзная работа. Эльвина Ивановна заболела, и я веду за неё уроки по полной программе до конца четверти. Да ещё классный руководитель Мария Павловна уехала в Австрию. Получилась нештучная ответственность. Однако мой хороший настрой, хороший контакт с ребятами мне не даёт повода унывать. Оказывается, серьёзная нагрузка укрепляет и закаляет.

С Надей становится всё интересней. Впервые я стал высказывать свои мысли вслух другому человеку. Мне нравится, как она меня слушает, называет одержимым и сумасшедшим, когда я рассказываю ей о своей любви к математике и мечтах о будущем. Интересно, она постоянно учит меня «нырять» – говорить всё и не бояться быть непонятым.

У неё особенные глаза. Мне всегда хочется в них смотреть. Сегодня ей двадцать четыре года.

Думаю, что разница в четыре года – это не помеха для серьёзных отношений, хотя вижу, что у неё эта тревога иногда проскальзывает.

26 декабря

Вчера закончилась моя практика. Завтра итоговая конференция в школе. Послезавтра в институт.

Мне кажется, я совершенно изменился в эту практику. Если раньше, ещё со школьных времён, обо мне было мнение, как о способном человеке, несерьёзно относящегося к делу, то сейчас я почувствовал, именно в эти два месяца, как привычное мнение о себе я изменил в лучшую сторону.

Я давал уроки блестяще, правда, не все, Эльвина Ивановна – известнейший математик и завуч школы – была многим довольна. С классом работал очень много, отличные ребята. Меня уважали и понимали с полуслова, хотя я всего-то на четыре года старше. Пришлось давать уроки даже в Володькином классе, когда он болел, и у его ребят они получались иногда даже лучше, чем в моем 10 «а».

Никогда не забуду КВН и «Огонёк» в наших десятых.

Однако, несмотря на положительную «пробу сил», у меня ещё не возникло окончательного решения работать в школе. Остаётся по-прежнему Москва, аспирантура и Володькино предложение – переучиться на программиста, самое модное направление у математиков. Но школа и педагогический труд открыли для меня прекрасную вселенную.

Скоро Новый год! Пять месяцев с небольшим осталось учиться. Я даже пустил фразу по своему курсу: «Когда же нам, наконец, дадут дипломы?».

Теперь начинаю понимать, что четыре студенческих года пролетели очень быстро.

Впервые за ноябрь и декабрь я поставил себе «пятёрки» за каждый день.

А как иначе? За практику я получил вполне заслуженную «пятерку», Володька – «четыре».

Практика во второй школе – единственное дело, сделанное, как следует в уходящем году. Думаю, очень неплохо, что у меня появляется вкус к отлично выполненной работе.

1 января

Вот и наступил последний год моего студенчества.

Новый год встречал с Надей в драмтеатре. Она пришла в красивом золотом платье и сравнима была только с Анжеликой из французского фильма.

После спектакля «Неравный брак» мы нашли местечко за столиком, где открыли бутылку шампанского, подняли бокалы за встречу Нового года.

Удалось потанцевать немного, потом к нам подошла весьма опьяневшая десятиклассница из Вовкиного класса и начала мне петь дифирамбы: какой я удивительный учитель. Но в данный момент нам это было совершенно неинтересно и настроения не прибавило.

Я проводил Надю домой, и мы почему-то на прохладной ноте расстались.

7 января

Все эти дни проболел, очевидно, простыл. Ни один человек не пришёл ко мне в эти дни. Вот тебе и друзья, и подруги. Мне особо скучно не было. Много читал, играл на баяне, сочинял, размышлял, мечтал и так далее. Но, если признаться, Надю я ждал каждый день.

Получил новогоднее поздравление от Танюшки. Пишет, что даже ночами не спит, думает обо мне. Хорошая девочка, но ответить ей нечем.

Только что посмотрел по телевизору спектакль Арбузова «Марат, Лика и Леонидик», где ещё раз убедился, что любовь – непростая штука.

26 января

Всё! Предпоследняя сессия закончена. Нелегко дался только атеизм. За два дня я пять раз ходил к преподавателю Алексееву Николаю Павловичу сдавать экзамен. И выучил его небольшой курс лекций (которые я не посещал) почти наизусть. На пятый раз я нацепил на шею бабушкин крестикону из бронзы и, когда забирал зачётку у Алексева, намеренно расстегнул пиджак... Вся аудитория покатила со смеху, увидев, с чьей помощью я сдал научный атеизм. Посмеялись, а мне до сих пор жаль первокурсника с биофака, которого отчислили из института в прошлом году лишь за то, что кто-то из группы заметил, что он носил крестик. Может я сегодня тоже играл с огнём?

За эти три месяца практики наша четвёрка стала как-то реже встречаться. Ничего, наверстаем на каникулах.

30 января

Четвёртый день каникул. Взялся за себя неплохо. Хожу не менее десяти километров пешком, пью соки, принимаю хвойные ванны. К никаким Надькам, Танькам не захожу. Проболел почти весь январь. Сдавал сессию, сбивал температуру, пил горячее молоко с мёдом, отлёживался. Очень

ждал все дни, что придёт Надя. На такой срок ещё мы не разлучались. Всё больше проникаюсь любовью к Орлу. Старинные дома на улицах Сакко и Ванцетти, Нормандия-Неман, 2-я Курская, Пушкинская, Салтыкова-Щедрина, 7-го Ноября, не говоря уже об улицах Горького, Московской, Комсомольской, просто поражают своей красотой и великолепием. Хотя многие хотелось бы видеть в более ухоженном виде. Надо изучить свой город досконально, а то Лиде, когда она приезжала прошлым летом ко мне, я, не краснея, сочинял старинные истории орловских домов, вплоть до того, что областной банк обозвал дворцом графа Каменского.

Вчера был уже четвёртый вечер выпускников в моей школе. Я, как всегда, проявил активность, поиграл на баяне и прочитал письмо студента на манер Ваньки Жукова.

Моих одноклассников собралось немало, но, что интересно, Люба Дроздова пришла в непривычном для себя виде: вместо скромной, неброско одетой девушки, пред нами предстала яркая брюнетка с великолепной причёской, в элегантном ярко-жёлтом костюме, который дополняли модные ажурные колготки и красивые чёрные туфли на шпильках.

Как яркий наряд и тщательный уход за собой может изменить человека!

Мало того, что она стала центром мужского внимания, так ещё Федулов Валера – предмет её бесплодных вздыханий в школе – так и крутился вокруг неё.

Сегодня сходил на каток. Сказалось моё долгое отсутствие на этом чудесном мероприятии. Встретил там Юрку Блинникова, с которым учился в восьмом классе. Только что пришёл из армии, здоров, как бык, морда красная на морозе. А когда-то был намного слабее меня. Может, армия меня подтянет основательно?

4 февраля

Утром пришёл на Дворянское гнездо. Ослепительное солнце, искрящиеся снежинки в воздухе. Красивый изгиб реки. Прозрачный зеленоватый лёд на её глади, чернеющий лес, – всё, как по Пушкину.

Как там красиво! Если в городе отдавало весной, и на асфальте не было снега, то здесь, наоборот, царство зимы. Речка подо льдом, берег и холмы в снегу, город искрится в голубой дымке всей южной частью, начиная с Пушкинской слободы, как на ладони. Солнце светило с обезоруживающей наглостью уже совсем незимнего светила.

Завороженный чарующей красотой, я пошёл по льду реки и вышел на какую-то окраину, где, как в деревне, кудахтали куры и мычали коровы во дворах.

Так, плутая, я вышел к дому, где жила Надя. И вдруг понял, что меня она уже не волнует.

После отличного обеда и отдыха пошёл на каток. На этот раз коньки слушались, ноги не болели. Я чувствовал себя мальчишкой, как в детстве на любимом катке в Казахстане.

Может хоть одну весну я встречу в великолепном состоянии души и тела?..

11 февраля

Итак, закончилась эпопея с Надей. Вчера мы с ней расстались; по-моему, навсегда. Прощальный поцелуй был очень сладкий, но сил хватило оторваться, одеться и мигом уйти. Концовка великолепная, как в кино.

Хорошее надо помнить. Она как никто восторгалась мной, но, очевидно, решила, что мы не пара. Недавно она

с сестрой и подругой зашла ко мне домой после прогулки по снежной Ботанике, где мы наслаждались барахтаньем в снегу, съезжали с горок на каких-то картонках. Короче, завалились к родителям отогреться, сушиться и пить чай. И двадцатичетырёхлетняя Надя увидела маленькую однокомнатную квартирку родителей неоперившегося студента, может, задумалась о дальнейшей перспективе наших отношений. Тем более, что я никаких серьёзных мыслей о нашем будущем не высказывал. Не скажешь же ей, что горизонтом холостяцких отношений является служба в армии и хотя бы пару лет отработать, образно говоря, встать на ноги. И что? Ей всё это время ждать и надеяться? Как героине романа.

Так что пошёл я дальше к звёздам.

Рике и Толику дали направление в аспирантуру.

А я всё думаю о женщинах...

Вернись Надежда сейчас ко мне, влюбись меня по уши – я завтра же буду пренебрегать ею, искать лучше, красивей и совершенней.

Такой уж дурацкий у меня характер. Зато мечтать я здоров!

Писатель, композитор, поэт, певец, математик, артист и ещё не знаю, кем я себя и представляю.

Мне нравится высказывание Ландау: «Главное – всё в жизни делайте с увлечением, это страшно украшает жизнь».

А я пока увлекаюсь только девчонками.

25 февраля

Позавчера была хорошая вечеринка в нашей группе, девчонки нас поздравили с мужским праздником, неплохо выпили, потанцевали.

А я был совершенно свободный. Даже не верится. Теперь ни Таньки, ни Галки, ни Надьки, ни Вальки, ни Лидки – никого.

Свободен, как ветер! (А, может, ветер в голове?)

Я всегда был дурачки деликатен. Всегда боялся обидеть девушку, боялся рвать отношения резко. Хотелось бы, чтоб моя свобода стала для меня новым поворотом к жёсткости и твёрдости характера.

Впереди весна. Надо радоваться жизни, своей юности, ведь она не вечна. И судьба, может быть, тебя не оставит за бортом новой жизни.

Финишный рывок

1 марта

В воскресенье были проводы русской зимы, до революции это была русская Масленица. Погода была отличная. Весь город дружно высыпал на улицы и площади. В одиннадцать часов все любовались парадом разряженных автомашин на площади Ленина. Сколько фантазий, выдумки и весёлого юмора понадобилось, чтобы так удивительно разукрасить каждый автомобиль, ставший практически оформленной сценой для спектакля на мотивы русских сказок, да ещё с действующими лицами.

Тут и «Сказка о рыбаке и рыбке», «Русалочка», «По щучьему веленью», «Конёк-горбунок», «Сказка о царе Салтане», «Царевна-лягушка», «Машенька и медведь»... Просто загляденье. И всё это – руками работников предприятий и организаций нашей Орловской области.

В этот день можно увидеть состязание в лазании на столб, когда смельчаки добираются по гладкому столбу до заветного приза под выкрики и улюлюканье болельщиков.

А как радуют глаз горячие блины, пирожки, сладости, которые подают девушки в русских костюмах – работницы столовых, кафе, ресторанов.

И конечно, не обходится без гармонь, повсюду слышны задорные весёлые песни, частушки, неизменные «Барыня» и «Цыганочка».

Ни на одном другом празднике я не видел столько искреннего веселья и радости, особенно у детей, которым в этот день не надо ни маршировать, ни выполнять чьи-то распоряжения, а можно просто веселиться и шалить.

В народе до сих пор называют этот праздник «Масленица», это звучит куда интересней, чем «проводы...».

Мне кажется, что атеизм атеизмом, а народные традиции ломать не стоило.

Видел в толпе Надю, Таню, но ни к кому не стал подходить.

Завтра научная конференция по педагогике. Я выступаю с докладом.

Пока не могу побороть привычку заканчивать подготовку в последние часы. Нет, чтобы за пару-тройку дней всё подготовить и отдыхать спокойно.

Однако до получения диплома остаётся четыре месяца...

6 марта

Позавчера было итоговое заседание по научным конференциям. Меня наградили грамотой за успешную деятельность в научной работе. Толика наградили фотоальбомом.

Прочитал роман Николая Дементьева «Замужество Татьяны Беловой».

Очень запомнилась реплика героя о чудаках, которые подразделяются на три категории:

«Первые – творцы, гении,

Вторые – те, кто дорвались до жирного куска и наслаждаются, которые кажутся чудаковатыми первым,

Третьи – те, которые всем сердцем рады бы попасть в первую категорию чудаков, да у второй каша жирней.

Так и чудачат всю жизнь с разбитым сердцем».

Да, интересно, в какую категорию себя записать? Хотя рано ещё определять. Посмотрим после института. Эдисон работал в течение пятидесяти лет по девятнадцать с половиной часов в сутки. Я пока, наверное, по столько часов бездельничаю. Хорошо, что я никому не завидую. Странно, всё-таки у меня такое чувство, что я стану великим человеком, причём куда выше, чем просто кандидат наук.

8 марта

Международный женский день. Рано утром я поехал на базар, чтобы купить маме цветы, было очень приятно смотреть, как она радовалась подарку.

Потом пошёл гулять. В парке было очень красиво, попробовал блинов, шашлыков, покатался на карусели, зашел к Толику. Он по-прежнему валяется на диване. Не привычно, но неплохо, что я в эти дни никого не поздравляю, ни к кому не иду. Красота. Пока что-то не видно, что я стану большим математиком. Могу попасть в деревню учителем, женюсь на какой-нибудь «Маньке» и заведу корову с курами.

22 марта

Нашёл неплохой ритм жизни. Каждое утро встаю в шесть сорок пять, бегаю. Сдал курсовую, астрономию, сделал научный доклад по педагогике, после которого неожиданно доцент Михаил Данилович Колупаев долго пел мне дифирамбы. Наконец-то, снова за неделю я могу поставить себе «пятёрку».

2 апреля

Мы вырвались с Толиком вперёд по всем зачётам. А сегодня блестяще защитил курсовую работу, получил «отлично». Опять удивил преподавателей своей неровностью. То весьма средненько занимаюсь, то с блеском.

8 апреля

Вчера досрочно сдал зачёт по логике – последний зачёт в институте.

Даже не верится, что всё так быстро кончается.

В понедельник мы в последний раз всей группой сидели на семинаре по классному руководству.

Вокруг весна, а рядом нет ни одной девушки. Очень непривычно.

18 апреля

Вот и всё. Учёба кончилась. Сдали досрочно все экзамены с Толиком. Сегодня наша группа только начинает сдавать первый экзамен. А мы уже свободны.

Такой бы мне ритм и темп с первого курса. Был бы красный диплом...

Четвёртый день стоит летняя погода. Приятно ходить в новом костюме и изящных французских туфлях. Тепло, не надо никаких плащей и курток.

В воскресенье я не выдержал и пришёл к Наде. Она была бесподобна в этот вечер. Мы с ней до того нацеловались и наобнимались, что она еле двигалась. А я своими объятиями всё переломал в карманах её пиджака.

И опять распрощались навсегда. Вспомнил, как прошлым летом услышал старинную песню про любовь. Любовь – это сабля, один держит за рукоять, а другой за острие. И как больно тому, кто держит за острие.

Мне кажется, что мы с Надей оба хватаемся за рукоять...

Меня распределили вчера в Дмитровский район, в Кругликовскую школу. По карте видно, что далеко.

Скоро уже буду купаться в реке и кататься на лодке. А любовь – она нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь.

Уже сдали зачётки с Толиком. Теперь остались государственные экзамены, или как их называют «ГОСы».

25 апреля

На днях закончился чемпионат мира по хоккею. Впервые за десять лет наши хоккеисты уступили трон чехам. Я не считаю себя заядлым болельщиком, как большинство мужского населения, но всё равно грустно, хотя понимаю – «ничто не вечно под луной».

Толик с Рикой съездили в Москву, были у профессора Бухштаба, он хорошо их принял и обнадёжил перспективой поступления в аспирантуру.

Я трезво оценил свои успехи и думаю, что пока мне рановато быть аспирантом.

Обошёл немало школ, был в военном училище, увидел реальную картину: свободных мест для математиков в городе нет.

Проблема обострилась...

27 апреля

Я люблю всё! Людей, природу, жизнь, девчонок (можно подумать, девчонки не люди!).

Всё идет отлично, всё впереди. Звёзды по-прежнему сияют, маня своей красотой и стремиться к ним надо активней.

30 апреля

Сегодня удивительный день! На улице творится что-то невероятное. Утром на пробежке я был просто заворожён красотой весны. Деревья покрылись нежной зеленью изумрудных оттенков.

На голубой чаше неба сверкал бриллиант солнца. Черёмуха с берёзой отчаянно спорили, чей наряд ярче, в этот спор робко вмешивались стройные тополя.

Некоторые деревья-старички вспоминали молодость и зарделись ярко-зелёным молодым румянцем.

Глядя на это великолепие, гордые яблони и вишни кичились своим аристократическим происхождением, оставляя показ своего наряда на потом.

Коротко подстриженные щёголи бледнели от смущения, как бы извиняясь, что их нарядили слишком модно, но со-

хранившие все ветви соседи, их не осуждали и прощали им кокетство, ибо сами были счастливы – от весны.

Если всё-таки стану математиком, то одну из своих теорем назову «теорема Надюшки», как бы наши отношения дальше не развивались.

1 мая

После демонстрации я поехал на дачу и проработал там с родителями весь день.

Чувствую себя прекрасно. Всё-таки физический труд, да ещё на свежем воздухе, человеку просто необходим.

8 мая

Сегодня ходил с Толиком в кино. Потом гуляли по парку. На одной ноге у него туфля моя чёрная, на другой – его жёлтая. У меня то же самое. Решили соригинальничать, смотрели на реакцию окружающих – некоторые смеялись. Чужие ладно, но, когда нам встретился отец Володи Беккера, нам стало неловко, но он сделал вид, что не обратил внимание на наши чудачества.

10 мая

Вчера был День Победы. Вдвоём с отцом мы посидели в ресторане «Волна», выпили коньяку, пива, поговорили о жизни. До этого маму поздравили телеграммой в санаторий, подняли рюмку за её здоровье, за то, чтобы курорт пошёл ей на пользу.

Хорошо, что ресторан находится в парке, да ещё на высоком берегу Оки, оттуда виден весь Орёл и особенно «стрелка» – место слияния Оки и Орлика, где стоит обелиск в честь 400-летия Орла.

Я бы платил деньги даже за возможность посидеть с кружкой пива в таком красивом месте.

Конечно, архитектура ресторана более чем убогая, не лучше столовой в обыкновенном пионерском лагере. Как-то привыкли мы, чтобы было всё простенько, дёшево, а изящная архитектура и красивая мебель сразу вызывает внутренний протест: «Такое могут позволить только буржуи».

По дороге в парк встретили Таньку (я не пишу уже «Танюшку»), она была со своим пареньком, которого звала Жень-Шень, – неплохой на вид мальчишка.

Пусть будет счастлива она с ним.

Вспомнил слова из романа А. Беляева: «Всё проходит, как сон, Майя».

А «ГОСы» всё ближе и ближе...

20 мая

Позавчера получил права на вождение мотоцикла. Думаю, пригодятся. Надо в течение месяца получить ещё права на машину, пока есть возможность сдавать в группе студентов.

Подготовка к «ГОСам» идёт плохо, осталось десять дней, а мне кажется, что я ничего не знаю.

Недавно была свадьба у Нины Семьюшкиной из нашей группы. Мне понравилось. Гуляли в общезитии, было просто, весело, кричали «горько».

Я наигрался на баяне досыта, как-никак девушка из нашей группы выходила замуж. Надо было стараться.

А моя свадьба, думаю, ещё не скоро. И хотелось бы её провести очень красиво и роскошно, хотя для этого надо не в деревню ехать учителем, а на золотые прииски, или хотя бы рыбаком на Дальний Восток.

Надя записала мне на плёнку любимые мелодии танго. Приятно слушать, но сердечко щемит, как под эти мелодии мы целовались.

Прочитал книгу Константина Кудиевского «Песня синих морей». Много совпадает с моими мыслями, и героиня старше любимого на целых семь лет. Конец печальный.

1 июня. 9 часов. 20 минут

Иду на экзамен, точнее основной госэкзамен по математике.

19 часов. 30 минут

Всё. Сдал. Оценка «хорошо», и им хорошо, и мне хорошо. Состояние выжатого лимона. Забыл написать, что уже неделю живу в доме отдыха «Ботаника». Режим, питание, чудесная природа.

На противоположном берегу наша дача. В десяти минутах ходьбы – квартира. Что ещё надо для выпускника, сдающего госэкзамены?

В этот раз я поселился в мансарде дома, бывшего когда-то дачей первого секретаря обкома партии. В нашем отсеке, окна которого выходят на макушку красивой груши, всего две кровати.

Сосед мой, Игорь Гарцман – студент-заочник энергетического техникума. С ним-то и произошло мое приключение.

Пару дней мы с ним загорали, катались на лодке, и он признался, что испытывает огромный страх перед экзаменом по высшей математике. Зимой ему влепили двойку. Что делать?

Я машинально выпалил: «Поехали в твой техникум, я сдам за тебя экзамен!». Внутри аж защекотало от ожидания приключения.

Сдать высшую математику за курс энергетического техникума выпускнику физмата, я думаю, всё равно, что чемпиону мира по шахматам сыграть с пятиклассником, впервые взявшего в руки шахматные фигуры.

Приехали в здание железнодорожного техникума (где энергетический техникум арендовал помещения для проведения экзаменов студентов-заочников). Меня удивила красота и внушительность этого могучего сооружения. Я вспомнил, как, готовясь в библиотеке Крупской к одной из сессий, заказал для разрядки полистать книги по истории Орла. В этом здании была какая-то духовная семинария, ещё до революции...

Игорь протянул мне свою зачётку, совершенно не веря в благополучный исход нашей авантюры, да и на фотографии мы отличались друг от друга, как огурец от помидора. Я приоткрыл дверь в аудиторию и обомлел...

За преподавательским столом сидел Анатолий Пискус, наш физматовец, на пару лет раньше вышедший из стен родного института, такой же высокий, худой, в огромных очках-окулярах.

Сзади послышалось прерывистое дыхание Игоря, у которого засветилась в глазах надежда, что он с моей помощью проскочит необходимый барьер математики.

Отступать было поздно. Я зачем-то зачесал на прямой прёбор волосы и, зажав зачётку Игоря, смело шагнул

в аудиторию. Пискус сидел с отрешённым видом, очевидно окончательно отупев от тупых заочников, да и что могли усталые рабочие люди показать интересное в своих ответах за скромнейший техникумовский курс высшей математики некогда блестящему физматовцу, победителю многих математических олимпиад.

К моей радости, Анатолий даже не взглянул на меня, небрежно швырнув зачётку на край стола, и показал жестом брать билет.

Я попытался изобразить волнующегося студента-заочника, покружил ладонями над билетами и произнёс с заиканием: «Д-двадцать первый».

Толик выдавил из себя: «Не волнуйтесь, проходите и готовьтесь». Я пошёл садиться за последний стол.

Билет был донельзя простой, пара теорем о производных, парочка интегралов и простейшая задача по аналитической геометрии.

За пять минут, начеркав все ответы, я стал интересоваться, что там у соседей. Те обреченно стали рассказывать о вопросах, которые я тут же разрешал на листочках.

А в это время Анатолий вышел покурить, и аудитория из шести человек взорвалась вопросами: «А как вот здесь?», «А что здесь, вообще, написано?», «Как доказать?».

Я за несколько минут скороговорками попытался отвечать на все вопросы, с удовлетворением заметив, какое уважение вызывает у этих людей знающий человек.

Преподаватель возвратился, и я, уткнувшись в свои записи, пропустил вперед парочку отвечающих. Затем, видя, что никто не рвётся, робко поднял руку к готовности.

Анатолий деловито просмотрел мои записи, ткнул зачем-то в букву «пи» и спросил, что это означает?

Я совсем осмелел и нарочито прошепелявил: «Гли целых, четырнадцать сотых и что-то там ещё».

Пискус удовлетворенно хмыкнул, взял зачётку Игоря, вывел круглыми буквами «удовлетворительно», вернул мне зачётку и произнёс: «До свидания, следующий!».

Я, онемев от возмущения, как он посмел мне закатать «трояк», вовремя сообразил, что надо выметаться. Гордо вышел под восхищённые взгляды оставшихся мучеников науки, в которых читалось одно: бурные продолжительные аплодисменты.

За дверями я попал в объятия Игоря. И стойкий вопрос оставшихся студентов: «А вы нам не поможете?». «Простите, братцы, не могу, дома дитё плачет!».

И мы с Игорем покатали в Ботанику.

Всё это неплохо, но впереди философия.

7 июня

Второго и третьего я пропьянствовал с Колупаевым Михаилом Даниловичем. Да, да, с тем самым доцентом, который меня хвалил за доклад по педагогике.

Вечером, второго он встретил меня возле павильона «Уралочка», любимом заведении мужчин у входа в дом отдыха, когда мы с Игорем возвращались, и сразу спросил: «Деньги есть? Пойдём, выпьем». «Пойдёмте», – сказал я, здорово удивившись, и махнул Игорю рукой, чтобы он возвращался один.

Выпили «перцовки», закусили сыром и маринованными огурцами (это был лучший ассортимент данной забегаловки). Потом он повез меня к женщинам. У меня в голове уже роились картины, чуть ли не по романам Мопассана.

На деле оказалась обыкновенная квартира, в которой истеричная женщина наорала на Михаила Даниловича и выпроводила нас обоих за дверь.

Михаил Данилович бурчал какие-то извинения, и мы незаметно подошли к ресторану «Россия». Я предложил выпить и забыть наш гусарский опыт.

Данилыч уже забыл, что мы пили «перцовку» в Ботанике, и расспрашивал меня, с кем это он мог пить «перцовку»?

В душе я умирал со смеху, мне было в диковинку смотреть на солидного, по моим понятиям, человека в таком непотребном состоянии.

Я посчитал своим долгом проводить его до самой двери квартиры, находящейся на краю города.

На другой день перед обедом, ко мне в комнату заявляется опять Михаил Данилович с бутылкой дешёвой «червивки» и огурцом. Я был удивлён, но понял, что это он делает мне честь, беспокоясь о моём состоянии.

Отец давно воспитал меня на благородных напитках, но тут я предпочёл наблюдать за предложениями доцента.

Опять мы пили в «Уралочке», у меня дома, я наслушался рассказов про космонавтов Терешкову и Быковского, с которыми Колупаев плавал на теплоходе, про то, как он мне поможет в устройстве на работу и многое другое.

Наконец мне надоело пить, и я позволил себе проявить твёрдость – посадил его на трамвай, чтобы он ехал домой.

Постараюсь в дальнейшем избегать таких общений, так как из-за них становится не до госэкзаменов.

Недавно с Игорем и Володей Меньшиковым похулиганили – нарвали огромный букет цветов на дачах, приехали к дому Нади, и Игорь отдал в форточку в двенадцать часов ночи мой букет.

Почему-то мне захотелось это сделать...

Вспомнилось, как я хандрил зимой и как сейчас блаженствую. Загораю, плаваю, катаюсь на лодке.

18 июня

Философия позади! Опять получил «хорошо». Обижаться не на что, если учесть, что готовился опять по «учебнику для кухарок», хотя Толик, Володька и Рика получили «пятерки».

Отметили в ресторане на вокзале, куда Володька пришёл с очередной красивой девушкой Оксаной.

Остался всего лишь один экзамен.

Когда сдавал философию, была такая жара, что я несколько раз обливался водой. Так и пошёл сдавать экзамен в мокрой рубашке.

Вчера в Ботанику заехали прошлогодние друзья – Тамара и Люда. У них очередная летняя сессия.

Жизнь становится интересней!

24 июня

Послезавтра последний экзамен. Остаётся меньше недели до получения диплома.

Мать обещала дать деньги на выпускной, но что-то тянет.

Ещё раз говорю себе – в жизни надо иметь абсолютную финансовую независимость.

Почти неделю мы проводили вечера небольшой, но интересной компанией – Тамара, Люда, Лёша из Подмосковья и Надя из Мценска.

Ходим на танцы, катаемся на лодках, устроили вечер песни с баяном у костра.

Похоже, у Люды с Лёшей – любовь. Причём не просто ради приятного проведения времени, а какая-то глубокая, красивая. Люду просто не узнать – радостная, возвышенная, как будто вся светится изнутри.

К ней приезжал муж из района, но так и не смог её найти ни в институте, ни в Ботанике.

А она, к моему удивлению, сказала, что если бы её муж нашёл их на дальней поляне, где они нежились на солнышке с Лёшей, то она бы даже руки не разомкнула от объятий.

Может, это у неё первая любовь?

Впрочем, мне эти семейные ребусы, видно, разгадывать ещё долго.

Ведь Лёша меня удивил ещё больше.

Как-то, когда мы вдвоем остались в нашей мансарде, он мне с обезоруживающей откровенностью сказал: «Люда – прекрасная и очаровательная женщина, но разве я могу бросить жену и ребенка на произвол судьбы? А как приключение – это интересно».

Я, конечно, только почесал затылок, но не скажу же я этого никому другому, тем более самой Люде или Тамаре, хотя мне казалось, что они созданы друг для друга и ради этой любви надо устранять все преграды и быть вместе до конца жизни.

Никогда не забуду, как они красиво танцевали, особенно современные танцы.

Лёша был похож на всенародно любимого актера Олега Стриженова и, конечно, никто из мужчин не мог составить ему конкуренции. Однако «университеты жизни» так многогранны и бесконечны, что вполне сравнимы с вселенной.

26 июня

Всё! Всё! Всё!

Я закончил институт. Двадцать шестого июня в шестнадцать часов. Теперь я молодой специалист с высшим образованием. Послезавтра получаем дипломы.

Видели даже «корочки» с Толиком.

Показались тонкими, на дипломах у моих родителей, хоть и техникумовских, гораздо толще и солиднее. Всё равно свой диплом дороже! Фиг с ними, с «корочками», какой они толщины.

Вчера получил права на вождение машины, правда, любительские. Сам виноват. Захотел поразить высших начальников ГАИ области.

Когда я зашёл от имени студентов-автолюбителей в кабинет, где сидели два майора, у меня спросили, на чём я умею ездить. «На всём!» – гордо соврал я. А сам успел поехать только на грузовике в колхозе.

«Держи ключи от новой «Волги», – сказал один из майоров, – «и пойдём посмотреть на твоё мастерство».

Новую «Волгу» ГАЗ-24 я видел только издали и на открытках, но, не моргнув глазом, сел за руль. А майор устроился на сиденье справа...

Лихорадочно вспоминал, что нам рассказывал старый дед на зернохранилище, который возил зерно на задрипанном «газике» и имел права 1935 года:

«Сначала открой дверцу, встань на ступеньку и погляди назад, нет ли случайно автомобиля. Потом включай левый поворот и потихоньку трогай...».

Это было неплохо в 1935 году, да и на пустой деревенской дороге. А тут гудящий центр города, одна из центральных улиц.

На счёт: «Дверцу открыть!» я сообразил, что если её открою, то поток машин мне её просто снесёт. И посмотрел в зеркало «заднего вида». Но вот после того, как я тронулся с места, майор через двадцать метров заорал благим матом, чтоб я остановился и вывернул мне руль вправо.

Я остановился, выключил мотор и со словами: «Извините, я волнуюсь», быстренько исчез, вдогонку услышал: «Универсал хренов...» – и так далее, и тому подобное.

Придя в себя, я наткнулся на группу водителей из дальних районов области, сдающих на права, и на благополучно освоенном мной «газике» сдал вождение с их группой. Правда, права дали только любительские, но, учитывая вышеописанную ситуацию, профессиональные мне уже требовать не хотелось.

29 июня

День получения диплома, а тут моросит дождь. Несерьёзно относится погода к нашему торжеству.

Вчера веселились на нашей даче с Людой, Лёшей и Тamarой. У нас по-прежнему, вместо домика стоит каркас старого маленького автобуса, где мы отдыхаем и прячемся от дождя.

Пили вино, читали стихи, много рассказывали интересного, пели песни.

Здорово было наблюдать, как в полной темноте женщины сумели найти лук, редис, огурцы для салата.

Было весело и смешно смотреть как солидные дамы занимаются приготовлением ужина в добротных вечерних нарядах. Потом всё-таки разыскали спички, и дело пошло веселее. Лёша с Людой до утра «осваивали» автобус, а мы

с Тamarой просидели у костра, мечтая и беседуя о вечном и возвышенном.

Вернусь к торжеству. Десять часов утра. Аудитория № 64, где столы крутой воронкой расходятся от кафедры. Весь наш выпускной курс физмата в парадных одеяниях. Девчонки из четвёртой группы обернулись ко мне и, смеясь, сказали: «Ну, вот, Шевченко, пришёл тот час, когда нам дипломы дают!». Входит декан с группой преподавателей. В руках у него стопка дипломов, а у зама – куча заветных коробочек, в которых ромбики, или «поплавки». В общем, долгожданные знаки отличия от необразованной части народа.

Затем появился проректор по научной работе Гаврилов, следовательно, жать руки и вручать дипломы будет он. Меня осенило: а где же музыка, оркестр?

И как только началось первое вручение, мы с Толиком бросились к стоящему у окна фортепиано и в четыре руки заиграли туш. Аудитория одобрительно загудела и захлопала.

И так мы работали тапёрами, пока все сто пятьдесят дипломов не вручили.

Пьяная от радости, наша четвёрка пошла по городу.

Значки и дипломы жгли карман.

Душа просила: «Займи, но выпей». По дороге в парк и ресторан «Волна» мы останавливались у памятников и красивых зданий, принимали сногшибательные позы и фотографировались, особенно нам понравилось копировать гипсовую статую строителей коммунизма в скверике за торговыми рядами.

Володька радостно держал Толика на плече, Рика обнимал Володьку, и все трое тянули руки в большое светлое будущее.

В «Волне» трёхлитровую банку пива официантка устала наполнять.

Когда Рика стал предлагать купить наши свежеполученные знаки о высшем образовании – ромбики, мы поняли, что пора остановиться.

И разошлись по домам.

Дома отец и мать не могли насмотреться на атрибуты советского учителя, ибо, как оказалось, я первый из нашей родни получил высшее образование. Выпив по бокалу шампанского с родителями, я прикрутил на лацкан пиджака ромбик и, несмотря на жаркий летний вечер, пошёл поражать вечерний Орёл своей образованной внешностью.

Окружающий народ оказался скучным и неинтересным. Все плелись с сумками и сетками. Ловили по сторонам ворон, ковыряли в носу, но только не глядели на мой ромбик. В душе росло и множилось глубокое возмущение серостью масс.

Я сорвал пиджак со взмокшего тела, нацепил вешалку на палец и закинул его за спину.

Открылась ещё одна истина в жизни – «не высовывайся!».

30 июня

Сегодня идём на выпускной в «Шипку». Как-никак, серьёзные люди с высшим образованием должны напиться и поплясать напоследок всем курсом с любимыми педагогами, чей светлый образ будем носить в душе всю оставшуюся жизнь. После завтрака в доме отдыха, я собрал всю нашу «могучую кучку из Ботаники» и договорились, что встретимся завтра вечером и пойдём на берег карьера отметить мой диплом, а сам пошёл домой готовить парадную одежду. Интересно, как готовятся Толик, Рика, и Володя?

1 июля

Выпускной позади. Ресторан в «Шипке» понравился, современный, огромный, недаром о нём давно слышал, но не мог выбраться.

Масштабно смотрится веселье, когда гуляют двести празднично одетых людей.

Преподаватели сегодня были раскованы и приветливы. И нам, впервые севшими с ними за один праздничный стол, было особенно приятно ощутить не напрасные тяготы четырёхлетней учёбы.

К полуночи все так здорово распелись и растанцевались, что я впервые почувствовал, что жизнь качественно меняется в лучшую сторону.

Преподаватели-мужчины в основном были все фронтовики. Нашего декана, с которым мы начинали нашу учёбу, Корбана Дмитрия Григорьевича, сменил тоже весьма неплохой математик Вениамин Константинович Збарский, о котором ходили слухи, как о трезвеннике, но в некоторых случаях он напивался в лёжку, что и подтвердилось на выпускном.

После полуночи он аккуратно «отключился», и студенты бережно транспортировали декана физмата на такси домой.

Весь вечер танцевал с Зёминой Зиной. Очень уж эффектно она выглядела.

Кто-то позаботился о баяне, и я много играл, как на вечере, так и у обелиска «400-летия Орла», куда мы пришли встречать рассвет.

Под конец я проводил Зину до дома и, радостно усталый, пошёл отсыпаться.

На эре студенчества поставлена точка.

2 июля

Встал поздно, но зато выспался, и голова свежая. Вчера вечером мы собрались на берегу карьера и устроили роскошный пикник с Тamarой, Людой, Лёшей и Надей из Мценска. Ребята отнеслись ко мне очень душевно и щедро.

Все пришли в парадной одежде и с полными сумками яств, что позволило нам устроить целый пир.

Ночь была тёплая, лунная. Мы так веселились, пели и танцевали, что иногда замечали неподалеку группы людей, которые стояли и любовались нашим весельем.

Одним из эпизодов нашей программы был заплыв на маленький песочный островок, который находился в полсотни метров от берега и выглядел огромной лепешкой из песка диаметром не более пяти метров.

И наша компания, взяв в руки и зубы всё, что можно взять при заплыве, устремилась вплавь к островку.

И вот при сияющей луне и серебристой картине ночной Ботаники мы распили шампанское за моё прекрасное будущее.

Когда все уплыли на берег, я некоторое время ещё сидел на песке, скрестив ноги по-турецки, и наслаждался всей этой лунной картиной, твёрдо веря, что удача не оставит меня в стороне, и когда-нибудь я приплыву на этот островок с любимой девушкой, где вот также при луне сделаю ей предложение.

А гирлянды звёзд будут нам одобрительно мерцать...

ПУЛЬС ЮНОСТИ НЕ ПОДВОДИТ

Повесть

КРАЙ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ОКА

Электричка набирала скорость намного быстрее пассажирского поезда. Александр Иванович Шевченко радовался тёплому, солнечному утру, ведь это было утро его первого рабочего дня. Он ехал по распределению Орловского государственного педагогического института в один из районных центров родной Орловской области прямо в РОНО – районный отдел народного образования. В голове крутилась какая-то песня со словами «В край, где ни разу я не был...». За окном проплывали небольшие станции с названиями Становой колодезь, Еропкино, Змиёвка, Куракино и, наконец, Глазуновка. «И всего-то сорок пять минут! От завода «Химмаш» до сталепрокатного в Орле добираться дольше. Неужели прошли студенческие годы? Так быстро и так прекрасно! Не верится, что еду не куда-нибудь, а на работу. И это первая, настоящая работа в жизни!» – крутилось в голове у новоиспечённого учителя математики.

Через полсотни метров от вокзала простиралась широкая улица с десятком двухэтажных зданий. Остальные дома были одноэтажными и утопали среди яблонь и груш, которые были увешаны поспевающими плодами как новогодние ёлки игрушками. На одном строении Александр увидел табличку «улица Ленина». «Значит я в центре посёлка» – подумал он и направился к ближайшему двухэтажному зданию. «Глазуновский райком КПСС» гласила надпись.

«Здравствуйте! Не скажете, как пройти в РОНО?» – обратился Александр к вышедшему из здания мужчине. «День добрый! Направо и через один дом. Это райисполком, там найдёте» – приветливо ответил мужчина и направился к ожидавшему его автомобилю.

«Заходите, заходите!» – раздалось за дверью с табличкой «Заведующий РОНО Столяров Н. М.», куда постучал Александр Иванович. За большим столом, нагруженным различными бумагами и папками сидел мужчина средних лет в тёмно-сером костюме с синим галстуком, в очках, с седоющей шевелюрой и добрым взглядом карих глаз. После представления молодого специалиста, заведующий РОНО сказал, что он оставляет Александра Ивановича, подчеркнув, что впредь в ходу в аппарате РОНО будут только имена и отчества сотрудников. Должность Шевченко будет «запасной учитель РОНО», а функции он будет выполнять как инспектор, хотя при возможном отсутствии преподавателя математики в любой школе района, ему, как запасному учителю, надо будет спасать положение. «Мужчина нам на этой работе пригодится» – весёлым тоном произнёс Николай Максимович, и повёл знакомить юношу в кабинет коллег. Коллег оказалось всего трое: Елизавета Ивановна, лет пятидесяти, историк; Валентина Петровна, лет тридцати пяти, географ и Любовь Матвеевна, ближе к пенсионному возрасту, химик. Александру показали пустующий четвёртый стол, и коллеги стали ждать от него рассказа, кто он такой. Им понравилось, что он назвал себя ноликом и собрался у них всему учиться, хотя слово «инспектор» ему очень понравилось, гораздо весомее чем «запасной учитель». Итак, для всех остальных, кроме сотрудников РОНО он будет Александром Ивановичем Шевченко, инспектором Глазу-

новского РОНО. Совсем неплохо для двадцатилетнего молодого человека с высшим математическим образованием.

В кабине заглянула девушка: «Александр Иванович! Вас приглашает к себе Николай Максимович». Оказалось, что это секретарь РОНО Верочка, которая сидела не перед кабинетом заведующего, а в отдельном смежном кабинете. Александр Иванович уже понял, что РОНО только на днях переехал в новое здание райисполкома, и все стали заново обживаться.

«Пару дней Вам предстоит пожить в интернате, а затем мы подыщем для Вас комнату в доме одного из жителей посёлка, за которую наша организация будет платить, других вариантов пока нет. Так что идите, устраивайтесь, а завтра поедете со мной по району принимать готовность школ к новому учебному году» – пояснил руководитель, провожая молодого специалиста. Двухэтажное здание интерната находилось недалеко от железнодорожного вокзала, директор любезно показал небольшую комнату, где стояла застеленная кровать и столик со стулом. «Приятно чувствовать себя представителем вышестоящей инстанции» – подумал новоиспечённый «инспектор». Поставив небольшой чемодан возле кровати, закрыв комнату вручённым ключом, Александр Иванович решил прогуляться по незнакомому посёлку. На уже известной улице Ленина, где располагались основные административные здания, районный дом культуры, больница, он набрёл на столовую, которая уже готовилась к закрытию, хотя приезжего человека согласились покормить. Узнав, что заведение открывается в восемь утра, Шевченко обрадовался решению проблемы питания, немаловажной в его положении без дома с кухней. Чувство новизны, молодости, чарующей неизвестности за-

хватывали Александра Ивановича. Сколько он проработает и проживет здесь, обзаведётся ли семьёй, своим домом и так далее – вот что было в мыслях выпускника физмата (физико-математического факультета). Прогулка понравилась Шевченко, не Орёл конечно, но и не дальняя деревня, куда тоже распределялись выпускники пединститута.

Утром шеф уже поджидал Александра Ивановича. Сев в старенький «Газ-69», они направились в ближайшую среднюю школу. На встречу вышла компания – директор, завуч и завхоз. Школа блистала свежевыкрашенными полами, партами образца 50-х годов, небольшой спортзал был насыщен спортивными снарядами: шведская стенка, брусья, спортивные козёл, конь и бревно, баскетбольные кольца. Территория вокруг школы выглядела ухоженной – футбольное поле с двумя воротами, волейбольная площадка, а также огороженный школьный сад-огород, на котором краснели помидоры, красовались яблоки, желтели тыквы размером с баскетбольный мяч. В общем, школа подготовилась к новому учебному году. «А теперь попрошу всех в столовую!» – объявил директор школы, и, действительно, подошло обеденное время. Вкусные ароматы блюд салютом будили аппетит проверяющих. На столе был парад самой вкусной и здоровой деревенской еды: салатки из свежей капусты; селёdochка с луком; малосольные помидоры и огурцы; дымящаяся картошка, посыпанная жареным луком; тонко нарезанные ломтики сала с розовыми прожилками; тарелочки с нарезанным зелёным луком и укропом; аппетитные горки шашлыка; розетки с хреном и горчицей и, конечно, же, тарелки с горячим борщом. Среди кувшинчиков с напитками, виднелась пара бутылок водки и шампанское. «Даа! Я готов принимать школы с утра до вечера!» – подумал Александр Иванович.

Оказалось первой приняли самую лучшую и самую наполняемую школу, далее шли школы поменьше – восьмилетки, начальные, наконец, малокомплектные. В одних находили недостатки, в других шеф отказывался от угощений, недовольный качеством подготовки к новому учебному году. Последняя проверяемая малокомплектная школа состояла из трёх учеников. Маленькое здание с одним классом. Встречающий их мужчина среднего возраста – директор, завуч, учитель, завхоз, дворник и сторож – всё в одном лице, представился. Он показал небогатый арсенал своего хозяйства, находящийся в чистом состоянии. Запомнился класс, где было всего три парты. Просто в деревне почти не осталось жителей. Во дворе школы стоял небольшой столик с двумя скамеечками, куда хозяин школы пригласил гостей. Он поставил три стакана, сорвал над головой с яблони три яблочка и достал бутылку яблочного вина. «Я бы закрыл в этом году школу. Во втором и в третьем классе неплохие ученики, а в первый никого нет. Однако второй первоклассник так плохо учился, что я оставил его на второй год» – объяснил директор. Заведующий РОНО расхохотался от оригинальности ситуации, но пообещал на следующий учебный год закрыть школу в случае нехватки учеников. Во время всей поездки, Николай Максимович рассказывал молодому человеку об истории Глазуновского района. Известная в России река Ока берёт своё начало именно в Глазуновском районе, в деревне Александровке. Недалеко от села Тагино обнаружены следы стоянки первобытного человека эпохи неолита. Во времена Ивана Грозного Тагино владели далёкие предки великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. История декабристов тесно связана с землями района и, в первую очередь, здесь жил граф Григорий Ива-

нович Чернышёв, с ним породнился декабрист Никита Михайлович Муравьёв, женившись на его дочери Александре Григорьевне. Своими рассказами, заведующий РОНО будил в молодом инспекторе интерес к краеведению.

Так прошли несколько дней. Подошло 1-е сентября. Всех четверых инспекторов послали в ближайшую от Глазуновки восьмилетку. Транспорта им не дали, и группа прошагала 10 километров пешком вдоль железной дороги по тропинке, интересно беседуя и любуясь осенними деревьями, начинающими окрашиваться в жёлто-багровые цвета. Хорошо, что встали ни свет, ни заря, зато успели к первому уроку. Директор распределила всех по классам, и Шевченко попал в восьмой класс. Всего классов было восемь. Ощущалось, что восьмиклассники чувствовали себя более взрослыми и хозяевами школы, когда нет девятых и десятых классов. Первый раз Александру Ивановичу предстояло быть в роли проверяющего.

Тридцать учеников приветствовали вставанием учительницу и инспектора. Женская половина класса норовила тихо шептаться и оглядываться на незнакомца. Видно слишком молодым был проверяющий, одетый в приличный костюм с ярким галстуком. Учитель объясняла какой-то новый материал, а Шевченко всё старался не обращать внимания на любопытные взгляды. Наконец, он услышал, как учитель диктовала: «Запишите над чертой икс в квадрате минус шесть, а под чертой икс и ...». После урока Александр Иванович вежливо признался, что у него нет большого опыта работы в школе, но математический язык должен соблюдаться: «Какие «над чертой» и «под чертой»? Есть строго дробь: числитель такой-то, знаменатель такой-то». Учитель засмушалась и пообещала соблюдать математическую речь. Стали дожидаться Любовь Матвеевну с послед-

него урока. Есть хотелось невероятно! Шевченко уже понимал, что здесь нет ни кафе, ни ресторанов, столовая только в школе и голодными директор школы их так не отпустит. Коротко все инспектора поделились своими впечатлениями о посещаемых классах и школы в целом. Директор, спокойно относящаяся к проверяющим, понравилась Александру Ивановичу своей серьёзностью. Далее прозвучало приятное предложение отобедать.

Школа работала в одну смену. Остался лишь коллектив учителей, готовый по случаю начала нового учебного года сесть за стол. Валентина Фёдоровна, так звали директора, по-хозяйски всех поздравила и предложила приняться за трапезу. Несмотря на симпатичные бутылочки и аппетитный стол, четвёрка инспекторов немного смущала коллектив учителей, и мало кто стремился выступить с тостом. Шевченко наклонился к уху директора и шёпотом спросил: «А у вас в школе есть баян?». «Конечно!» – отреагировала Валентина Фёдоровна. «Сейчас принесут!» – добавила она. Баян оказался почти новый, марки «Тульский». Пробежав пальцами по клавишам, Александр Иванович заиграл «Катюшу». Лёгкая, весёлая мелодия не оставила никого равнодушным. «Последняя электричка», «Лада», «Уральская рябинушка», «Голубые города» и другие любимые песни растопили последний холодок в уже дружном коллективе, постепенно все стали танцевать. На «Подмосковных вечерах» Валентина Фёдоровна пожелала закончить застолье и, положив руку на плечо баяниста, сказала: «Теперь Вы наш друг, Александр Иванович! Мы Вас всегда ждём и не боимся никаких проверок!».

Шевченко было неловко, что он так выделился, но по реакции коллег, понял, что все восприняли это нормально. Когда стали делиться впечатлениями, он посетовал, что в вось-

мом классе, довольно взрослые девчонки сильно вертелись и не давали вести урок. Любовь Матвеевна удивилась: «Я тоже была в этом классе на химии, но на меня никто не оборачивался, сидели тихо». «Ну, ты даёшь!» – рассмеялась Елизавета Ивановна: «Чего им на тебя оборачиваться? Александр Иванович – молодой красавец, а ты старая вешалка!».

По пятницам Шевченко уезжал в Орёл вечерней электричкой и проводил выходные дома. Читал любимую фантастику, исторические романы, смотрел свежие фильмы, встречался с Толиком Коняевым, Рикой Чхеидзе. У Володьки Беккера, скорее всего, появилась девушка, и он не попадал на встречи. Толик, Анатолий Владимирович, остался на кафедре математического анализа ассистентом и готовился в аспирантуру. Рика, Ираклий Петрович тоже приезжал на выходные из сельской школы. Владимир Яковлевич Беккер устроился программистом в Орловское областное управление статистики. Девушек у троих из дружной четвёрки пока не было видно. Для Александра Ивановича это было непривычно, вспоминая студенческие годы, но в новой обстановке всё казалось по-другому и ответственнее, да, и, на горизонте не было захватывающего объекта, от которого бы «сердце как птичка запрыгало», как писал Михаил Юрьевич Лермонтов. С одноклассниками по школе практически не виделись, большинство осваивали пятый курс своих институтов, тогда как четыре друга закончили физмат за четыре положенных года.

В кабинете инспекторы почти не сидели, всех Николай Максимович распределял по школам, чаще всего полноценной командой. Шевченко любил и дальние одиночные походы по району: «Идёшь себе по лесам, яблоневым садам натуральными уютными тропинками – красота! Птички

поют, листья летают кругами, облака улыбаются на солнце. Правда, в дождливые дни находятся участки, где, кроме как в резиновых сапогах, не пройти». В двух школах оказались девушки из третьей группы физмата – Нелька Перова и Наташка Завидова, было очень приятно повидаться с ними, посидеть у них на уроках. Когда приходилось пешком посещать школы, расположенные за 10–15 километров от Глазуновки, совсем по-другому ощущались масштабы района, чем в поездках на машине. Однако, всё это при благоприятной погоде, а в ненастья, да ещё в морозы, необходим был транспорт.

Сентябрь 1972 года в СССР был особенным. После оглушительных побед советского хоккея в мире на протяжении многих лет, встал вопрос, так ли сильны наши хоккеисты, если они ни разу не играли с канадскими профессионалами? Кто видел, тот не забудет никогда вечер 3 сентября 1972 года. Вся страна прилипла к экранам телевизоров, и вот на первых минутах в ворота Владислава Третьяка влетают две шайбы. Немая сцена, вот это профессиональный хоккей! Что тут делать любителю?! Однако, вскоре советские шайбы полетели в ворота канадцев одна за другой под дикий ужас, крики, слёзы заокеанских болельщиков. И, когда закончился первый матч с потрясающей победой хоккеистов СССР, всё встало на свои места, советские «любители» ни в чём не уступают профессионалам. Так что, сентябрь пролетел быстро, а в октябре инспекторы проверяли школу за школой.

Подошло первое воскресенье октября, традиционный День учителя. Александра Ивановича распределили в главную среднюю школу в Глазуновке. Концерт силами учеников и учителей, поздравления и награждения грамотами лучших педагогов, вечер отдыха с играми и танцами и без застолий. Сказалась близость районной власти и соблюде-

ние «облико морале», как говорил герой Андрея Миронова в фильме «Бриллиантовая рука». Инспектор не рвался ни выступать, ни играть на баяне, просто был представителем РОНО и от имени отдела вручил несколько грамот. Во время танцев он познакомился с девушкой, учителем истории, также приехавшей работать с 15 августа после окончания института по распределению. «Марина» – отрекомендовалась она. «А отчество?» – спросил с улыбкой Александр Иванович. «Приду к Вам в школу и буду спрашивать Марину?» – добавил он. «Сергеевна» – скромно ответила девушка. В конце вечера она обратилась к Шевченко: «Я живу на квартире, далеко отсюда, улица вечером не освещается, не могли бы Вы проводить меня?». Оказалось, действительно, на её улице была темнотища «хоть глаз выколи!». «Вам надо успевать засветло попадать домой!» – проговорил Шевченко. И тут какое-то существо проскользнуло между собеседниками и устроилось на плече Марины Сергеевны. «Пушок! Брысь!» – возмутилась учительница. «С первого дня как поселилась, этот котёнок от меня не отходит», – пожаловалась она спутнику. Теперь вечерами ему приходилось брать фонарик.

С трудом отыскал дорогу Александр Иванович к дому, где РОНО снимало для него комнату у пожилой пары. Хозяин дома когда-то работал конюхом в райкоме партии и возил первого секретаря. Иногда инспектора приглашали на ужин, где на столе стояла горячая картошка, хлеб и такие вкусные солёные помидоры, каких он, кажется, никогда не едал.

На следующий день, в конце рабочего дня, выходя из райисполкома, Шевченко столкнулся с Мариной Сергеевной и пригласил её в столовую поужинать. Та согласилась, и они общались до первой звезды. У обоих оказалось

столько общего: любимые книги, фильмы и даже картины. «Исторический факультет неплохо развивает!» – подумал Александр. И вдруг вспыхнула мысль: «Неужели Марина стала ему нравиться?». Он так хотел избежать каких-либо отношений с девушками, отдохнуть от всех. «Придет, не придёт; танцевать, не танцевать, модно одет, не модно одет? Почему долго разговаривал с незнакомкой? Почему вчера не пришёл? (телефоны были далеко не у всех). Всё это было. Но где та самая, когда будешь счастливо летать в облаках и радоваться любимым её вопросам и предложениям?» – крутилось в голове у молодого инспектора.

Дни шли, выходило, что иногда вечерами гулять с Мариной было интереснее, чем прогуливаться одному или сидеть в своей комнате (кстати, без двери, как это было принято во многих сельских домах), читать книги. Однажды они ушли за пределы посёлка метров на пятьсот по дороге на Змиёвку, чуть отошли в сторону, остановились. И тут какое-то шестое чувство заставило Александра достать фонарик. В тридцати сантиметрах, где они стояли, зиял огромный, глубокий котлован, диаметром метров двадцать. Страшно было представить, чем могло бы всё закончиться. И никакого знака или метки вокруг не было.

Прогулок могло быть больше, но в последнее воскресенье октября, по приезду в Орёл, Александра Ивановича застала повестка в военкомат. Сняться с учёта и встать на учёт в Глазуновке, ему даже в голову не пришло, да и жилья своего не было. Повестка гласила: «1-го ноября прибыть в военкомат для прохождения срочной службы». Как ни странно, новость Александру настроение не испортила, а только приподняла. Новая неизвестная жизнь, новые впечатления, новые перспективы. В Глазуновке всё более-менее прогно-

зируемо, могут послать в любую школу, где надо будет постараться дорасти до директора. Могут взять чиновником районного масштаба, уже предлагали, что изберут вторым секретарём райкома комсомола. Кстати, Шевченко по незнанию думал, что его должность выше и солиднее. Далее сельский дом, жена (ему хотелось бы по любви) и дети. А тут манящая неизвестность, за плечами высшее образование, специальность и всего двадцать один год!

«Решено!» – подумал Александр и направился с повесткой к заведующему РОНО. Тот не обрадовался, а схватил телефон, чтобы связаться с районным военкомом, ОБЛОНО (областной отдел народного образования), местным начальством и оставить инспектора в районе. Будущему новобранцу что-то расхотелось оставаться, и он с нетерпением ждал разрешения вопроса. Наконец расстроенный Николай Максимович сообщил, что всё решила городская прописка. Будь прописка в Глазуновке, по льготе сельским учителям, Шевченко мог в армию вообще не попасть. А так, приходится прощаться с молодым, перспективным специалистом, которого после службы вряд ли заманит Глазуновка. Прощание было не долгим, все понимали неизбежность ухода Александра Ивановича. Марина Сергеевна очень расстроилась, сунула в руки приятеля бумажку с её адресом в Глазуновке и Орле, чмокнула в щёку и убежала. «Хорошо, что мы с ней не дошли до близких отношений, было бы очень неудобно давать обещания, что буду каждый день писать, мечтать о встрече после службы и так далее» – промелькнула честная, не совсем приятная мысль у Шевченко. Ему нравилось общение с Мариной, но не до увлечения девушкой.

Электричка, весело постукивая колёсами, уносила его дальше и дальше от Глазуновки, и неизвестно, удастся ли

ещё увидеть эти края. Соседка по вагону оказалась симпатичной девушкой, студенткой второго курса любимого физмата, и сорок пять минут пролетели незаметно. Правда Вера, так звали попутчицу, оставила свой адрес и попросила написать ей из армии.

Такие же повестки получили Толик и Володя. Рика, который, очевидно, выписался из институтского общежития и прописался в деревне, куда его распределили, повестки не получил. Володя успел жениться, пока Александр с Рикой трудились на селе, так что последние несколько дней были проведены в основном с Толиком. Бродили по городу, обедали в ресторанах. Любили ходить, в основном, в ресторан «Орёл», где готовил солянку повар, которого сватали в Париж французы, строящие сахарный завод в Орловской области. Примечательно, когда гардеробщик подавал пальто одному из друзей (гардеробщики любили одевать солидных посетителей лично, получая традиционные 15–20 копеек), то другой выхватывал это пальто, одевал друга, который «щедро» доставал рубль или трёшку и барски протягивал одевающему. Находившиеся рядом посетители ресторана изумлённо наблюдали за этой сценой. Настроение было оптимистичным, страна ни с кем не воевала, авторитет Советской армии был на высоте во всём мире, и каждый юноша считал своим долгом отслужить. А нашим героям служить предстояло всего один год, ввиду законченного высшего образования и отсутствия военной кафедры в институте, а с военной кафедрой уходили на срочную службу сразу лейтенантами.

Пункт сбора новобранцев находился рядом с железнодорожным вокзалом и гудел от двухсот будущих солдат и сотен провожающих их родственников и друзей. Куда едет эта большая команда никто не говорил. Сопровожда-

ющие офицеры только в поезде сообщили, что все двести ребят едут до Москвы, а там, на самолёт и до Сахалина! Вот это сюрприз! Никому бы и в голову не пришло попасть на службу в такое романтическое место, которое знали только по песне «Ну, что тебе сказать про Сахалин?». Правильно, что не сказали до отправки, а то эмоций было бы у провожающих через край. В аэропорту «Домодедово» дожидаясь своего рейса, новобранцам пришлось поваляться, кто, на чём устроился, благо одежда у всех была не парадная. Наконец объявили посадку, и будущие воины заполнили весь самолёт. Для многих это был первый полёт на самолёте, а такой дальности впервые у всех. «Ил-18» летел до Южно-Сахалинска восемнадцать часов, сделал две посадки – в Красноярске и Чите; питались ребята отлично, как обычные пассажиры.

НА ОСТРОВЕ НОРМАЛЬНАЯ ПОГОДА

Сахалин встретил снежной погодой. Было немного холоднее, чем в Орле. Автобусы привезли будущих солдат в воинскую часть и высадили возле здания клуба. Где их ждал спортзал с двухъярусными солдатскими кроватями на двести человек. Как потом выяснилось, это оказался мотострелковый полк, который размещался в черте города Анивы. Всех ждали двухмесячные курсы подготовки к службе или как этот этап называли «карантин». Дали команду надеть обмундирование и сдать на склад гражданскую одежду и вещи. Шевченко оставил себе только шарфик на всякий случай, обмотал через плечо как орденскую ленту. Как оказалось, гимнастерка мало грела, и с непривычки было очень холодно в спортзале, а шинелью укрыться никто не давал. На обед всех построили на улице в одних гимнастёрках, грели только зимние солдатские шапки, хорошо, что не пилотки! Так, строем, две роты пошагали в столовую, оказалось, что это повседневная норма прибытия в столовую зимой. Закаляйтесь ребята! Всё было необычно: кирзовые сапоги, портянки, солдатское бельё, гимнастёрка, штаны, солдатский ремень, шинель, шапка, солдатские рукавицы. Важно было научиться наматывать портянки, иначе ты – неходячий солдат. Рассказали о категориях солдат по времени несения службы. До полугода службы – «молодой», до года – «салага», после года – «фазан», после полугода

лет – «старик». Все подчинялись «старикам». Им – всё в первую очередь, вплоть до первой тарелки супа и куска мяса. «Раз прибывшие призваны служить один год, то «стариками» уже не стать? Не светлая перспектива!» – подумал Шевченко.

Дни заполнились занятиями, строевой подготовкой, тренировкой сборки автомата Калашникова, марш-бросками, уроками военного искусства. Как-то Коля Лучинец – новобранец из Орла, окончивший машиностроительный институт и работавший до призыва в армию архитектором – спросил Александра (имена и фамилии остались у новоиспечённых солдат, отчества, как правило, не использовались): «Саш, ты умеешь красиво писать? Ну, чтобы почерк был ровный, солидный? Тут познакомился с одним офицером, он хочет улучшить оформление Ленинской комнаты». Получив утвердительный ответ, они направились в двухэтажное здание, по разрешению командира взвода. Ленинская комната оказалась главным залом или кабинетом в помещении, точнее в казарме, где располагалось воинское подразделение численностью с роту. Она сверкала чистотой, картинами, плакатами, призывами, таблицами, исписанными плакатным пером, в общем, создавала серьёзный патриотический настрой. Шевченко подумал, что, всё-таки, главным залом является спальный зал, где отдыхают и живут защитники Родины. Лучинец показал планшет (доску, обтянутую бумагой), на котором надо было написать сообщение о состоявшемся пленуме КПСС. И вскоре Александр убедился, что не растерял навыков чистописания. Когда-то в школе он был чемпионом класса в этом виде. На обратном пути ребята осмотрелись. Их воинская часть находилась на берегу реки, на противоположном берегу виднелось несколько крупных деревьев, похожих на картинки из японских альбомов.

А за ними вдали просматривались невысокие горы. Только в Ленинской комнате Шевченко согрелся за эти несколько дней. Значит, в воинской части есть помещения, где тепло. «Курс молодого бойца» подошёл к концу, солдаты приняли присягу на плацу, с развёрнутым полковым знаменем. И, орловцы стали разъезжаться по разным частям Сахалинской области. Трое друзей в последний раз посидели в буфете (расположенном в том же здании, что и спортзал) с банкой сливового компота. Толик и Володя отбывали в танковый полк, а Саша оставался в этой самой части.

Ему досталось служить в восьмой роте. Итак, мотострелковый полк, третий батальон, восьмая рота. Новый коллектив не пугал солдата, который всё детство провёл в пионерских лагерях, спортивных секциях и туристических походах. Однако все бойцы были моложе его, так как были призваны в восемнадцать–девятнадцать лет. Как сложатся отношения со старшим по возрасту «салагой» у «фазанов» и «стариков»? Когда все увидели, что Шевченко не отстаёт от других по службе, дежурит, дневалит, да ещё умеет красиво писать, успокоились. Хотя был случай когда «старик» протянул ему несвежую гимнастёрку со словами, как-бы на ходу: «Постираешь?». «Это в мои обязанности не входит!» – ответил Александр. «Пройдём в умывальник, «салага!» – скомандовал «старик». Прошли, за ними потянулись несколько старослужащих. «Хочешь оскорбить «старика»?» – не унимался «бывалый солдат». Шевченко уже понял, к чему всё клонится и парировал: «Если зачесались кулаки – с честью начнём, если толпой хотите воспитывать, то ответите при любом исходе. Мои десятиклассники, где я был на практике, уже поступают на срочную военную службу, а я буду в память о прекрасных ребятах портки сти-

рать?». «Извини!» – произнёс рядом стоящий бывалый сержант и сунул гимнастёрку в руки «старика».

С первого дня Саша решил вдруг завести блокнот, точнее маленький еженедельник. Открываешь и на развороте вся неделя, места для одного дня мало, зато несколько фраз мельчайшим почерком можно уместить. Удобно, что весь год службы будет отражён в карманном блокноте, а в годовом календарике можно будет зачёркивать прожитый день. Два месяца «карантина» уже исписаны, и шестая часть календаря заполнена. Стали приходиться письма. От родителей, в основном, почерком отца. От знакомых девушек, с которыми два года подряд в июне готовились к сессиям в доме отдыха «Ботаника». От Татьяны Маркисовой; от тётки из Сибири, которая была на два года моложе Александра. И, как ни странно, от Веры-попутчицы в электричке перед армией. Вера писала так красиво, будто оба были на пороге влюблённости. Вспоминались строчки из песни «Как тебе служится, с кем тебе дружится, мой молчаливый солдат?». Однако, любимой девушки, да ещё с голосом певицы Ирины Бржевской, увы, пока не существовало.

Каждый день был полон какими-либо впечатлениями. С автоматом Калашникова прошли немало километров, совершенствуясь в стрельбе и разборке, вплоть до «с закрытыми глазами», настал черёд гранатомёта. Тут Шевченко внезапно вызвали в штаб. Щёлкнув каблуками, отдав честь, он доложил, что прибыл. «Расслабься солдат!» – по-отечески спокойно промолвил майор и добавил: «Садись!». Дверь открылась, и появился ещё один майор. Через мгновение, Александр узнал, что перед ним заместитель начальника штаба полка майор Блинов и начальник службы артвооружения майор Чернов. Оказывается, они изучили его документы,

и предложили перейти на службу в штаб – в службу артвооружения писарем. Честно говоря, слово «писарь», кроме смеха и юмора, у Шевченко ничего не вызывало. Уже собравшись благородно откланяться, он услышал как из-за неумелого писаря, пострадала целая служба и репутация части. Особенно поразило его известие, как в журналах учёта гаубицы путали с пулемётами, снаряды с патронами, пистолеты с автоматами. Очевидно, майоры рассчитывали на его математические способности, и хотели навести порядок в документации. Майор Чернов только что занял свою должность, а его предшественник был понижен в звании до капитана. Вольнонаёмную девушку-писаря уволили по статье. Пообещав дать ответ завтра, Шевченко пошёл «чифанить» – так называли на Сахалине военные приём пищи. За столом на десять солдат, «молодой» схватил первый кусок и получил по лбу «разводягой» – так называли половник. Александр улыбнулся и подумал: «В армии надо держать ухо остро!».

После собственных размышлений и совета от Коли Лучинца, сказавшего, что хуже не будет в оставшиеся девять месяцев, Саша дал согласие перейти в штаб. В кабинете службы артвооружения размещались рабочие столы офицеров: стол начальника службы; столы двух его заместителей – старших лейтенантов; стол начальника химслужбы полка, тоже майора; стол подполковника – начальника инженерно-сапёрной службы и небольшой столик в углу, недалеко от окна – писаря артвооружения. Дым стоял коромыслом, или «хоть топор вешай!». У Шевченко непроизвольно вырвалось: «Здравствуйте, товарищи офицеры! Нижайшая просьба больше не курить в кабинете! Мне здесь работать целый день, и я, как некурящий, долго не протяну, но, если буду чем полезен – пожалуйста, обращайтесь!». Майор Чернов

поддержал: «Тяжело будет, но найдём где покурить!». Так началась работа в штабе.

Из восьмой роты Александра перевели в зенитную батарею, где кроме службы в штабе, необходимо было нести дежурства, стоять в карауле, что было знакомо по роте. На рабочем месте в глаза сразу бросился большой ряд книг похожих на толстые общие тетради, называли их «амбарными книгами». Это были книги учёта всего вооружения полка. Предстояло найти и исправить все ошибки вольнонаёмной девушки. Шевченко предложил заменить все журналы учёта на новые, чтобы не путаться. Майор Чернов принёс огромную пачку цветных карандашей, как показалось солдату, но это оказались двадцать четыре фломастера, которые майор привёз из Египта, где проходил службу в ограниченном контингенте советских войск. «Теперь можно будет красиво оформить обложки, заголовки, разделы» – подумал Александр.

И кропотливая работа началась. Все журналы должны были иметь сведения в точном соответствии с вооружением на складах и в подразделениях. Складами командовал прапорщик Денисов, симпатичный мужчина в летах, но подтянутый и стройный. Один из складов находился за основной территорией полка. В обязанности писаря также входило быть посыльным за майором Черновым в случае необходимости или тревоги. Поэтому Шевченко дали бесценный для солдата документ – постоянный пропуск для выхода за территорию части. Четыре арифметических действия сильно не затрудняли бывшего физматовца, и дело шло на поправку. Журналы приобретали образцовый вид. На стенде, заказанном Александром, появились красивые образцы заявлений, накладных, заказов и актов. Завязались контакты со службами артвооружения других частей, дивизий, кор-

пуса. Причём, когда требовались строгие цифры, вышестоящие абоненты просили к телефону писаря, даже часто называли его по имени. Каждый назначенный в часть офицер или прапорщик выписывал пистолет, бинокль, офицерскую линейку, компас и т. д.

Однажды зенитная батарея была в карауле, и писарь попал на пост ГСМ (склад горюче-смазочных материалов), находящийся на окраине города. Получив автомат, штык-нож, овчинный полушубок, валенки, Александр с конвоем пришёл на пост. Он почувствовал, что очень морозный был вечер, так что не постоишь, не посидишь, хотя сидеть на посту не полагалось. Конвой ушёл, а он стал представлять, как защищает склад от японского десанта, а позади спящий город. Однако мороз крепчал, он машинально стал читать надписи на воротах склада: Чита, Самарканд, Свердловск, Фрунзе, Москва, Таллин, ... И вдруг огромными буквами бросилась в глаза надпись «ОРЁЛ». И так тепло стало на душе! Вспомнились красивые места города, стрелка, горсад с танцплощадкой, дом отдыха «Ботаника», друзья, девчонки. Надо, же! Какой-то земляк здесь стоял на посту и с любовью вырезал дорожную надпись. «Орёл» согрел постового и в следующую смену. Шевченко скорее поспешил погладить надпись.

Как-то получив денежное довольствие в размере трёх рублей восьмидесяти копеек, традиционно, в воскресенье Александр пошёл в чайную в здании клуба части, взял венгерский салат из овощей за 85 копеек, болгарскую банку компота из слив за 72 копейки, и направился в свой кабинет побаловаться едой. Вспомнилось как в средних классах за неделю без троек, отец выдавал рубль, и он на 90 копеек покупал любимые конфеты «Мишка на Севере», а 10 копеек оставлял на кино. После обеда, предупредив майора, Шев-

ченко направился в районную библиотеку. Вот где царство духа! Сколько интересных книг, журналов, газет, не перечитать! Взял книгу о Леонардо да Винчи и чуть не опоздал на ужин. Врезалась в память фраза «И ни одно из его дел не осталось законченным...» – так много он творил!

После воскресенья начались учения: автомат на плече, под шинелью телогрейка, езда на бронетранспортёрах, ночёвка в окопе, куда-то бежать, снова окопы. Спасал ужин с холодной тушёнкой и горячим чаем. Нет, не зря Советская Армия самая сильная в мире и вот уже 28 лет не даёт «рыпнуться» ни одному врагу! На третий день учений, бронетранспортёр со снарядами, в котором находился Александр, преодолевал перевал глубокой ночью. Двое суток без сна давали о себе знать, и незаметно они с водителем задремали. Когда очнулись, то застали себя в крутящемся на одном месте броневике. С ужасом осознав, что они ещё живы, остановили двигатель и вышли посмотреть на чудо спасения. Оказывается, их спасло то, что оборвалась правая гусеница, и бронетранспортёр стал крутиться на одном месте. Иначе все загремели бы в пропасть, вместе со снарядами, фейерверк был бы виден на десятки километров.

После учений, в воскресенье, Шевченко послали за майором Черновым, которого дома не оказалось. Знакомый офицер подсказал, что майор в «шалмане» – так называли военные небольшой буфет, недалеко от части, где продавали разливное пиво. Действительно, толпа военных и гражданских наслаждалась пивком. В дыму «плавала» тусклая лампа, вспомнился фильм «Лимонадный Джо» про ковбоев, но обстановка добрая, солдатам тут делать нечего. Майор Чернов сразу пошёл с Александром в штаб, а писаря ждало очередное письмо от Веры, очень приветливое и тёплое. День был снежный,

мела метель, в письме было стихотворение Эдуарда Асадова «Зимняя сказка» со словами «Метелица как медведица, весь вечер буйнит зло...», после прочтения которого, вспомнились зимние тропинки юности. «Странная девушка» – подумал Шевченко, слабо вспоминая приятную попутчицу.

«Слушай, солдат!» – остановил Александра командир части полковник Авдеев, когда писарь проходил мимо него, отдавая честь. «У заместителя начальника штаба полка, майора Блинова сын готовится поступать, можешь посмотреть, что у него с математикой? Разрешаю сходить к нему домой». «Все всё обо мне знают! Как под микроскопом!» – пронеслось в голове писаря. «Могу, товарищ полковник!» – коротко ответил бывший физматовец. Очевидно, такой вопрос мог решить только командир.

Так появилась приятная, дополнительная нагрузка, которую Шевченко компенсировал ещё большим вниманием к основной службе. Сергей, так звали десятиклассника – сына майора Блинова, оказался довольно смышлёным юношей. Просто он запустил немного материал, особенно по геометрии. Потребовалось всего несколько занятий, чтобы привести в порядок знания парня. В квартире заместителя начальника штаба полка была телефонная связь со всеми подразделениями, и писарь всегда был на связи с майором Черновым.

Возле центрального контрольно-пропускного пункта (КПП) находилось небольшое здание музыкального взвода, из которого неслись звуки инструментов, кто-бы, когда не проходил мимо. Как-то Александр разговорился с одним из сидевших на лавочке оркестрантов, который оказался певцом Зауром Тутовым, родом из Кабардино-Балкарии, служившим последние месяцы и мечтающим покорить музыкальный мир страны. Было необыкновенно интересно!

Шевченко не был любителем смотреть телевизор, но чемпионаты по хоккею, фигурному катанию, КВНы, смотрел с девятого класса. На службе пришлось про телевизор забыть. Хорошо, что в их кабинет на три службы приносили несколько газет, да ещё редкие походы в библиотеку пополняли знакомство с новостями. Совершенно случайно, в одном из подразделений он увидел работающий телевизор, в котором шла передача с чемпионата мира по фигурному катанию из Братиславы. И надо же! Начиналось выступление в парном катании известнейшей чемпионки Ирины Родниной с каким-то новым партнёром Александром Зайцевым, когда все знали до него Алексея Уланова. Катание пошло чётко, уверенно, Александр успел подумать, что партнёр-то неплохой. Вдруг оборвалось музыкальное сопровождение, и пара продолжала также чётко и уверенно кататься в полной тишине под громкие аплодисменты зрителей. «И здесь, как всегда СССР впереди!» – он радостно отметил.

Неожиданно позвонил дежурный по части и сообщил, что на КПП Шевченко ждёт один товарищ. «Действительно, товарищ!» – сказал про себя Александр и обнял Володю Беккера, который приехал в командировку в их часть. Друг юности рассказал, что Толик служит в танковой роте, а он попал на оружейный склад заведующим и приехал к прапорщику Денисову что-то обменять. Оказалось, что оба друга – в службе артвооружения. Далее Беккер рассказал, как к нему приезжала жена прямо на Сахалин, прямо в Хомутово, прямо в часть. И наш писарь представил: «Весеннее солнце ласково греет здания, землю, военную технику и асфальт. Все военные заняты повседневной службой, на дорожках и плацу никого. Вдруг из КПП выходит красивая, стройная молодая женщина, да ещё в парадной форме капитана милиции (женщины

в солдатской форме в армии встречаются: штабные работники, телефонистки, машинистки). А тут целый ослепительный капитан в женском облики! Золотистого цвета ремень на тёмно-синем фоне парадного мундира, состоящего из кителя и юбки, белая рубашка с чёрным галстуком-бабочкой. Красиво сидящая пилотка с золотой кокардой, на руках белые перчатки; стройные ноги в колготках цвета загара, красивые чёрные туфельки. Лицо, как с обложки журнала мод и роскошные чёрные волосы с голубоватым оттенком. Огромные чёрные глаза выражали спокойствие и уверенность. Туфельки выглядели почему-то красивее, чем форменные. Каблучки стучали очень отчётливо по дороге в штаб, да так, что на их стук в открытые форточки высунулись несколько офицерских голов и застыли в изумлении». Да, Володя умел выбирать. В общем, целых три дня дали супругам пожить в гостинице Южно-Сахалинска и красавица-милиционер отбыла в Орёл. Друзья ещё немного пообщались, Беккер отметил, что Саня сильно посерьёзnel, стал философствовать, но под конец они повеселели, вспомнили пару эпизодов студенческой жизни. «Ну, вот. Володя нашёл своё счастье, а я?» – размышлял Александр. Или как в песне «...А моё, ну что с ним делать? Гуляет где-то на свете. Не спеша, как видно, едет на старом велосипеде!». Кстати, Вера прислала прощальное письмо, в котором сообщила, что влюбилась и срочно выходит замуж. «Недолго музыка играла!» – улыбнулся солдат и пошёл выписывать офицерские наборы личного оружия, так как начали прибывать новые командирские кадры на замену отслужившим свой сахалинский период.

Вскоре пришёл приказ о срочной механизации складов артвооружения по всему Сахалину. Майор Чернов собрал всех пятерых участников его службы, включая писаря, и все

стали решать непростую задачу. Остров не имел предприятий тяжелой индустрии и машиностроения, а сроки дали минимальные. Давно пора было облегчить солдатам труд – перетаскивать ящики с патронами и снарядами вручную. Сошлись на том, что наперво надо оборудовать рельсовые подъезды к воротам складов, а ящики грузить подъёмниками в небольшие вагонетки.

Однажды позвонила полковая телефонистка и попросила к телефону старшего лейтенанта Лыкова, одного из помощников майора Чернова. Писарь ответил, что никого в кабине нет, кроме него. Девушка попросила не вешать трубку, и тут раздался голос Елены, жены Лыкова: «Саш, меня выписали из роддома, Женя не появился и не могу дозвониться. Ты бы не мог забрать меня, дом наш совсем недалеко от больницы?». Шевченко как-то раз был в квартире у старшего лейтенанта, что-то помогал принести, жену особо не запомнил. Делать нечего, не оставлять же женщину с новорождённым в больнице! Хорошо, что был постоянный пропуск, через 15 минут он уже был в родильном отделении. Очень обаятельная женщина протянула ему белый свёрток, в котором посапывала малышка. Взяв сумочку с вещами, они вышли на улицу. По дороге Александра мучила мысль: «Неужели так можно, не прийти за женой в роддом, чтобы забрать своего новорождённого ребёнка, в такой праздничный исторический день семьи?». Отдав девочку матери, которая успела раздеться и даже причесаться, он пошагал в часть. «Интересно, расскажет ли Елена взрослой дочери, что её забирал из роддома простой солдат и нёс до самого дома по морозу?».

Шли дни за днями, странички в блокноте наполнялись содержанием, календарь наполнялся зачёркнутыми датами. Позвонил дежурный по части, сообщив, что Шевченко

ждёт начальник штаба полка майор Кретов. Двери кабинета начальника штаба находились в десяти метрах от кабинета службы артвооружения. «Слушай солдат, в воскресенье в клубе полка планировалась лекция по международному положению. Позвонили, что лектор не сможет приехать. Ты бы не смог прочитать лекцию по своей любимой математике, просветить наших солдат в научном плане?» – неожиданно предложил майор. «И здесь обо мне всё знают!» – удивился Александр, но что-то заставило его дать согласие. «Согласиться-то согласился, а что делать с малознакомой аудиторией в несколько сот человек? Базовое образование у большинства десять классов, а у многих солдат из Средней Азии восемь. И что им прочитать? Теорию функций комплексного переменного? Конечно, же, спасёт развлекательная математика. Нужны следующие книги: Перельман «Живая математика», Депман «Рассказы о математике», Нагибин «Математическая шкатулка», Перельман «Занимательная алгебра», Гарднер «Математические головоломки и развлечения», Кордемский «Математическая смекалка» и другие. Если построить беседу с аудиторией как каскад интересных загадок и ответов, вперемешку с математическими историями, то можно продержат зал во внимании 45 минут, не более» – с такими мыслями Александр отпросился в районную библиотеку и заодно в книжный магазин.

В воскресенье, надев парадный солдатский мундир, Шевченко приступил к диалогу с полным залом. Сначала кто скептически ухмылялся: «Чего это нас сюда загнали?» Потом постепенно затихли на интересных путающихся ответах желающих проявить смекалку. Особенно понравилась задача «Задумай число?». К концу лекции не все хотели расходиться, но писарь чётко знал, что надо вовремя остановиться.

В роте, где служил Лучинец, старшина демобилизовался, и командир роты назначил земляка старшиной, походатайствовав о присвоении Николаю звания «младший сержант». Новому старшине было 26 лет, и он смотрелся старше и солиднее двадцатилетних «стариков», а усы, как у запорожского казака, придавали ему вовсе воинственный вид. В Орле Николая ждали жена и дочка, даже странно, что попал служить в таком возрасте, хотя вообще не служить в то время было для парня позором. Земляк, недолго думая, сразу предложил Шевченко перейти к нему в роту, где вдвоём будет веселее. Хоть с зенитчиками Александр давно сдружился, особенно на учениях и в караулах, но у Лучинца ему стало гораздо комфортнее. Николай, как оказалось, всего за полгода заслужил в роте непререкаемый авторитет, и штабист сразу стал неприкасаемым. Никто его не гнал на зарядку, не заставлял дежурить и ходить в караул, никто не следил встал ли он на вечернюю поверку. Конечно, армия есть армия, и писарь старался устава не нарушать.

Однажды Шевченко засиделся над заполнением журналов после учений и вышел из кабинета после отбоя. Проходивший мимо штаба дежурный по части капитан Янивец, командир первого батальона, увидел нарушителя дисциплины, вызвал наряд и отправил его на гауптвахту. Александр опешил от неожиданности, но в душе понимал, что капитан был прав. Он не учёл, что капитан был самым молодым комбатом и слыл страстным поборником дисциплины. Наряд «губы» (гауптвахты) удивился нарушителю. «А что? И штабистов сажают?» – прозвучала чья-то реплика. Поселили в очень маленькую одиночку, захотелось спать, арестованным было не положено ни матраца, ни подушки, в каморке была только широкая доска, почему-то названная вертолёт-

том. Наверное, потому, что сиделец пытался доску установить на два выступа по углам комнатухи, но, только пытался улеться, как доска соскальзывала, и вертолёт грохался на пол. Александр себя успокаивал, что и это надо пройти, наконец, оставил доску на полу и вскоре задремал. Почему-то вспомнилось, что Ленин сидел и ничего, стал великим правителем государства. А уж ему, писарю, грех отчаиваться! Наутро часовые пригласили его завтракать и дали столько кофе и масла с хлебом, что и не снилось в столовой обыкновенному солдату. «Наверное, друзья в столовой угостили!» – подумал Шевченко. Зазвонил телефон, начальник караула приказал конвою: «Писаря доставить в штаб!». Проходя мимо кабинета дежурного по части, солдат отметил, что капитан Янивец уже сменился, хотя, наверняка всё рассказал майору Чернову. «Теперь могут перевести в комendantский взвод» – подумал он, там всё гораздо строже. «Привет, Саш!» – протянул как всегда руку майор. «Подтяни дисциплину, если не хочешь ночевать на губе!» – и на этом проработка закончилась, дел в этот день было немало.

С приходом Лучинца на должность старшины, небольшие элементы дедовщины стали исчезать. Последний эпизод, когда за 100 дней до демобилизации, перед сном какой-нибудь «салага» «вставал» на руках на перекладине и громко, на всю казарму объявлял: «Дорогие старички, день прошёл!». Те хором отзывались: «Ну, и хрен с ним!». «Салага» продолжал: «До дембеля остаётся 25 (к примеру) дней!». Старики в ответ: «Уррра!». Старшина потихоньку упразднил и этот обычай, тем более, что им с Шевченко оставалось служить всего полгода. Май месяц всё-таки добавил хорошего настроения, обозначив, что половина службы уже позади.

Вскоре командир роты, где служил Лучинец, пригласил Александра в Ленинскую комнату, парадно оформленную Николаем за прошедшие месяцы, и сообщил, что надо завтра ехать на соревнования по военному пятиборью. Соревнования пройдут в Южно-Сахалинске, старшим поедет командир второго взвода лейтенант Курбан, да ещё сержант из пятой роты. Предстоит стрельба из пистолета Макарова, кросс в один километр, метание гранат на точность и дальность, преодоление полосы препятствий и плавание. Каким образом в штабе выбирали эту тройку, Шевченко терялся в догадках. В подразделениях были такие спортивные и сильные ребята, а он, хотя и любил спорт, но в настоящее время никаких результатов, кроме «писанины», не показывал. А надо защищать честь полка. Согласия никто не спрашивал, и утром, после завтрака, трое бойцов во главе с лейтенантом, поспешили на остановку. Курбан тоже не мог объяснить мотивацию выбора, но в армии приказ есть приказ. «Однако, это же вылазка на «гражданку» и пребывание в Южно-Сахалинске должно быть интересным, а успехи во всех видах пятиборья как получатся, так и получатся» – размышлял писарь. Во всяком случае, плавание, стрельба, метание гранат, кросс, не пугали, а полоса препятствий узнаётся на месте.

На остановке несколько человек ожидали рейсовый автобус. Заметив, стоящую неподалеку девушку в темно-зелёном плаще, Александр, чтобы заполнить паузу ожидания, спросил: «Извините, вы не учитесь в пединституте?». «Нет!» – слегка поджав губы, ответила незнакомка, удивившись смелости солдата. Показался автобус, и все ринулись занимать места. Шевченко сел с девушкой, ехавшей от самой автостанции. «Тоже ничего!» – отметил он про себя и стал знакомиться с ней. Оля оказалась из города Макарова в цен-

тре Сахалина. После нескольких минут весёлого разговора сказала, что ей надо выходить на ближайшей остановке и попросив Александра записать его имя и адрес, двинулась к выходу. Видя, что к её месту направилась вошедшая пожилая женщина, Шевченко освободил сиденье и пошёл по проходу вперёд, где стояла девушка, у которой он спрашивал про пединститут. Свобода пьянила солдата, и он снова начал знакомиться с попутчицей. Удалось узнать, что её зовут Люда. Девушка не очень охотно отвечала, и на вопрос где она живёт, сказала: «В Рыбацком, шестой дом слева». Автобус остановился в селе Троицкое, и Люда вышла. «Здорово!» – подумал Шевченко. «Все девушки повыходили, к чему бы это?» – с лёгким юмором мыслил солдат, прекрасно понимая, что у попутчиц были свои маршруты.

Южно-Сахалинск встретил солнечной погодой и уютным кафе, в которое их привёл лейтенант, пообщавшись с одним из организаторов соревнований. Впервые за полгода на столе появились скатерть, салфетки, фарфоровая посуда и полузабытые – вилки и столовые ножи. Прекрасно пообедав, спортсмены направились в здание, где им предстояло жить пару дней. Утром стреляли из пистолета Макарова, затем метали гранаты, к вечеру осилили кросс. Результаты были у всех троих не чемпионские. Хотелось прогуляться по городу, посмотреть столицу Сахалина, но в солдатской форме далеко не уйдёшь, военный патруль не дремал. На другой день преодолели полосу препятствий, а в бассейне оказалось, что настоящих пловцов почти нет. Многие участники соревнований едва доплывали 25 вместо положенных 50 метров. Тут Александру удалось блеснуть, сказались годы тренировок в студенческие годы. В итоге

команда анивчан заняла почётное четвёртое место. Курбан был рад и бережно сложил грамоты в офицерскую сумку.

Приближалось воскресенье. Шевченко договорился с тремя знакомыми солдатами – Сергеем, Иваном и Василием, после обеда пойти в Рыбацкое на прогулку и зайти к одной девушке. У ребят были увольнительные, и друзья направились в посёлок, который начинался всего в километре от Анивы. «Шестой дом слева» – в памяти звучали слова Люды. Шестой дом оказался небольшим, с маленьким палисадом перед окнами, площадкой слева и колодцем, возле которого стояла женщина средних лет. «Здравствуйте! Как нам найти Люду?» – громким голосом спросил Александр. В это время на крыльце показалась Люда и успокоила мать увидевшую группу солдат: «Это мои знакомые». Посёлок находился почти рядом с воинской частью, всё население привыкло к появлению на улицах солдат. Девушка работала ревизором в торговле, и ей часто присылали в подмогу солдат перетаскивать тяжести при учёте товаров. На просьбу Шевченко погулять с ними, заявила: «Сейчас, я только Леночку покормлю!». И ушла в дом. «Вот, те, на! Я что, попал на мать-одиночку?» – пронеслось в голове у солдата. Однако решил подождать, да и с ребятами менять программу вечера не хотелось. Люда вышла в светлой кофточке и брюках, длинные волосы красиво ложились на плечи, тонкие черты лица украшали голубые глаза. Все пошли к морю. Идти было всего несколько сот метров, Александр познакомил девушку со своими сослуживцами. Он почувствовал, что она им понравилась. На берегу моря все стали фотографироваться. Люда объяснила, что Леночка – это дочка сестры, которая ушла по делам, а время кормления малышки поручили соблюдать ей. Незаметно пролетели три часа, и солдатам

надо было возвращаться в часть к ужину. В общем, после совместной прогулки друзья одобрили выбор Александра.

Скоро начались летние учения. На этот раз заместитель командира полка по хозяйственной части подполковник Борисюк уговорил майора Чернова передать Шевченко в своё распоряжение, чтобы работать с военными картами. Новое дело было не менее серьёзным, чем с вооружением и более масштабным. Карты должны были отражать все действия хозяйственной службы на территории, где проходили учения. Писарю предстояло вычерчивать линии продвижения своих подразделений, линии противостояния противника, обозначать все соответствующие знаки ведения кампании, оформлять донесения и рапорты. Работать приходилось порой всю ночь. На короткие минуты Александр выходил из штабного вагончика и любовался природой острова. Никогда он не видел таких сочных и высоких трав, а лопухи стояли как большие зонтики от дождя высотой до двух метров. Удалось сфотографировать и послать в Орёл, а то рассказам не поверят. А ещё начальник штаба части показал, где растёт редчайшее в мире растение – «Лилия Глена», нежно желто-зелёные, с розоватыми прожилками цветы на высоком стебле. Эти цветы никто не срывает, кроме учёных. Утомительна работа с картами, но чувствовалось, что ранг заместителя командира части по тылу выше должности начальника службы артвооружения. По масштабам распоряжений, по исполнительной дисциплине, по насыщенности обеденного стола. Но Шевченко больше нравилась его служба у майора Чернова, и на намёк Борисюка перейти к нему писарем, он категорически отказался.

Как приятно после учений помыться в бане! Чистота тела, свежее бельё, портянки, полотенце всегда радовали

Александра. Эта процедура в армии в мирное время была одна из приятных, Ну, а, военное время советским воинам хотелось бы не испытать в своей жизни.

В воскресенье солдат, впрочем, уже не просто солдат, а ефрейтор Шевченко, получивший звание после учений, направился в Рыбацкое. Люда совершенно не заметила новых лычек, а с ходу объявила, что у неё есть парень в Брянской области и она с ним переписывается. Ефрейтора она попросила больше не приходить, и он, слегка удивлённый, направился в библиотеку, больших разочарований не испытывая. На следующий день пришло письмо из Макарова, он еле вспомнил ту девушку в автобусе, которая попросила у него адрес. Из письма выпала фотография, где очень симпатичная попутчица с модной причёской приятно улыбалась. Оля, так звали автора письма, писала, что хочет встретиться и мечтает приехать в Аниву. «Этого ещё не хватало! Все девушки теперь только после службы! Надоела нормальная жизнь, дурь потянула меня ещё в Рыбацкое!» – подумал Александр. После обеда он пошёл на склад вооружения посмотреть, как внедряется механизация. Прапорщик Денисов был очень доволен ходом строительства и продемонстрировал, как вагонетка загружается подъёмным краном тремя ящиками 120 миллиметровых снарядов, едет к воротам и там ящики могут грузиться в любой военный транспорт. Не зря писарь отстаивал этот проект. Механизацию он наблюдал с детства, часто бывая на электромеханическом заводе у отца в городе Экибастузе, где тот возглавлял токарный цех.

Наступил выходной, и ноги сами понесли Александра в Рыбацкое. Почему-то эта девчонка ему нравилось. Симпатичная, в меру серьёзная, год назад окончила школу, поступила в торговый институт, работает ревизором. Просто,

без всяких прицеливаний рассуждал он. Люда в прошлую встречу выложила все свои личные дела, как есть, но, как показалось ему, втайне его ждала. В этот раз встреча была очень интересной, они не касались личных дел, а поговорили на все темы, волнующие молодёжь. Люда рассказала о своей старшей сестре. Расстались миролюбиво.

Через неделю навстречу Александру вышла красавица в нежно-розовом костюме, с красивой причёской, в белых туфельках на шпильке, с плетёной корзинкой в руках, из которой виднелись бутылка шампанского и коробка конфет. «Что случилось? Какой праздник? А сама Люда? Такой нарядной и красивой я её даже не представлял!» – крутилось в голове у солдата. «Да не волнуйся, просто у меня день рождения, и я хочу его отметить с тобой!» – улыбнулась девушка. И они пошли на поляну, за которой начинался небольшой лес, доходящий до первых домов Рыбацкого. Устроившись за бугорком, невидимая с дороги, обогреваемая июльским солнышком, пара с радостью начала праздничную встречу. Александру не верилось, что можно так комфортно себя чувствовать, будто бы не в армии, а «на гражданке». Как он себе не приказывал, но дело дошло до поцелуев, и Люда вела себя, как впервые, хотя откуда опыт у девушки, когда в этот день ей исполнилось только девятнадцать? Всё равно он корил себя, что привязывает Люду к себе. С другой стороны двум молодым, симпатичным людям, общаясь с интересом вдвоём, да ещё с бокалом шампанского, как не поцеловаться? «Хватит себя ругать! Ведь не жениться собрались! Да и словами не бросались» – думалось ему. Однако послевкусие прекрасного дня ощущалось ещё долго.

А служба!? Служба шла своим чередом. Писарь продолжал ответственно выполнять свои обязанности. Учения,

стрельбы, марш-броски постоянно проводились в ротах, батальонах. Журналы учёта боеприпасов регулярно заполнялись. Майор Чернов полностью доверял Шевченко, с грустью отмечая, что срок службы солдата, увы, сокращался. В августе неожиданно вся страна прилипла к телеэкранам. Вышел телефильм «Семнадцать мгновений весны». Вечерами пустели улицы, магазины, народ с удивлением увидел умных немцев и захватывающие кадры противостояния им наших разведчиков. Дни показа пролетели как одно мгновение, подтвердив ценность талантливого произведения. Пошли слухи, что в сентябре всех «голичников» (кто служит год после окончания ВУЗа) на Сахалине соберут на двухмесячные сборы офицеров запаса.

В один из дней Шевченко позвонили из КПП, сообщив, что к нему приехала гостя. «Кто это может быть? Уж точно не Люда!» – удивился солдат. Оказалось, что приехала Оля из Макарова, хотя он даже не ответил на её письмо. Благодаря пропуску, они пошли прогуляться по городу. Он извинился, что не ответил на письмо, так как был занят по службе и прямо признался, что у него есть девушка и заводить вторую он не намерен. Оля довольно спокойно восприняла признание Шевченко и сказала, что у неё особых надежд на встречу не было, а просто тогда, в автобусе он ей понравился. На этой ноте они расстались.

Узнав, что в конце августа у Александра день рождения, Люда подарила ему модный чемодан, красивый галстук и огромную, сувенирную, многоцветную шариковую ручку. «Совсем как в «Трёх мушкетёрах»! Где в военный поход героев одели и собрали их женщины» – улыбнулся Александр. Несколько раз Шевченко удавалось встретить Люду после работы, на дороге, напротив дальнего склада вооружения,

и проводить несколько сот метров до Рыбацкого. В один из таких дней он получил от неё признание в любви и ответил, что ему с ней очень хорошо, и она ему нравится, но говорить что-то и давать обещания он в данный момент не будет. Рад будет продолжать общаться, писать письма с офицерских курсов, а дальше жизнь всё поставит на места. Девушка оценила честный ответ, и они продолжили встречаться.

Командир роты Полевой очень был доволен службой Лучинца, но понимал, что скоро придётся расстаться и принял на службу молодого прапорщика Морозова, хотя Николай практически сохранил все функции и привилегии старшины. Прапорщик как бы перенимал опыт и руководство ротой, подружившись с Лучинцом, заодно и с Шевченко. Подошёл день отъезда, и трое друзей решили устроить прощальный вечерок в каптёрке. Двухэтажный корпус роты стоял в самом углу территории части, где в десятке метров начинался забор, за которым располагались жилые одноэтажные дома офицерского состава. Маленькая компания раскрыла окно, а сентябрь на Сахалине обычно тёплый, и стала отмечать отъезд двух друзей на сборы офицеров. Морозов организовал вкусный стол, не забыв купить заветную бутылочку, разговор становился громче и, вдруг всем захотелось петь. Баян в роте был, иногда на нём «баловался» ротный. Александр объявил, что он «попробует», никто не знал, что он достаточно опытный баянист. И попробовал! Что лампочка задрезбужала от хорового пения бойцов. «Через две, через две зимы, через две, через две весны! Отслужу как надо и вернусь!» – неслось по всей окраине посёлка. Наутро, зайдя в штаб полка, Александр увидел знакомого офицера, который готовился сдавать дежурство. «Как жизнь, товарищ капитан?» – поинтересовался он. «Да какая

тут жизнь! До глубокой ночи недалеко гуляла свадьба или юбилей, аж, голова болит от музыки и песен» – произнёс дежурный. «А песни хоть хорошие пели?» – спросил невинно писарь, поняв, что чудо сработало, никому даже в голову не пришло подойти, прислушаться, разобраться, иначе все трое бы проснулись на гауптвахте. Майор Чернов загрузил в последний раз поручениями и ненароком сообщил, что к ефрейторской лычке добавляется ещё одна, и Шевченко едет на курсы младшим сержантом. «Спасибо, товарищ майор! Вы и так много для меня сделали!» – с чувством ответил Александр, зная, что должность писаря артвооружения ефрейторская. К вечеру отъезжающие получили на руки документы и после ужина отбыли в часть, где должны были проходить сборы.

К времени отбоя успели доехать к месту сборов, в казарме новой части оказались Володя Беккер и Толик Коняев с чёрными погонами танкистов. Друзья обнялись, и Шевченко представил им своего нового друга Николая Лучинца. Радости встречи не было предела, особенно от ощущения близости демобилизации. Кроме орловцев было немало новых лиц, и все были призваны на год службы. Утром первым делом Александр узнал адрес части и в свободную минуту написал письмо Люде. Опять мелькнуло новое ощущение чего-то ценного в жизни. Занятия с будущими офицерами шли полным ходом, в основном в классах, наверное, на свежем воздухе все имели практику в своих подразделениях. Однако, иногда часть курсантов отправляли копать какие-то траншеи, что было далеко от офицерской службы, но никто не возмущался все жили мечтой о возвращении в родные пенаты.

Вскоре пришёл ответ от Людмилы и очень тёплый, писала, что скучает и хочет приехать. От таких строк теплеет в душе:

«Сашка, здравствуй! Это я. Хотя это совсем нетрудно догадаться. Прошла уже неделя, как нет тебя, а здесь всё по-прежнему. И я так же иду утром на работу, а вечером домой. Без тебя была в Таране, в Троицком. Из Тараная возвращались домой на вездеходе, нет, не одна, с одной женщиной. Было уже поздновато, но светила такая луна, Сашка, что я добралась домой как днём. Ты знаешь, я вчера на работе хотела написать тебе, но взяв ручку, почувствовала себя первоклассницей. Было такое чувство, что я никогда никому не писала. Но ведь надо что-то сказать тебе, иначе ты по-своему расценишь моё молчание. Саша, я не смогу к тебе приехать в это воскресенье, это уже завтра. Сегодня иду на ревизию на склад ресторана, поэтому завтра я тоже буду работать. Но в следующее воскресенье жди обязательно. Приеду к тебе с Надей, договорились? Знаешь, Саш, какая сейчас играет пластинка, нет, не догадаешься. Твоя любимая «Дрозды». Как ты там живёшь, Саша? Много ли там блондинок? У меня всё нормально, если, не считая, что пришло письмо, полное любви и нежности от «женеха». Пишу всё тебе как есть, а ты выбирай самое главное. Да, Саша, близко ты и в то же время далеко. Я не представляю себе, что скоро, совсем скоро ты будешь бродить по чужому, далёкому мне городу.

До свидания, Саша. 13.10. 73 г.»

Добираться-то не ближний свет, обеспокоился курсант, пешком в Аниву на автовокзал, автобусом до Южно-Сахалинска, с Южно-Сахалинска в Долинский район до остановки у войсковой части и в тот же день назад. Выходит, на дорогу 6–7 часов, а на встречу 1–2 часа. «Неуже-

ли поедет? Не декабристка же!» – думал Александр. Однако в воскресенье в казарму позвонил дежурный по части и сообщил, что Шевченко ждёт на остановке. «Надо же! Приехала!» – обрадовался он и помчался на остановку, находящуюся в ста метрах от забора полка. Стройная, в каком-то новом кожаном пальто, Люда обняла солдата. Прямо к территории части подходил лесок, куда и направились двое. Расположились на травяной кочке, и Люда стала угощать друга вкусной едой, шашлыками, фруктами, а боец тихонько радовался, что она такая смелая и не побоялась дальнего пути. Действительно, этот же автобус возвращался из Долинска в Южно-Сахалинск мимо их остановки через два часа. И он скоро растаял в лёгкой осенней дымке, увозя девушку. Шевченко вернулся к друзьям, сохранив для них часть Людского угощения. Толик и Володя привыкли со студенчества к появлению возле Александра девушек, тем не менее, удивились путешествию Людмилы, хотя её ни разу не видели.

Осенью по всему Сахалину, а точнее по всем рекам Дальнего Востока и России начинается путина, то есть рыба, в основном лососевых пород, идёт на нерест вверх по реке. Её бывает так много, что весь берег усыпан тушками. Если сразу рыбу не использовать в пищу и не вынуть икру, то всё пропадёт, хотя икра интересует всех больше, так как, чем больше рыбина прошла путь по пресной воде, тем больше теряется её вкус. Каким-то образом курсанты добывали и рыбу, и икру, доходило до смешного, когда голодные просили поесть вечером, в наличии была в избытке красная икра, но хлеба ни грамма. Икру никто не ел. Учёба перевалила за половину, уже в воздухе повисло ожидание отправки с острова. В одно из последних воскресений на сборах, с утра набрали команду что-то копать, и как Шев-

ченко не просил его оставить, надеясь, вдруг Люда придет, не оставили. Так и случилось, на звонок дежурного по части о приезде к курсанту, к Людмиле на остановку пришли Володя Беккер и Коля Лучинец. Разобравшись, кто есть кто, просидели два часа на автобусной лавочке. Ребята не бросили Сашину девушку, как можно скрашивали её разочарование несостоявшейся встречей, и потихоньку уничтожили всё угощение для друга, оставив ему одну грушу. Надо было видеть, с какой тоской ел эту грушу вернувшийся Александр. Настал день аттестации, которую все друзья прошли успешно и поспешили в чайную, отметить компотом с коржиком окончание курсов. Утром Шевченко принесли телеграмму от родителей, что мать легла на серьезную операцию. Он понял, что надо срочно ехать и помчался в штаб части, выслушав дружеские сочувствия друзей. К его радости армия оказалась на высоте. Быстро оформили необходимые бумаги, и через два часа Александр уже сидел в автобусе до Южно-Сахалинска. Приехав в свой полк, Шевченко приятно удивился как майоры Чернов и Блинов подключились к его срочной отправке. Ещё раз убедился о пользе хороших отношений, имея их, можно горы свернуть.

На следующий день, к обеду всё было готово. День подходил к концу, и младший сержант поспешил к Людмиле, которая очень обрадовалась встрече. Узнав о причине завтрашнего отъезда Александра, с сочувствием подбодрила друга, пообещала прийти на остановку, где они впервые встретились, и проводить его. Подходило время отбоя, и надо было спешить в часть. Вбежав в каптёрку старшины, Шевченко увидел несколько ребят своей роты, которые с улыбкой стояли возле стула, на котором красовался «дембельский» чемодан, а сбоку свисала «дембельская шинель»

и такая же шапка. «Ваша шляпа и пальто, маэстро!» – смеясь, сказал прапорщик Морозов. Александр был преисполнен благодарностью к ребятам, что так быстро и сердечно подготовили его к отъезду. Всё ему нравилось, всё устраивало, кроме постоянной тревоги: «А как там мама?». Вроде наступила свобода от службы, он едет домой, точнее, летит на самолёте через всю огромную страну, но полноценной радости нет. Самолёт вылетал ночью, на остановке было морозно, но Люда пришла вовремя. Обнялись, поцеловались, и тут же Александр уговорил её пойти домой, не мёрзнуть же на остановке. Решили много не говорить, адрес её известен, жизнь всё поставит на свои места. Автобус из Анивы сменил автобус до аэропорта, и вот зал ожидания. Не верилось, что армия позади, непривычно было быть одному без сослуживцев, почему-то не хотелось смотреть на девушек. Теперь в Москву самолёт летел меньше по времени, уже не Ил-18, а Ту-134. Задерживаться не пришлось ни в Домодедово, ни на Курском вокзале, благо поезда через Орёл ходили через каждые полчаса. На вокзальном табло мелькали знакомые маршруты: «Москва–Орёл, Москва–Харьков, Москва–Баку, Москва–Ереван, Москва–Тбилиси, Москва–Грозный, Москва–Симферополь» и другие.

ДОРОГА В ШКОЛУ

После Мценска Александр стал всматриваться на проплывающие пейзажи Орловщины, особенно при подъезде к Орлу. Вот показались корпуса сталепрокатного завода, элеватор, ТЭЦ. Наконец, поезд поехал по мосту перед вокзалом. Вокзал, который считался самым удобным и лучшим среди железнодорожных вокзалов соседних областей, приветствовал солдата. Дома его встречали с радостью мать с отцом. Маму только выписали из больницы, и она заверила, что всё прошло успешно. Однако отголоски той сложной операции, которую перенесла мама, когда Шевченко учился на третьем курсе, давали о себе знать. За ужином он поведал родителям о своих планах отдохнуть в течение положенного месяца, подыскать работу, а уже попозже подумать о женитьбе. Рассказал, что встретил на Сахалине хорошую девушку, но сначала надо устроить все дела с работой и решать со свадьбой, когда сердце выберет ту единственную, без которой жить невозможно. Так что дело за сердцем.

Орёл наутро показался особенно красивым, день выдался солнечным. И Александр пошёл пешком по улице Комсомольской мимо станции юннатов; автовокзала; ресторана «Орлик»; магазинов «Мелодия», «Школьно-письменные принадлежности», «Берёзка». Далее институт охраны труда с неоновой рекламой на крыше «Летайте самолётами Аэрофлота!» (как будто были в стране самолёты других фирм!),

родной пединститут, магазин «Москва», «Управление дороги «Москва–Харьков», где работали родители, и кинотеатр «Октябрь». Шёл очень быстро, порой пробегал десять–двадцать метров, ноги сами несли, гражданская одежда приятно ощущалась всем телом. От шарфа отвык, хотя шинель застёгивалась у воротника наглухо. А осеннее пальто – с вырезом, на радостях можно было простыть. Захотелось зайти в обком комсомола, узнать, как поживает Геннадий Зубарев, бывший институтский комсомольский вожак, перед армией возглавивший областную комсомолию. Зашёл, тепло поздоровались, Геннадий посоветовал от его имени зайти в организационный отдел и поговорить о перспективах отслужившего математика. Действительно, заведующий предложил несколько вариантов: поехать воспитателем в Артек или возглавить какую-то из первичных организаций (завод, фабрику, учебное заведение), где ещё не избрали постоянного секретаря комитета комсомола. Поблагодарив товарища, Шевченко поднялся на пятый этаж, где располагался областной отдел народного образования (ОБЛОНО), спросить про Тамару, которая отдыхала в доме отдыха «Ботаника» в 1971–1972 годах и приглашала его плавать. Оказалось, она уже работала здесь в ОБЛОНО, и старые знакомые с радостью встретились. В ходе беседы выяснилось, что их общая по дому отдыха подруга Люда, влюбившаяся в Лёшу из Подмосковья, честно развелась с мужем. Но когда приехала в условный день на встречу с милым, Алексей не появился. Печальная история. Поговорив обо всём, Тамара спросила: «И куда ты собираешься устраиваться?». Услышав, что Александр ещё не решил, сказала, что есть направление для учителя математики на работу в Замбию,

но необходимо, чтобы он был женат. «Сегодня не получится!» – сострил Шевченко.

Ещё пару дней он погулял по городу, обедал в столовой Дома советов. В ресторане «Орёл», сидевший напротив мужчина, как видно старожил, после угощения коньяком, рассказал историю о том самом поваре, который готовил уникальную солянку. Однажды в 50-х годах поздно вечером, когда ресторан уже закрывался, в двери стал стучаться высокий, худощавый человек в длинном пальто и шляпе. Уборщица с возмущением крикнула: «Ресторан закрыт, никого нет!». Человек продолжал: «Повара ещё не ушли, позовите Степана Войнова, скажите, что Серёжа к нему приехал из Москвы, обязательно скажите!». Уборщица послушно поплелась на кухню (Степана все уважали): «Стёп! Тут какой-то мужик стучится, говорит, что он – Серёжа, к тебе из Москвы приехал!». «Дура, ты, Валька! Это же знаменитый артист Сергей Филиппов! Мы с ним вместе войну прошли! «Карнавальную ночь» смотрела?» – обратился к уборщице Степан. «Ой, батюшки!» – всплеснула руками Валентина и помчалась открывать двери.

Теперь надо было ждать понедельник, когда должны были вернуться из армии Володя, Толик и Николай. Однако жизнь планы изменила. В пятницу Александр решил заглянуть в «родную» школу, где он проходил практику на четвёртом курсе. Где открыл в себе то, что он может быть неплохим учителем. А главное, ему понравилось быть учителем. Предложение работать в Артеке заинтересовало, а по Замбии, он знал, что до первого января точно не женится. Поправив новый красивый шарф, он шагнул в знакомые двери школы. Директор Евгения Ивановна оказалась на месте и сразу предложила раздеться у неё в кабинете. «Как хо-

рошо, что ты зашёл в школу! Отслужил, свободен! И, годен, хоть куда!» – с улыбкой произнесла хозяйка школы. «А у нас беда! Серьёзно заболела Нина Максимовна, а у неё два девятых и два десятых класса. Кто будет готовить десятые к выпускным экзаменам? Да и в девярых классах без математики никуда» – посетовала она. Шевченко стал понимать, куда клонит Евгения Ивановна, а как же месяц отдыха с друзьями? Хотя ему польстило, что его, вчерашнего студента считают за профессионального математика, которому в одной из лучших школ города могут доверить старшие классы. «Была, не была!» – вдруг решился Александр. «Сколько времени дадите на подготовку?» – спросил он. «Немного! Ребятам каждый час математики невосполним. Узнайте программу и расписание с понедельника у завуча Эльвины Ивановны и приступайте!» – ответила директор.

Завуч тепло встретила своего бывшего практиканта, посвятила его в сложившуюся ситуацию, посочувствовала, что вместо отдыха отслужившему учителю придётся сразу впрягаться в нелёгкий учительский труд, но это только закалит настоящего педагога. «Какой тут ресторан! Конспекты надо писать!» – звенело в голове у Шевченко. Благо, что его серьёзная коллекция книг по математике в 300 книг целёхонька и ждала своего хозяина. Вся суббота и воскресенье ушли на подготовку, и вот дверь десятого класса «Б», где предстояло провести первый урок.

Александр у предстали три ряда рослых, симпатичных ребят, когда он вошёл в класс. Не ускользнули от него и загадочные улыбки на их лицах. Почему-то подумал, что волосы у него самого ещё не отрасли как следует после армии, а у юношей такие роскошные чубы. «Здравствуйте, садитесь!» – традиционно приветствовал аудиторию новый мате-

матик. Он подошёл к учительскому столу, раскрыл журнал и представился: «Меня зовут Александр Иванович, я буду у вас вести математику, пока Нина Максимовна поправляется. Я вёл в вашей школе математику тоже в 10-м «Б» два года назад на практике, а сейчас закончил службу в армии и принят на работу в вашу школу». Помня, что темп урока должен быть высоким, Шевченко увидел на первом ряду ученика в чёрных перчатках и красном шарфе и обратился к нему: «Молодой человек, с внешностью Остапа Бендера! Прошу к доске, запишем уравнение, перчатки и шарф попрошу не снимать, они тебе очень к лицу!». Парень вышел, записал, не снимая перчаток, уравнение, прекрасно его решил и громко поставил мелом точку. На пару вопросов по пройденным темам ответил правильно и, назвав своё имя, сел на место, правда перчатки и шарф снял, посчитав их роль отыгранной. Класс, затаив дыхание, следил за развитием событий, только шуршание тетрадей и ручек подчёркивало рабочую обстановку. Поставив пятёрку в журнал, Александр объявил новую тему, и урок продолжился.

В следующем 10-м «А» он почувствовал, что школьное сарафанное радио сработало, и загадочных улыбок уже не было. Закончив тему урока, учитель спросил, нет ли у кого вопросов. Девушка с последней парты на первом ряду спросила: «Александр Иванович, а Вы женаты?». «Нет!» – ответил педагог. «Так Вам пора жениться!» – не унималась десятиклассница. «Только не сегодня!» – парировал Шевченко, все засмеялись, и тут зазвенел звонок. На перемене к нему подошёл невысокий, худощавый юноша: «У меня одна задачка не получается, не поможете?». И стал чертить условия на доске, похожие на задачи из аналитической геометрии, которую изучали на первом курсе физмата. Александр по-

нял, что перед ним математический «вундеркинд», который изучает предмет сверх программы и, скорее всего, готовится к поступлению в столичный ВУЗ. «У меня сейчас два девятого класса, ты не против, если я покажу решение завтра перед первым уроком?» – спросил он ученика. «О’кей!» – ответил вундеркинд. В учительской классный руководитель ученика рассказала, что парень «идёт» на золотую медаль и собирается поступать в МГУ. Шевченко стало всё понятно и, придя домой, он сразу сел за задачу. Час, другой третий и ничего не выходило. «Если не решу, мне в этой школе делать нечего!» – подумал молодой учитель, однако, под утро решение нашлось. Как и обещал он вчера, перед первым уроком, написал на доске решение, оформив текст красивым почерком, и пригласил Сергея Закаблука, так звали школьного гения. Он несколько секунд смотрел на доску и произнёс: «Как же я упустил эту мелочь! Спасибо Вам!».

Через пару недель Евгения Ивановна пришла к Шевченко на урок. Тема была интересная, ученики работали активно. Учитель даже вызвал к доске Давыдова Василия, на которого многие учителя махнули рукой, и он тихо сидел на задней парте, ничего не делая. Умело подсказывая и задавая наводящие вопросы, педагог добился решения задачи к удивлению директора, ещё больше удивился сам Василий.

В пылу довольно непростой работы – вести математику в двух девятого и двух десятого классах в первый месяц после армии, Александр не забывал о Людмиле. Правда, написал ей письмо очень занятого учителя, что так и было. Однако, это, же, влюблённая девушка, которая ему нравится, и тёплых слов надо было написать ей побольше! Об этом сказали её письма с любовью и тревогой, что учитель отдалился, отгородился работой. Печалилась, будто с прощальным ав-

тобусом уехали светлые надежды. Поняв свою несправедливость, он искренне написал, что её никто и ничто не может заслонить на его горизонте. Так заканчивался 1973-й год, и никто не знал, что принесёт 1974-й, хотя Люда повеселела после второго письма и с настроением встречала Новый год. У Александра праздники проходили не так ярко, как раньше. В компании не пошёл, читал, смотрел телевизор, запомнилась только новая серия мультфильма «Ну, погоди!», да один знакомый дал послушать симпатичную песню на английском языке какого-то ансамбля под названием «АББА». Зато немного отдохнул от уроков и конспектов. Директор не забыла, что поторопила его выйти на работу в первые дни после возвращения из армии и не загружала все каникулы.

После зимних каникул в школу пришли четверокурсники физико-математического факультета на практику. Практикантка Мария, распределённая к Шевченко, вдруг стала жаловаться на Сергея Закаблука, что он не слушается, вертится во все стороны, разговаривает во время урока. Это было так не похоже на тихого, скромного ученика. Учитель спросил у Сергея: «Что случилось?». «А она – дура!» – выпалил ученик. «Ты что? Она в данный момент твой учитель!» – возмутился Шевченко. «Какой учитель? Она ничего не понимает в математике!» – продолжал Закаблук. Александр понял, на какие грабли наступила практикантка, и строго предупредил Сергея вести себя прилично, имея при себе своё мнение.

Однажды, проходя по первому этажу, Александр услышал звуки музыки. Оказалось, в конце коридора был спуск в полуподвальное помещение, где на хорошей аппаратуре ребята пытались играть мелодию из мультфильма «Бременские музыканты», и среди них – три ученика из его клас-

сов. Учитель вспомнил, как неплохо играл на баяне до армии и предложил музыкантам улучшить мелодию, а затем не удержался и спел весёлые строки: «Мы к вам заехали на час! Бонжур! Хелло!...». Ребята были приятно удивлены.

Радостное ощущение жизни не покидало молодого учителя. Школа нравилась, математика как родная стихия, с учениками контакт хороший, казалось, совсем недалеко ушёл от десятиклассников, но панибратства никто не допускал. Правда учителя и директор намекали, что бегать по лестницам через две ступеньки учителю не совсем прилично. И верно, однажды спускался Шевченко по лестнице через две ступеньки, навстречу поднималась женщина средних лет в зимнем пальто и спросила: «Мальчик! Где здесь учительская?». Учитель остановился, смутился, покраснел, поправил галстук и объяснил: «Пожалуйста, поднимитесь на второй этаж и в конце коридора увидите». «А как мне найти Александра Ивановича Шевченко?» – продолжала она. «Это я» – скромно ответил застигнутый врасплох педагог, ибо ничего другого ему не оставалось делать. Тут настала очередь покраснеть женщине: «Я мама Игоря Касинского. Он говорил, что у них новый молодой учитель и классный руководитель, вот я и пришла с Вами посоветоваться как член родительского комитета». «Пройдёмте в учительскую» – предложил Александр.

По воскресеньям он любил слушать «Утреннюю почту», любимую передачу, дающую заряд бодрости и оптимизма своими эстрадными новинками и юмором. Из недавнего понравилась песня лъвёнка и черепахи, а ещё про девятый класс: «Девятый класс, звенит звонок, апрельский луч упал на стены. Как долго тянется урок, впервые ждёшь ты перемены...». Хотелось гулять с Людмилкой, ходить с ней

по городу, в кино, напевать: «А за окном стоит весна, весна по имени Людмила...», несмотря на то, что в песне поётся «Светлана». Кстати, в школе объявили конкурс инсценированной песни и со всех коридоров доносились музыка, отрывки песен, декламирование стихов, топот каблучков. Как всегда должны будут высоко оценивать серьёзные, прославляющие жизнь страны песни. Оставив класс после уроков, Шевченко увидел как Игорь Касинский, тот самый «Бендер» стащил платок у Тани Кравцовой и повязал на шею. «Ребята, а почему бы нам не инсценировать какую-нибудь весёлую песню, например: «На побывку едет молодой моряк»? Только Игоря нарядим девушкой, которую «целовать нельзя», всех ребят в девичьи платья и на шпильках, а девушек в строгие мужские костюмы?» – предложил учитель. Десятиклассники оживились. «А что с музыкой? Пластинки или запись?» – озадачились «обитатели посёлка». «Да, нет, вы хором споёте, выучив слова, это будет эффектно! А я подыграю на баяне» – продолжил Александр Иванович. И сразу попросил одного из учеников: «Валера, неси баян из пионерской комнаты! Ты у нас будешь «молодой моряк»!». Ребята переглянулись, математика-баяниста они ещё не встречали. Дело пошло. На репетициях весь класс заливался смехом, глядя как Игорь кокетничал с моряком. Наступил день конкурсных выступлений. Класс за классом показывали своё мастерство: восьмиклассники, девятиклассники. Особенно понравилась всем инсценировка 9-го «А» класса под песню «Уходили комсомольцы на гражданскую войну». Наконец, объявили 10-й «Б». Едва открылся занавес, как раздался хохот. Зрители увидели девушек переодетыми кавалерами, а ребят в разноцветных платьях и платочках, на шпильках, изящно оттеняющих не всегда стройные волосатые ноги.

Выступающие так вошли в роль, что Шевченко, раздвигая меха баяна, успел краем глаза заметить, как директор с завучем сползали от смеха со своих стульев.

Люда писала о зиме, о лыжах, о том, как готовилась и сдавала экзамены на сессии, но во всех строках Александр видел, как она скучала, а на предложение приехать в Рыбацкое и забрать её, отписался, что лучше она летом приедет, и они будут вместе. Впрочем сваливать на большую занятость было можно, но крепкого желания жениться ещё он не испытывал в данный момент, может летом всё образуется. Незаметно подошли весенние каникулы и пришло сообщение, что Нина Максимовна поправилась и с апреля выходит на работу. «Вот и закончился мой осенне-зимний марафон. Что дальше?» – подумал Шевченко. Дальше директор школы дала часы математики в двух четвёртых и в двух пятых классах. Как раз, на весенних каникулах уволился математик, одним годом раньше окончивший физмат. Работа оказалась несколько не легче, опять надо было завоёвывать авторитет в тоже непростой аудитории, да ещё добавились четыре стопки тетрадей, которые надо проверять по регламенту каждый день. Однако то, что директор относилась к нему серьёзно и с уважением как-то вдохновляло.

Александрю было интересно посмотреть, как работает Нина Максимовна и он попросил у неё разрешения посетить урок. Первое, что он отметил, это темп урока. У неё он оказался выше. Причём, когда звенел звонок с предыдущего любого урока, допустим, 10-й «Б» расходился на перемену, она тут же проскальзывала к доске и записывала два или три новых задания, или оставляла двух-трёх учеников писать на доске выполненное домашнее задание (если оно было сложным). Опаздывать на урок Нины Максимовны было просто нельзя.

Со звонком на урок сразу отвечали два-три человека, получив за ответы две-три оценки, и дальше продолжалась работа с классом. Важно, что ни одной минуты потеряно не было и, даже после звонка с урока, она успевала опросить у доски одного или двух учеников, пока не появлялся учитель следующего за математикой урока. Было чему поучиться, хотя она не играла на баяне и не пела, стало ясно, что уважали её за глубокие знания и умение их донести до учеников.

Александрю захотелось однажды сходить на каток «Динамо». В школе, в институте это было любимым делом. Раньше ещё издали доносилась музыка со стадиона «Динамо». Все прошлые годы исправно звучали песни «Карелия», «Мадонна в 16 лет», «Голубые города» и другие. Ему всегда приятно было видеть десятки катающихся людей под эти мелодии. В этот раз мелодии были другие: «Последняя электричка», «Лада», «Вся жизнь впереди». «Видно меломан сменился» – решил Шевченко. Спустя несколько лет внешне картина на катке практически не изменилась. «Вот коньки можно было бы купить новые, в будущем» – подумал он. Сделав несколько кругов, Александр увидел двух девятиклассниц с их подругой из восьмого класса, но уж больно боевой. В учительской говорили, что она состояла на учёте в милиции. Девушки его заметили и окружили, здороваясь. Чуть пообщались, и к ним подъехали несколько юношей примерно возраста девушек. «Это что за хрен тут выискался? К нашим девочкам подкатывать?» – сурово прогремел один из компании. Девушки как зашикали на них, делаая страшные глаза, и укатали всех ребят в угол стадиона. Через несколько минут весь отряд прикатил к учителю и парни, стыдливо потупив глаза, стали извиняться: «Простите нас! Мы не знали что Вы их учитель!». «А если бы не был их учи-

телем, то можно так налетать?» – задал вопрос Александр Иванович, и по их хитрым рожицам, понял, что уличные законы трудно изменить.

Нельзя сказать, что очень легко давались четвёртые и пятые классы, но переход от старших классов к младшим, непростой. Зато в этом возрасте можно было сильнее заинтересовать предметом младших, что гораздо труднее у старшеклассников, у тех, кто запустили математику. Шевченко старался вести уроки весело, порой даже с юмором. Например, в задачах про площади посевов, вспаханных гектарах и тракторах, на свой страх и риск менял данные на автодромы, самолёты, хоккеистов, соблюдая смысл и пропорции. И, когда арифметическая база ещё небольшая, у детей заметно рождался истинный интерес к постижению точной науки. К сожалению, у него в распоряжении была пока только короткая четвёртая четверть.

Весна подошла незаметно и холодные, пасмурные дни уже не пугали, тёплые и солнечные уже не за горами. Газеты, радио и телевидение стали много говорить о семнадцатом съезде комсомола, и особенно про какую-то огромную новостройку с названием БАМ, но комсомольскую жизнь школы это затронуло в основном информационно. Люда сделала замечание, что целый месяц от Александра не было писем и, что, ждать днями весточки, не очень приятное занятие. Она поделилась, что ещё встала проблема с летним отпуском, когда возможен был бы её приезд и перевод в Орловский филиал торгового института. Оказывалось, что отпуск Людмиле могли дать только в конце года, а тогда перевод был уже невозможен. Минорное настроение докатилось и до учителя, хотя были мысли о свадьбе летом, медовом месяце, пока длятся летние каникулы.

Интересно, что старшеклассники не забывали своего временного учителя, и всегда приходили в его классы и делились впечатлениями. В конце мая, группа ребят из 10-го «Б» пригласила Александра Ивановича в однодневный поход в один из загородных пионерских лагерей, им хотелось немного отдохнуть перед выпускными экзаменами. День выдался солнечный, двое парней даже искупались, хотя вода ещё была прохладной. Палатки, костёр, гитара, песни. Спели любимую песню учителя «Люди идут по свету», из новых «Всё так просто, всё так сложно», «Надежда». Александр глядел на языки пламени и думал: «Раньше в Орле в студенчестве рядом обычно была девушка, теперь вроде есть далёкая невеста, но очень далёкая, и, вообще, перспектива неясна, но рядом никто не представляется, кроме Люды». Тем не менее, он высоко оценил приглашение десятиклассников.

ЗДРАВСТВУЙ ЛАГЕРЬ, ЛЮБИМЫЙ НАШ!

Всё! Учебный год закончен, для старших классов началась практика, для выпускных классов – экзамены. Директор пригласила некоторых учителей и предложила ехать воспитателями в пионерские лагеря хотя бы на одну смену по просьбе областного комитета профсоюзов работников просвещения. Шевченко достался пионерлагерь «Космос», который располагался недалеко от Орла на Оке. «Почему бы не поехать? Свадьба всё равно отпадает, поработаю смену и ещё полтора месяца отдыхать, можно махнуть на море» – подумал Александр. Да, и, положение у него неплохое, когда-то он был вожатым, работу которого оценивали, прилагали характеристику, а теперь он воспитатель и должен будет давать оценку и характеристику присланной вожатой.

Лагерь оказался в лесистой местности, по соседству с двумя лагерями «Кристалл» и «Спутник». Александру, проведшему всё детство и юность в пионерских лагерях, успешному поработать вожатым в лагере «Строитель», было просто приятно оказаться в родной стихии. Достался восьмой отряд, дети возраста четвёртых–пятых классов, вожатая Света, второкурсница исторического факультета родного педагогического института. Начальником лагеря был назначен музыкальный работник Геннадий Поликарпович, заселившийся в отдельный домик с женой и дочкой. Среди сотрудников ла-

геря выделялись врач Алексей Сергеевич Муратов и симпатичная медсестра Валентина. В соседнем по корпусу девятом отряде воспитателем оказалась обаятельная учительница английского языка Елена Моисеевна.

В первый же день после зарядки, утренней линейки и завтрака, встретившийся врач Муратов сообщил, что после отбоя приглашает к себе в медпункт, расположенный в дальнем углу территории лагеря, за которым начинался лес. Проведя с отрядом весь спортивно-трудовой день, Александр отметил про себя, что корпуса лагеря далеко не новой постройки и напоминали здания любимого в детстве пионерлагеря «Орлёнок» в казахском Экибастузе. Правда, природа здешняя скромнее, чем там, но всё равно вырваться из города на природу, да ещё летом, мечта каждого городского жителя.

Деревянный бассейн на Оке показался маловатым, хотя для безопасности детей – это неплохо. Плаврук лагеря Евсей Дмитриевич выглядел как с обложки журнала про культуристов. Загорелый, поигрывая горой красивых мышц, наверное, воплощал мечту каждой девушки. Удивили его глаза. Очевидно, когда-то были голубые, они были теперь мутными с красными прожилками, похоже, что он либо перекупался, либо не спал. Отдельно от всех отрядов, в лагере поселилась группа пловцов школьного возраста со знакомым по бассейну тренером. В первый день купание было не предусмотрено.

После ужина Александр со Светой провели вечер знакомств, ребята выбрали председателя совета отряда, составили план работы до конца смены. Незаметно день подошёл к концу, и вскоре звук горна сообщил об отбое. Побыв немного в палате мальчишек, Шевченко поручил вожатой следить за тишиной в спальнях комнатах, а сам вышел из корпуса

и сел на скамью. Вскоре к нему присоединилась воспитатель девятого отряда Елена Моисеевна. Немного пообщавшись, Александр предложил пойти в медпункт, отметив, что вожатые их отрядов смогли бы последить за дисциплиной, но воспитатель отказалась, сказав, что не оставит детей и, если он зайдёт в медпункт ненадолго, она его подождёт.

Медпункт оказался очень уютным домиком, с комнатой приёма пациентов и изолятором с тремя кроватями. В приёмной комнате в углу стоял столик, сервированный несколькими гранёными стаканами, тарелочками и большой тарелкой с нарезанными кусочками колбасы и сыра. Пришли пять гостей. Алексей Сергеевич достал медицинскую бутылку с прозрачной жидкостью и спросил: «Кто умеет пить спирт?». Оказалось только один физрук. Тогда доктор рассказал, как надо пить этот крепчайший напиток, чтобы не обжечь слизистую оболочку горла, и все дружно выпили по небольшой дозе из гранёных стаканов. Однако доктор заявил, что на этом можно остановиться и перейти к музыкальной части. Зазвучали очень красивые мелодии, особенно из кинофильма «Крёстный отец», который никто из приглашённых не видел, но мелодия была потрясающей. Александр протянул руку, приглашая Валентину на танец, и они медленно поплыли в ритме музыки. Мелькнула мысль, что лучше бы на месте медсестры была бы сахалинская Людмила, но, увы, что есть, то есть.

Утро было солнечным, свежим и бодрящим. Хорошо, что доктор не дал увлечься спиртом, и вчерашний отдых был в меру приятным. Правда, Людмила Максимовна сообщила, что не дождалась своего соседа по корпусу. После завтрака и линейки, Шевченко с вожатой повели отряд на пляж. Детей разделили на мальчиков и девочек, вожатая забрала девчонок

на мелководную часть бассейна, а воспитатель подвёл мальчишек к более глубокой части. На вопрос «Кто умеет плавать?» руки подняли четверо ребят. «Не густо!» – произнёс Александр Иванович и построил четверых у края бассейна. «Приготовились! Поплыли!» – скомандовал он. Из четверых, прыгнувших в воду, трое вдруг стали барахтаться и тонуть. Стоящий рядом плаврук вытаращил глаза, встрепенулся неподалёку тренер команды пловцов, а Шевченко в ту же секунду, в одежде и сандалиях, нырнул в воду и, практически, выбросил на деревянные мостки каждого по отдельности «пловца». Плаврук успел только приподнять футболку до груди, тренер пловцов подскочил и начал трясти руку мокрому Александру за оперативное спасение мальчишек. На вопрос, почему трое ребят подняли руки, они ответили, что просто стеснялись признаться, что не умеют плавать. Теперь предстояло поучить ребят плавать до конца смены.

Несколько дней прошли в обычных лагерных заботах, дети крепили на свежем воздухе, мальчишки стали увереннее держаться на воде, вожатая неплохо справлялась со всем отрядом. После отбоя небольшая компания доктора Муратова собиралась в медпункте. Танцевали, пели песни, спиртом не увлекались. Елена Моисеевна вечерами перед сном сидела на скамье перед корпусом, но ни разу Александра Ивановича не дождалась.

В выходной день Шевченко поехал домой, где его ждало письмо от Люды. Она сетовала, что очень трудно ждать от него писем неделями, что она стала редко писать, чаще рвала написанное, что сомневается, нужна ли она ему. Александру стало стыдно, но после известия, что Люда в июле не приедет, острота вопроса стала спадать. Тёплые, нежные чувства к этой замечательной девушке стали чуть приту-

пляться, и будущая совместная жизнь представлялась уже туманной. «Что это? Любовь уходит?» – задавался вопросом Шевченко. А вокруг – разгар лета, природа, красивые девушки, танцы, плавание. В лагере писать было особо некогда. Внутренний голос ехидно заявил: «Если бы сильно захотел, то примчался бы стрелой в Рыбацкое!».

И снова лагерь. Последняя неделя пролетела быстро, дети сдружились, с вожатой сложился рабочий тандем, и это положительно сказалось на атмосфере и настроении в отряде. Во всех соревнованиях, конкурсах и других мероприятиях ребята были не последними. Неожиданно Александру поступило приглашение зайти в обком профсоюзов работников коммунального хозяйства, кому и принадлежал пионерлагерь «Космос». А он настроился уже куда-нибудь съездить, либо в Сочи, либо в Москву. И тут секретарь обкома Девятова Инга Валерьевна предложила Шевченко поработать ещё одну смену в качестве плаврука лагеря и сказала: «Нам рассказал тренер пловцов лагеря, как Вы лихо справлялись с тонущими ребятами». «Значит нашего Евсея Дмитриевича уволили. Жаль, красавец мужчина, повлюблялся со многими работницами «Космоса», выпил несколько ящиков замечательных напитков, бутылки из под которых с трудом уносили технички. Поэтому и были у него глаза мутные и с проволокой, ведь спать было некогда» – рассуждал Александр. Он вспомнил, что у него есть удостоверение инструктора по плаванию, полученное ещё в институте в порядке дополнительных профессий. «Ещё 24 дня «трубить» в этом лагере? А впрочем, что меня держит? Зато будет своя комната – кабинет плаврука, с кроватью и спасательным кругом на стенке, любимое место летом – пляж, полный пансион и маленькая денежка

на поездку» – продолжал рассуждать он. В итоге дал согласие и поехал домой на три дня между сменами.

Пришло письмо от Люды очень печальное. Писала, что любит и помнит все встречи, в охлаждении отношений винит только себя и вообще выкидывает мысль о мужчинах и будет заниматься только работой и учёбой. Очень зацепили последние слова «Прощай, Сашка!». Александр сел было отвечать, что тоже винит себя, но все слова казались не тем, что хотелось бы выразить. Выбросив несколько скомканных листов, он решил больше не писать ей писем. У него случались расставания с девушками, и каждый раз он радовался обрётённой свободе и пускался на поиски «той самой». Но в данном случае никакой радости не было, появилось чувство утраты чего-то ценного и хорошего. «А что делать с «той самой»? Снова искать?» – мелькала мысль у новоиспечённого плаврука.

Комната инструктора по плаванию ждала нового хозяина. Свежестеленная кровать, спасательный круг на стене, с которым через плечо предстоит ходить на пляж, маленький столик с двумя стаканами и графинчиком для воды, вешалка у двери с четырьмя крючками, тумбочка. Вот и всё хозяйство, лишь, чуть сохранившиеся запахи табака и перегара напоминали о прежнем жильце. Окно открывалось настежь, и можно было заходить в комнату с улицы, если не было закрыто на шпингалет. Вот почему Елена Моисеевна никогда не видела уходящих женщин от Евсея Дмитриевича, хотя звуки застолий были часто слышны. Первый день купаний прошёл неплохо. Александр вспомнил методику Петра Никодимовича в пионерском лагере «Строитель», где когда-то был вожатым, и пропустил все отряды в аккурат до обеда. В лагере наступил «тихий час», а Шевченко отпавился

на пустой пляж дежурить, дабы никто из детей не полез в воду без разрешения. Он заметил, что несколько незнакомых женщин загорали на местах размещения отрядов. Это работники кухни и не только из их лагеря, но и из соседних – «Кристалла» и «Спутника». Свободное время у них было только во время «тихого часа», а тут – солнце, пляж, бассейн. После полдника берег реки снова наполнился детьми, благодаря тёплой погоде все успели поплавать до ужина.

Доктор лагеря и медсестра сменились, танцев и песен в медпункте будто бы и не было. Как меняется обстановка с приходом новых людей! Куда податься инструктору по плаванию со спасательным кругом через плечо? В лагерях, где отдыхал Александр, при бассейнах были лодки, на которых поплавать после ужина было бы, ой, как романтично, а тут – никаких лодок. Ноги принесли его снова на пляж, там сидела с книгой в руках рыженькая девушка. Оказалось это мойщица посуды из «Космоса», которая после работы решила почитать. Шевченко присел рядом с ковриком, на котором расположилась девушка, и слово за словом познакомились. Нина, так звали новую знакомую, работала на заводе «Диффузант», от которого её направили помогать работникам лагерной столовой. Незаметно стемнело, и они вернулись в лагерь. Так прошло несколько дней, когда вечерами Александр с Ниной бродили вдоль пляжа, сидели на лавочках в лагере, и, надо сказать, им было весело и интересно. Внезапно грянула гроза, и ливень не на шутку стал заливать всё пространство. Не прекратился сильный дождь и на второй день. Все купания и загорания отменили, и плаврук был без дела. Только встречи после ужина с Ниной, прибегающей к нему под зонтом, с которого стекали струи воды, скрашивали серую атмосферу. На третий день выглянуло

солнце, и Шевченко направился на рабочее место. Выйдя на берег, он выронил спасательный круг. Ока, вышедшая из берегов быстрее обычного, несла свои воды, никакого бассейна и в помине не было! Стихия унесла деревяшки как щепки. «Вот это да! И что теперь?» – присвистнул Александр. Вскоре в пляжной зоне показался начальник лагеря Геннадий Поликарпович. «Поздравляю!» – с испуганными глазами проговорил начальник лагеря. «Кто теперь бассейн нам построит? Без бассейна купаться нельзя, остаётся тебе, Александр Иванович, только дежурить днём на берегу» – заключил он.

И пошли дни «боевого» дежурства плаврука на берегу, чтобы никто из детей не заходил в воду. Работа значительно упростилась, а Нина каждую свободную минуту стремилась на пляж. Нет, чувства никакие не распалялись, просто им было интересно вдвоём, точнее, Нине открывался мир взрослого мужчины и педагога, а Шевченко нравилась её непосредственность и любознательность в неполные восемнадцать лет.

Вскоре в лагерь проехала группа мотоциклистов, среди которых были бывшие десятиклассники Александра Ивановича. Оказывается, они узнали, что он работает в «Космосе» и решили навестить бывшего учителя. Ребята рассказали, кто готовится к вступительным экзаменам, а кто с первого сентября выходит на работу. Общение было очень тёплым, все искупались, невзирая на отсутствие бассейна. Удалось даже сварить уху на берегу, а их бывший учитель покатался на разных мотоциклах.

Через несколько дней Шевченко разбудил стук в окно. Посмотрев на часы, он очень рассердился. «С ума сошли! Ещё только четвёртый час утра!» – проговорил сонный плав-

рук и открыл окно. Там стояла старшая пионервожатая Ида Борисовна и сообщила, что физрук внезапно заболел, а первый отряд должен был идти в однодневный поход до Сабуровской крепости. «Выручай Александр Иванович! Нужен мужчина!» – заключила она. Спать хотелось до безумия. Прокрутив в голове несколько возмущённо-неприличных слов, он коротко сказал: «Ждите, я оденусь!». Что там одеваться летом? Накинул футболку, трико, сандалии и готов, да, ещё любимую кепочку от солнца. Отряд большой – свыше тридцати человек детей, воспитатель, вожатая и медсестра – маленькая хрупкая блондинка. Плаврук возглавил колонну, все двинулись к реке, предстояло перейти вброд Оку и направиться в сторону крепости. Вода показалась холодной, медсестра нерешительно топталась у брода, видимо соизмеряя глубину реки и рост переходящих детей. Александр перешёл назад брод, подхватил блондинку на руки, перенёс и оглянулся... Взошло солнце, позолотило кромку леса и заиграло зайчиками на воде, ребята, перешедшие реку вброд, заулыбались красивой картине летнего утра. Внутри Шевченко словно переключился тумблер на радостное настроение. Уточнив с воспитателем и вожатой маршрут по карте, скомандовал: «Отряд! Вперёд! До Сабуровской крепости осталось всего семь километров!». Откуда-то взялось весёлое «кавээновское» состояние души, и весь путь пестрел взрывами смеха и восклицаниями всего отряда. Сама крепость, вернее её остатки поражали воображение масштабом и величием руин. Незримо возникал образ фельдмаршала Каменского. Все стали фантазировать и представлять, как жили в крепости в девятнадцатом веке, как веселились, как принимали знатных гостей, какие были балы, торжественные обеды. Мальчишки и девчонки стали делать разные

движения произносить какие-то слова, четверо даже начали фехтовать, и тут раздалась команда «Обед!». Что может быть вкуснее еды на свежем воздухе, когда пахнет ароматной тушёнкой и компотом из сухофруктов! После обеда отряд отдохнул, повалялся на травке и стал готовиться в обратный путь. Как ни странно, настроение у всех стало только веселее, усталости никакой. Перепели знакомые военные песни: «На безымянной высоте», «Три танкиста», «Дан приказ ему на запад!» и, конечно, же, «Катюшу». Как-то само собой вышло, стали хором сочинять свою песню на мотив «Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!». По времени успевали к вечерней линейке, снова вброд через Оку, снова медсестру на руки, и под конец линейки, отряд построился на своём месте. Доклад состоял из песни хором:

«Как ходили мы в поход
Всем отрядом,
Намотались – будь здоров!
Пот лил градом»

И далее семь куплетов

Лагерь отозвался долгими, продолжительными аплодисментами. Таким образом, этот поход стал самым главным событием во второй смене. Перед окончанием работы в лагере Александр с Ниной погуляли вечерами, даже поцеловались. Однако оба убедились как в песне: «...значит, это не любовь, а только, кажется!».

МОРЕ ШУТОК НЕ ЛЮБИТ

«И, что? До первого сентября остаются три недели, значит, на пару недель можно съездить в Сочи» – решил Шевченко. У него сохранился адрес Жоры, родственника Рики, куда он и направился. С билетами проблем не было, благо через Орёл проходило несколько поездов в сторону Сочи, и через день Александр вышел из поезда на красивый Сочинский вокзал. Пред ним предстал очаровательный город-парк, умытый летними дождями. Пальмы, сосны, магнолии, кипарисы, неизвестные цветущие огромные кусты, резко контрастировали с орловскими тополями, липой, клёнами, рябиной. Очень понравилась тротуарная плитка, особенно цветная. Не зря Сочи прозвали столицей курортов СССР! Жора жил на холме, недалеко от дендрария в деревянном пятиэтажном доме в комнатке, похожей на мансарду. Он встретил Александра хорошо, спать предложил на раскладушке. Шевченко это вполне устраивало, и они отметили встречу бутылкой сухого вина. Договорились днём заниматься каждому по своей программе, а вечером ходить на море, если будет получаться в определённое место.

С утра Александр уходил завтракать в кафе неподалёку, затем на пляж в парке «Ривьера». Там можно было забронировать лежак, который по номерку выдавался пловцу каждое утро. Море было мечтой детства, хотя детство прошло в Казахстане, где каждое лето удавалось отдохнуть

в пионерском лагере «Орлёнок» по две смены. Надо сказать, что красивейшее озеро Жасыбай в обрамлении скалистых гор, золотой песок пляжа мало уступали здешним достопримечательностям. Однако плавать в морской воде нравилось больше. Александр любил заплывать далеко, что не всегда удавалось, так как спасатели дежурили добросовестно и не давали отдыхающим заплывать за буйки, а вода чистая находилась как раз за буйками. Когда спасателям Александр сообщал, что он тоже инструктор по плаванию, некоторые отставали, другие же заставляли плавать вдоль буйков.

Однажды поднялся шторм гораздо больше трёх баллов, и громкоговорители вещали, что купаться не рекомендуется. У недалёкого пирса красовалась крупная надпись «Осторожно! Тягун!». Шевченко, по глупости, захотелось попробовать силы побороться с этим тягуном. Проплыв метров двести, он повернул назад и тут вдруг почувствовал, что его уносило в море, и он совсем не продвигался к берегу. Волны большие, шум воды оглушал, кому кричать? Решив плыть не прямо к берегу, а наискосок, Александр изо всех сил приударил «кролем» как на соревнованиях. Через секунд сорок увидел, что берег стал немного приближаться. Чуть отдышавшись, он с удвоенной силой стал рассекать волны. Когда силы почти иссякли, ноги почувствовали дно. Рухнув на подстилку, он отключился, пока его не разбудили спасатели, чтобы оштрафовать. Этот урок Александр запомнил на всю жизнь. С морем шутить нельзя.

После обеда, он знакомился с достопримечательностями Сочи и находил много нового для себя. Дендрарий, музей Николая Островского, цирк, концертный зал, дегустационный зал и многое другое. За домом, где жил Жора, располагался какой-то санаторий, где каждый вечер на спор-

тивной площадке были танцы. А танцы стояли у Александра на втором месте после плавания и, конечно же, вечерами Шевченко нередко заглядывал туда. Единственное, что пришлось ему отметить, что молодёжи было маловато, хотя женщины были ухоженные, нарядные и, в основном, симпатичные. С одной из них удалось потанцевать три вечера подряд. Оказалось ей 38 лет, а Александру будет только 23, что его удивило. Но выглядела она очень хорошо, даже позволила себя обнять и поцеловать после вальса. Ему понравилась её выражение: «Удивляюсь, серьёзная вроде женщина, а мысли как у мартовской кошки!». Затем, словно чего-то испугавшись, больше на танцах не появлялась. Опять пришли мысли, что жаль не состоялась их встреча с Людой летом и, может быть, они сейчас были бы в Сочи вместе. Уезжая, Шевченко поставил Сочи на первое место среди всех мест отдыха, хотя останавливаться в таких гостиницах как «Магнолия», «Сочи» или «Жемчужина» ему ещё не приходилось. Главное – шикарное море, есть, где погулять, есть, где поесть, а фешенебельные гостиницы ещё впереди.

И СНОВА ШКОЛА!

Орёл встретил загорелого, отдохнувшего учителя обычным рабочим днём, до 1-го сентября оставалось несколько дней. Александру Ивановичу достались два пятых и два девятых класса и классное руководство в пятом «Б». «Две пачки тетрадей ежедневно, это лучше, чем проверять четыре пачки» – автоматически промелькнуло у него. С пятиклассниками он заканчивал предыдущий учебный год, а вот девятиклассники будут в новинку. Шевченко с хорошим настроением готовился к новому учебному году, это было в первый раз, чтобы 1-го сентября прийти в свою школу, в свой класс учителем математики. Не стал отбрасывать первую часть пословицы «Встречают по одежке...», поехал в Москву на денёк, купил четыре костюма, две пары обуви, несколько рубашек. Галстук приготовил, который Люда подарила в армии. И первое сентября состоялось блестяще! Во-первых, завалили цветами, во-вторых, пролетела какая-то искра между учителем и учениками, встретились как после долгой разлуки, и в-третьих все четыре урока прошли отлично. Вообще, когда восемьсот нарядных учеников выстраиваются на парадную школьную линейку, эту атмосферу не опишешь, надо находиться там самому. Александр Иванович заметил, что коллектив учителей заметно подобрел по отношению к нему, уже приняли как своего. Схватив две охапки цветов, он пошёл на работу к матери в Управление дороги

«Москва-Харьков» и выложил их на стол, со словами: «Вам всем от моих учеников! С первым сентября!» под улыбки сотрудиц.

Несколько дней пролетели на душевном подъёме. Тут в девятом «А» классе Витя Кукушкин разболтался с соседями и не давал вести урок. Учитель не стал делать второе замечание, остановил урок и предложил классу: «Дальше объяснять будет Витя, а после уроков весь класс останется, и будет сдавать мне зачёт по сегодняшней теме». Наступила тишина, Витя заёрзал на своём месте. Вдруг две отличницы, сидевшие почему-то на последней парте в третьем ряду, встали, подошли к Вите и вытолкали его из класса, благо, одна из них Лена Миленина, была крупнее в два раза расшалившегося болтуна. После этого, девушки произнесли хором: «Продолжайте, Александр Иванович!». Надо сказать, что девятые классы учились в первую смену, а пятые – во вторую, и иногда расписание уроков позволяло погулять на перерыве, пообедать, а не только проверять тетради и писать конспекты. Когда Шевченко убедился в крепких знаниях Милениной и Гали Шиловой, то стал давать им учительскую работу после уроков – проверять тетради пятиклассников. Этого в методичках вряд ли можно было найти, а польза всем огромная. Отличницы шлифовали свои знания в арифметике, тренировались ставить справедливые оценки. Александр Иванович просматривал их работу и комментировал шероховатости, экономилось время учителя, и был готовый результат.

Когда сентябрь тёплый и сухой, то настроение, как золотистая корочка на каравае хлеба, сопровождает пешехода по улицам Орла. Деревья от жёлтых цветов до багряно-красных притягивают взор, словно лечебные процедуры.

Хочется бродить, бродить и икать встречи с Ней, своей единственной. По дороге из школы, он как-то встретил Елену Моисеевну, что работала в пионерлагере «Космос». «Не хотите, Александр Иванович, посмотреть новый американский фильм «Золото Маккенны», я иду на 19.40 в «Октябрь», Лариса, моя подруга, позвонила, что не придёт, не продавать же второй билет?». «Почему бы не сходить на американский фильм, да ещё с учителем английского языка?» – шутливо отозвался Шевченко. Фильм им действительно понравился, красочный, масштабный, с замечательным музыкальным сопровождением, показом потрясающих пейзажей. Так у Александра Ивановича появилась партнёрша по прогулкам по осеннему Орлу и просмотру зарубежных фильмов. Надо сказать, что фильмы осени 1974 года были неплохими: «И дождь смывает все следы», «Высокий блондин в чёрном ботинке», «Зов предков» и другие. Елена Моисеевна была весёлой, симпатичной девушкой, хоть и не грела душу математика, но общаться с ней было интересно. В один из дней он пошёл в перерыв между уроками на лодочную станцию, взял напрокат любимую лодку «Фофан» и с таким наслаждением проплавал два часа, вспомнив школьные и студенческие годы. «А с Людой было бы ещё интереснее!» – подумал Александр.

Придя домой, он обнаружил письмо в почтовом ящике. Конечно, оно было от Людмилы, на данный момент он ни с кем не переписывался, а она вроде бы попрощалась. В письме девушка не больше, не меньше, приглашала его на свадьбу!

«Я нашла свою «звёздочку» и приглашаю тебя на свадьбу, приезжай! Люда».

«Ну, вот, дождался! А мог бы не терять такую девушку. Хотя что-то недолго оставалась одна» – ревниво подумал математик. Никуда он, конечно, не поедет, да и смысл какой?

Вспомнил песню «Позови меня на свадьбу мой любимый, посмотреть свою невесту позови...». Если героев поменять местами, то смотреть на жениха совершенно неинтересно. «Может не отвечать на это письмо? Писать, что не приеду мол, времени нет, уроки? Как-то мелко!» – размышлял Александр. Ответ созрел на следующий день. Он поздравил Люду с предстоящей свадьбой, пожелал всего самого наилучшего, сожалел, что приехать не получится, в конце приписал: «Если бы я проснулся утром и на подушке рядом лежали твои волосы, и ты крепко спала, я бы не удивился такому счастью!». С чувством законченного дела он поспешил в школу, ведь впереди был День учителя, как всегда в первое воскресенье октября. Вспомнилось, как он организовал и провёл «Праздник Нептуна» в пионерском лагере «Строитель», когда был студентом. В распоряжении Шевченко было целых четыре класса, где он вёл уроки и, можно было разыграть спектакль-праздник, чтобы радовалась вся школа и, в первую очередь, учителя. Набросав сценарий, учитель обсудил его с девятиклассниками. Ребятам понравилось, более того, они с восторгом принялись репетировать и улучшать всё действие. День школьного праздника выпал на предпраздничную субботу, ибо воскресенье предоставлялось учителям лично.

Утром все ученики и учителя зашли в нарядную школу. Везде были букеты и гирлянды из осенних цветов и разноцветных листьев, по коридорам на стенах и в классах были вывешены праздничные стенгазеты. С конкретными и адресными поздравлениями, юмористическими рисунками и дружескими шаржами на прославившихся, в ту или иную сторону, учеников. Школьное радио транслировало любимые песни любимых учителей, весёлые истории их родной школы, интересные эпизоды из биографий преподавателей.

давателей. После шестого урока был дан концерт в честь Дня учителя, на котором всем понравились инсценировки: «Урок в каменном веке», «Урок в средние века», «Урок в наши дни». В каждом классе ученики приготовили сувениры учителям и классным руководителям. После концерта восхищённые учителя собрались в учительской осмыслить всё произошедшее, подняли бокалы с шампанским в честь Александра Ивановича, попели песни под его баян. Ветеран войны, учитель немецкого языка Пётр Фёдорович Зеленцов проводил играющего математика на своё традиционное место и усадил с почётом. В общем, «Праздник удался!».

Шевченко любовался игрой и активностью своих девятиклассников. Диапазон их знаний, талантов и возможностей намного расширился, а признание и благодарность коллег, люди, порой, завоёвывают годами. Самое интересное, что никто его не просил готовить и проводить этот праздник, а вот душа захотела.

В День учителя он прослушал «Утреннюю почту», позавтракал блинчиками, приготовленными мамой с любовью, отец уже ушёл на дачу. В дверь позвонили, на вопрос: «Кто там?» поступил короткий ответ: «Телеграмма!» Машинально расписавшись, Александр не мог отвести глаза от потрясающих трёх слов в телеграмме: «Я тебя люблю», без подписи, но адрес не спутаешь, «Сахалинская обл. Анивский р-н, пос. Рыбацкое». «Ну, и дела! А как же свадьба?» – невольно воскликнул он, и ноги понесли его в ближайшее почтовое отделение. Почтальонша вскинула глаза на молодого человека, написавшего в телеграмме только одно слово «Жду». Ему казалось, что всё предельно понятно в тексте, хотя мог бы написать: «Выходи за меня замуж! Приезжай!», что более конкретно. Мир повернулся в другую сторону. Ко-

нец мыслям: «Обжиться, поднять материальную базу, порешать вопрос с жильём и так далее». Решил: «Если девушка приедет, то жениться надо сейчас». Какое-то новое чувство появилось в душе Шевченко, чувство необычного и желанного. И пусть приедет невеста в их маленькую квартирку, пусть чего-то будет не хватать, зато любимая девушка будет рядом, остальное всё обустроится. Так, в ожидании ответа и рабочих буднях, и потекли дни.

Теперь в кино ходили втроём. Елена Моисеевна брала с собой подругу Ларису Васильевну, с которой когда-то училась на факультете иностранных языков, так как та перед отъездом к мужу по месту службы, попросилась пожить у неё. После фильмов и прогулок, заходили к коллеге по лагерю, иногда выпивали бутылочку шампанского. Девушки не задумывались, что их кавалер просто проводит с ними свободное время, Да, и что им рассказывать, когда неизвестно ещё, приедет ли Людмила в Орёл. Как-то Шевченко спуускался по лестнице от Елены Моисеевны. Перед ним возникли ребята, один из которых, нагнувшись, чиркал спичкой, затем распрямился и начал махать перед носом Александра Ивановича зажжённым пальцем. В ярком свете высветилось лицо махающего, которое с нахально-бравадного стало резко меняться на испуганное, так как парень узнал своего учителя, а учитель узнал Игната Терехова, своего девятиклассника. «Развлекаетесь?» – с улыбкой спросил педагог. «Извините! Александр Иванович, мы хотели попугать Витю Кукушкина, который живет в этом подъезде, думали он вышел на лестницу, вот и помахали горящим пальцем перед Вашим носом» – извиняющимся тоном произнёс Игнат. «Пальцы надо беречь, а не делать из них бензиновый факел!» – на прощание произнёс учитель. Улица жила своей жизнью, это только в нра-

воучениях взрослых мальчишки должны были учить уроки, заниматься спортом или ходить в технические кружки.

Вскоре, перед уроком в пятом классе, к Шевченко подошла расстроенная Наташа Зёмина, круглая отличница: «Александр Иванович! Почему Вы мне поставили пятёрку за контрольную работу, когда у меня ошибка во втором задании?». «Что значит честный, неиспорченный ребёнок! Я просто не заметил ошибку и по привычке выставил Наташе пятёрку, а она требует справедливости» – подумал учитель. И обращаясь к ней, произнёс: «Наташенька, меня отвлекли подошедшие девятиклассники, когда я проверял тетради, и я машинально поставил пять, неси тетрадь, я всё исправлю». Если бы человечество состояло из таких Наташ!

«Если Люда не приедет этой осенью, то переписываться ещё год я не сумею» – размышлял Александр Иванович. Его телеграмма с одним словом «Жду» обязывала теперь ждать и надеяться на её приезд, но в каких пределах? Гуляя по городу, он заглянул в недавно открывшийся музей Николая Семёновича Лескова. В конце улицы Октябрьской стоял небольшой деревянный домик, который никто раньше особо не замечал, теперь, как оказалось, в этом доме жил сам Лесков! Поразили старинные фотографии старого Орла, людей, живших сто и больше лет назад и биография писателя. Шевченко почти ничего не читал из его произведений, впрочем, рассказ «Левша» и одноимённый мультфильм были известны ему давно.

На Ленинской он встретил Рику, давно не видевшие друг друга друзья обнялись. Ираклий Петрович продолжал работать в сельской школе и на выходные приезжал в Орёл. Теперь оказалось для встреч с полячками. В Орловском государственном педагогическом институте открылся фа-

культет повышения квалификации учителей русского языка из Польской Народной Республики, и, это, в основном, были женщины. Рика, как свободный молодой мужчина, весьма привлекательной внешности, стал дружить с молодыми красивыми учительницами, бывать в их компаниях. А как не общаться молодым женщинам с советскими мужчинами, если требуются навыки совершенствования языка, а это беседы, танцы, круглые и не круглые столы, походы в кино, театр, тем более, что приехали на многие месяцы? «А в любви полячки – просто чудо!» – доверительно прошептал Ираклий Александру. На предложение пойти к девушкам в общежитие, познакомиться, Шевченко отказался за неимением времени, чем очень удивил друга. «Тогда послушай музыку!» – предложил Рика и включил негромко портативный магнитофон. Мелодии исполнялись красивые, но сопровождались недвусмысленными вздохами, криками, стонами. Такую секс-музыку Александр ещё не слышал, да, и, в какой аудитории её слушать, хотя с красивой женщиной в постели вполне можно обойтись без такой музыки. Всё это было бы заманчиво до недавнего приглашения Людмилы в Орёл, но сейчас у него были другие задачи.

Пауза затянулась, и в очередное воскресенье Елена Моисеевна пригласила математика провести выходной в их компании с Ларисой, сходить в театр, выпить шампанского, послушать музыку из её большой коллекции пластинок. Александр Иванович согласился, и когда стал завязывать новый галстук, собираясь в гости, принесли телеграмму. Текст гласил «Приезжай Клиницы Брянской обл. ул. Ленина д. 46 кв. 11» и всё! Конечно, к гадалкам ходить не надо, телеграмма была от Люды. «Значит, она вырвалась в отпуск! А почему сразу не в Орёл? Хотя Люда рассказывала,

что в Брянской области у них много родни. В общем надо ехать. Но, как же завтра уроки? Успею ли я вернуться?» – пронеслось у Александра в голове. Подошёл отец, прочитал телеграмму, сказал коротко: «Езжай!». Евгения Ивановна оказалась дома, Шевченко выложил ей, что едет за невестой и просил дать ему два дня отпуска. Удивлённой директорше ничего не оставалось делать, как разрешить своему учителю пуститься в дорогу, её очень заинтриговали вести, что невеста с Сахалина. Александр Иванович ничего никому не рассказывал о ней и так отпрашивался, что в случае отказа, казалось, мог уволиться. В понедельник ей придётся дать задание завучу переделать расписание.

ВЕРИТЬ ПУЛЬСУ!

«Клинцы Брянской области... Воскресенье, вечер, какие автобусы, какие поезда, какое расстояние?» – все эти вопросы крутились в голове учителя, пока он одевался. Единственный выход – такси. Пусть дорого, но стоит ли мелочиться, когда на кону – судьба человека! До автовокзала всего одна остановка, которую Александр Иванович скорее пробежал, чем прошёл, и вот, один из таксистов согласился ехать. Несколько часов пролетели мгновенно в воспоминаниях сахалинских встреч, хотя подсознательно он удивлялся своей оперативности и желанию скорее увидеться с Людмилой.

Сказав таксисту, чтобы ждал и через какое-то время он с девушкой поедет обратно, Александр взлетел на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь открыла сама Люда, в халате, видно после ванной комнаты. Они обнялись, и он почувствовал её суховатые губы, которые, казалось, очень заждались его поцелуя. «Любимая, одевайся, внизу ждёт такси, едем в Орёл!» – проговорил Шевченко. «Постой, я ведь приехала с мамой в отпуск, и мы ещё должны съездить на Украину к родственникам отца, несколько дней проживём здесь у дяди и вперёд!» – охладила скорость решений друга Людмила. Получив приглашение остаться на ночь, Александр побежал отпускать такси. На часах двенадцатый час, дядя с женой и дочкой уже отдыхали. Раиса Ивановна, вышла на кухню к дочери и тепло поздоровалась с бывшим

сахалинским солдатом. У «солдата» ума хватило попросить руки дочери, подчеркнув, что второй год влюблён в Людмилу, на что мать доброжелательно ответила, что завтра за обедом в компании с семьёй брата они всё обсудят. А пока, предварительное согласие на брак от неё получено, и надо всем идти спать. Подошедшая Ирина Борисовна, жена брата Раисы Ивановны, рассказала, где внезапный гость будет размещён.

Люда проводила Александра в комнату, где он расположился один, поцеловала, пожелала спокойной ночи и пошла в их спальню с мамой. Она была рада, что он попросил её руки, а то писал «Приезжай!», а зачем, чайку попить? А раз попросил руки, то теперь ехать с мамой на Украину как-то расхотелось. И вообще, она почувствовала себя впервые уверенней и окрылённой предстоящими задачами. К замужеству стремления у неё особого не было, всего три года, как окончила школу, успела поработать в торговле и ревизором, заочно закончила первый курс торгового института. Однако Саша ей нравился, и хотелось быть рядом с ним, делить все беды и радости вместе. Какая-то интуиция, даже, когда ехала с ним впервые в одном автобусе, почему-то ревностно наблюдала, как он разговаривал с попутчицами. А, уж, встречи летом и осенью полностью укрепили мысль, что он «тот самый», совершенно не претендуя и не надеясь на судьбу с ним, хотя год переписки показал, как трудно и рискованно быть на расстоянии. Нельзя сказать, что на неё не обращали внимание мужчины. Напротив, уже несколько парней предлагали замуж, удивляя Люду безцеремонностью при знакомстве; не говоря уже о желающих потанцевать, проводить. Просто она всерьёз не воспринимала все эти знаки внимания, да и мать не любила поздних приходов домой, хотя спокойно ждала

по несколько дней, когда дочь проводила ревизии в дальних посёлках. Приглашение Александру на свадьбу осенью было жестом отчаяния, когда их отношения с Людмилой прекратились. Один парень из Рыбацкого стал свататься, а мать, понимая дочь, посоветовала написать Александру.

Утром Люда пришла будить своего жениха, полюбиовалась, как он сладко спит, погладила по спине. Позавтракав, они решили идти в магазин за продуктами для праздничного стола, даже дядя – Николай Иванович, отпросился на половину дня с работы. По пути девушка объяснила другу, что ей придётся лететь обратно на Сахалин, уволиться с работы, как положено, забрать документы по работе и учёбе в институте, и предстать перед родителями жениха в роли невесты. «Это будет моим самым трудным ожиданием» – произнёс Александр. Раиса Ивановна пожелала ребятам удачи в подготовке к торжеству, заявила, что они с Людой не поедут на Украину, а сразу вернутся на Сахалин, чтобы дочь была готова ехать в Орёл. К вечеру жених выехал домой, пожелав невесте как можно быстрее закончить все дела, и он встретит её в аэропорту «Домодедово».

Рассказав о поездке родителям, теперь уже твёрдо настраивая их на свадьбу, Шевченко попросил Евгению Ивановну запланировать ему побольше уроков, чтобы высвободить неделю для встречи невесты и свадьбы. Елене Моисеевне он объяснил, что к нему едет девушка, с которой он дружил в армии, поэтому надо готовиться к свадьбе и все встречи прекращаются, а также извинился за то, что не пришёл к ним с Ларисой в воскресенье. Елена Моисеевна с грустью выслушала Александра Ивановича, только и сказала: «Что уж тут поделаешь, она у тебя до меня была. Желаю счастья вам!».

Ученики терпеливо отнеслись к увеличению числа уроков математики, а учитель старался эти уроки проводить как можно интереснее. Шевченко боялся перейти на письма с Людмилой, боялся, чтобы время не затянулось, ждал только телеграмму о прилёте, надеясь на то, что не возникнут никакие помехи в их с Людой ожиданиях. И вот, в конце второй недели ожиданий, наконец, пришла телеграмма: «Прилетаю Домодедово 13 декабря, рейс N». Вот теперь Александр успокоился и стал готовиться к встрече. Оказалось, самолёт прилетал в шесть часов утра, и надо в это время было быть в зоне прилёта. Значит, в Москве надо появиться где-то в четыре утра, поймать такси и «лететь» на нём в аэропорт, до которого, не ближний свет, а девяносто километров. На удобный ночной поезд билетов не было. Шевченко размахивая телеграммой и шоколадкой, уговорил кассиршу дать билет без места, успокоился, когда оказался на третьей полке в плацкартном вагоне и спокойно заснул.

Люду в аэропорт Южно-Сахалинска провожала сестра Вера, которая работала продавцом и успела приодеть сестру в модные и дефицитные вещи, хотя это были недорогие одежда и обувь, но импортные вещи пользовались у молодёжи большим спросом. В красивой искусственной японской дублёнке, светлых сапогах, светло-серой нутриевой шапке, Люда могла бы украсить обложку любого журнала. В полёте она разговорилась с мужчиной в соседнем кресле. После известия, что она едет к жениху в неизвестный для неё город, сосед поинтересовался, не боится ли она, если жених её не встретит? На что девушка категорически сказала: «Нет!». В Красноярске была остановка. Пассажиры покинули салон самолёта, и вышли на свежий воздух. Люда села на холодную скамейку, подложив красивые перчатки, а когда объа-

вили посадку, легко вспорхнула, оставив подарок сибирскому городу. За окном проплывали огоньки ночных городов, самолёт стремительно преодолевал сотни километров, а время тянулось всё медленнее. Наконец, командир самолёта сообщил о скором приземлении в Домодедово. Когда в зоне прилёта аэропорта появилась группа встречающих, и показалось знакомое лицо, волнение у девушки улеглось.

В эту ночь Александру поспать удалось немного, в четыре часа утра он уже выходил из поезда на Курском вокзале и сразу поймал такси. В аэропорту ещё не извещали, что самолёт из Южно-Сахалинска приземлился. Сразу стало веселее, что успел вовремя. Показались первые пассажиры долгожданного рейса. Люду он узнал издали и восхитился, какая она красивая. Такое же чувство Александр испытал в день её рождения прошлым летом, когда она была в розовом костюмчике, этот день жених стал называть «Розовый день».

Оставив чемодан и портфель в камере хранения на Курском вокзале и купив билеты до Орла, ребята поехали на станцию метро «Кировская», где на одноимённой улице находилось кафе «Русский чай», работавшее с раннего утра, сюда Александр ходил завтракать ещё студентом, приезжая в Москву. Ранним зимним утром, в тёплом кафе, им подали горячий завтрак в виде яичницы, бутербродов с чёрной икрой (Люда раньше ела только красную икру), слоёных пирожков из автомата и ароматного чая. Невесте завтрак понравился, однако без перчаток ходить по улицам холодновато, и они направились в ЦУМ. Продавец помогла выбрать пару перчаток из тонкой коричневой кожи. Далее их путь лежал на центральный рынок, по пути Александр показал Люде знаменитый московский цирк. На рынке они увидели почти пустые прилавки в это морозное утро. Шев-

ченко остановился возле большой горки свежего винограда, что было сюрпризом. Ведь в это время года винограда почти никогда не бывало. «Как раз на свадьбу!» – сказал он и взял три килограмма вкуснейших ягод.

Ему понравилось, как Людмила спокойно, с достоинством рассматривала Москву, не выражая ярких эмоций, хотя она впервые находилась в столице и кроме Южно-Сахалинска больших городов не посещала. Было приятно просто находиться вдвоём, что бы они не делали. Наскоро перекусив в кафе, ребята поехали на вокзал, подходило время отправления поезда в Орёл. В плацкарте жених занял верхнюю полку, а невеста расположилась на нижней. Сохранилось весёлое настроение с утра, и они тихонько предались воспоминаниям и планам. Предстояло решить вопрос с регистрацией брака, который долго затягивать было нельзя, иначе на каких правах им предстоит жить под одной крышей? Люда протянула горсть клюквы из её портфеля, Александр с удовольствием попробовал свежих ягод, а оставшиеся несколько штук, запустил в невесту. Та со смехом собрала, что не разлетелось, и обратно кинула в жениха. Весёлое настроение перекинулось соседям по купе, и все улыбались. На подъезде к Орлу показался элеватор, значит, до остановки оставалось две минуты. Ребята быстро вскочили, по-солдатски оделись, а Шевченко с улыбкой вспомнил, как Люда писала, что участвовала в соревнованиях по гражданской обороне в сандружине рыбокооп (их торговая организация), и многие нормативы были похожи на армейские. В такси у невесты появилось чувство, что она едет к себе домой.

Двери открыл Иван Иванович, отец жениха, а невеста поразилась, как молодо он выглядел. С огромным кудрявым

чубом он смотрелся чуть ли не ровесником сына. Она ожидала увидеть человека в возрасте своего отца, а будущий свёкр смотрелся моложе её отца лет на двадцать пять. Далее знакомство продолжилось с мамой Александра, Пелагеей Пахомовной и с бабушкой – Василисой Меркульевой. Бабушка вызвала особые чувства, ведь её бабушка по матери была очень близка Люде в детстве. Поздний вечер сократил тёплое общение, наступило время подготовки ко сну. Квартира была небольшая, жениху досталась раскладушка, а невесте кресло-кровать. Через полчаса Александр забрался к Людмиле в кресло-кровать, и, несмотря на тесноту, они испытали блаженство лежать обнявшись. Что-то тихо говорили, что-то шептали друг другу, в общем, было впервые потрясающе красиво и только им понятно.

Учитывая, что в субботу и воскресенье все учреждения закрыты, решили пойти в ЗАГС в понедельник утром, а до понедельника общаться, бродить по городу и наслаждаться друг другом. Ребята были на седьмом небе от счастья, что они вместе и мало обращали внимания, что они увидели, что посетили. Раскрасневшиеся от мороза, они залетали домой, чтобы подкрепиться, или заходили в кафе, в блинную. У Александра появилось чувство, будто на него свалилось огромное богатство, или он получил самый большой выигрыш в лотерее.

Понедельник добавил мороза орловцам, но в ЗАГС добрались быстро. Заведующая, начала было называть им положенные сроки регистрации брака, но Шевченко сразу задал вопрос: «Какие могут быть сроки, когда долгожданная невеста прилетела с острова Сахалин, не имея в Орле никого кроме меня, и на каких правах она будет жить здесь до регистрации?». Приведя ещё несколько примеров, рассказав,

как целый год они с невестой ждали этого момента, он увидел, что заведующая сдалась. «Раз пятница, суббота и воскресенье у нас расписаны, то предлагаю вас зарегистрировать в четверг, хотя, этот день, «день разводов», надеюсь, вы не суеверны?» – с улыбкой заявила свадебная чиновница. «Ура! До четверга мы вытерпим!» – громко и радостно выдохнул жених и положил на стол перед заведующей большую шоколадку. «Зачем! Заберите!» – услышали они вслед и помчались домой обсуждать и готовиться. Смех смехом, а времени до четверга всего два дня. Платье невесты, фата, туфли, ешь. Костюм, галстук туфли жениха тоже, а свидетели, такси, шампанское, праздничный стол? Гости, которые ещё не определились даже в голове, фотограф? Наконец, четверг – рабочий день, кто сможет праздновать свадьбу перед рабочим днём, пятницей?

Работа закипела. Свидетелем согласился быть Толик и то, ошарашенный неожиданной ситуацией. Со свидетельницей было сложнее, жених перебрал в уме знакомых, одноклассниц, сослуживцев, а когда стал обходить и обзванивать, оказалось что у многих свои проблемы, планы с работой. Чудом Шевченко вспомнил про Лилию, соседку Володи Беккера, жившую с ним на одной площадке, когда-то загоравшую в компании друзей на карьере в Ботанике, который потом назвали озером Светлая жизнь. Лиля сразу согласилась. В конце концов, испытывая дефицит времени, программу женитьбы распределили. В четверг должна будет состояться регистрация, парадный выезд по городу с фотографированием, фуршет со свидетелями и родителями, а в субботу свадьба с друзьями, кого смогут пригласить и родственниками Люды из Клинцов. В среду созвонились с Клинцами, все трое обещали приехать. Толик пригласил

Володю, Рику и Ахмета Латифовича Бероева, куратора их институтской группы. Школьных коллег решили не приглашать, все не вместились бы в их маленькую квартиру, а кого-то звать отдельно, другие обиделись бы. Фотографом подрядился быть отец жениха. «Даа, получается «свадьба по тревоге!» – улыбнулись виновники предстоящего торжества, но любовь, молодость и оптимизм настроили всё преодолеть.

В четверг такси с декоративными свадебными кольцами наверху стояло у подъезда. Жених и невеста сели с Иван Ивановичем в автомобиль и направились к ЗАГСу. Толик с Лилией пришли сразу на место, так как жили рядом с данным учреждением. В этот день регистрировалась всего одна пара в городе, было тихо и спокойно, без весёлых компаний, десятков машин, гирлянд из воздушных шаров и детских кукол, баянов и гармошек. Церемония прошла также спокойно, все выпили по бокалу шампанского. После слов о вечной любви, Александр подхватил Люду на руки и донёс до такси. Маршрут был традиционный: мемориал у вечного огня, памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу, «Дворянское гнездо», памятник погибшим комсомольцам, областной драматический театр имени И. С. Тургенева и так далее. «А когда приглашать любимых учителей – Лидию Всеволодовну и Тамару Абрамовну?» – задался вопросом жених. И такси повернуло прямо в родную школу, давшую зелёный свет в будущее. Шли обычные уроки, и вдруг, по школе пронеслась свадебная пара со свидетелями, остановилась возле класса, где вела урок Лидия Всеволодовна. Картина получилась превосходная, обалдевшая учительница всматривается в жениха и невесту, позади неё галдит класс удивлённых детей, никогда не видевших в школе молодожёнов.

Тем не менее, приглашение было с благодарностью принято. Аналогично действие происходило в квартире Тамары Абрамовны, где вместо учеников высыпали на лестницу изумлённые соседи, но бывшая завуч и коллега по предмету сразу предупредила, что не сможет через день прийти на свадьбу и расцеловала счастливиц. Толик во втором такси с Лилией следовали за молодожёнами.

Подъехав к дому, молодожёны увидели у подъезда ожидавших соседей и ребяташек. Оказалось, надо было соблюсти некоторые обряды, и Толик не успевал угощать всех конфетами и раздавать денежки. «Молодец, Толик – подготовленный свидетель!» – подумал теперь уже не жених, а законный муж. Поднявшись на пятый этаж, они увидели в дверях Пелагею Пахомовну, которая сообщила, что только что ушли Сашины пятиклассники. Посидели на лестнице два часа, попили чаю, предложенного хозяйкой. Успели разбить две чашки из фарфорового сервиза, принесённого в подарок от пятого «Б» класса своему классному руководителю, и, не дождавшись, ушли на остальные уроки. «Какие молодцы!» – вырвалось у учителя. Шевченко не знал, что школа забурлила, когда узнала о его свадьбе. Дело, в общем-то, нормальное для молодого человека, но чтобы так внезапно и стремительно! А его пятиклашки, уже прикипевшие к понравившемуся им учителю, всё организовали с родителями. Более того они принесли пакет с копчёным палтусом, сервелатом, сыром, красной икрой, шпротами, который передала мама одной из учениц, работавшая в магазине. Правда на пакете стояла цена всей этой вкуснятины, ибо заведующая магазином знала принципиальность Александра Ивановича. Пелагея Пахомовна передала с ребятами деньги за продукты. Всё равно, Шевченко это смутило, он

учил и любил своих учеников не в корыстных целях. Хотя, конечно, его обрадовало внимание учеников и их родителей.

Сейчас бы сесть за праздничный стол с гостями, но всё было запланировано на послезавтра в субботу. Всё равно настроение было у всех приподнятое, сели за небольшой стол, включили музыку, подняли бокалы с шампанским. Происходящее шло в стремительном режиме для Александра и Людмилы. И, в то же время, как в замедленной съёмке, запоминались мельчайшие эпизоды, детали. Хотелось надолго сохранить в памяти такой долгожданный праздник. Что удивительно, не было никакой усталости, руки то и дело переплетались от радости прикосновения к друг другу, а поцелуи не прекращались, как дыхание.

Суббота началась с приезда дяди Людмилы с семьёй и размещения их в гостинице «Россия». Николай Иванович с удовольствием подчеркнул, что две недели назад он пошёл с племянницей дать телеграмму в Орёл какому-то знакомому парню. Вроде ничего особенного, мало ли в отпуске хочется с кем встретиться, а тут за две недели разыгрался такой сериал, что он с семьёй оказался в Орле, да ещё на свадьбе племянницы. В обед все гости собрались, оказалось немного, семь человек. Шевченко назвал их «Великолепной семёркой», плюс пятёрка – молодожёны с родителями и бабушкой мужа, итого, «Замечательная дюжина». Бабушка выглядела очень счастливой, ведь в свои девяносто два года она дожила до свадьбы любимого внука и теперь обязалась поддержать на руках их первенца.

Такая необычная и немногочисленная свадьба, оказывается, может быть очень интересной. Разговор становится общим, а не заинтересованными кучками за длинными столами, все друг друга видят и слышат. Говорящий нико-

го не перекрикивает, его никто не перебивает, и остальные глубже сопереживают смысл речи. Рика, Толик и Ахмет Латифович вспомнили Александра-студента с его приключениями. Толик удивил всех внезапно открывшимся поэтическим даром и прочитал свои стихи:

*Дни пробегают вдаль, как позавчера и вчера,
В целом, нам их не жаль, всё это, так, мура...
Но для двоих в этот час, сбывается сказочный сон,
А для двоих сейчас, играет мари, Мендельсон!
Улыбки в глазах, цветы, и вот большие нет зимы,
Нет большие «Я» и «Ты», всегда будет только «Мы»!
Счастливые навсегда, как будто родились вновь,
Пусть им подарят года Счастье, Совет, да Любовь!*

Николай Иванович рассказал, как росла Людмила с сестрой, и он называл их маленькими «сирунишками». Лидия Всеволодовна не только поведала о старшекласнике Шевченко и любимом классе, но и спела несколько песен, надо сказать вполне профессионально, чем удивила присутствующих. Александр устроил танцы под баян и под магнитофонные записи. Теперь он мог танцевать с Людой, что тоже для них было впервые. Так что скучать никому не пришлось.

Когда все разошлись, ребята долго стояли, обнявшись, ведь теперь они вместе на всю жизнь и отныне никакие расставания и расстояния не будут препятствием для их счастья.

ОБ АВТОРЕ

ЛЫСЕНКО Александр Иванович родился в 1951 г. в селе Назарово Красноярского края. С 1965 г. живёт в Орле. Окончил в 1972 г. Орловский государственный педагогический институт, в 1991 г. – аспирантуру ВНИИТЭ в Москве. Работал учителем, директором областного драматического театра имени И. С. Тургенева, научным сотрудником ИПИАН СССР. Один из основателей издательства

«Вешние воды» и его директор со дня создания, член Союза писателей России и Академии Российской литературы, лауреат литературных премий. Автор книг «Неутомимый труженик» (к 100-летию орловского трамвая), «Почётные граждане города Орла», «Болхов. Колокольное имя твое», «Москва–Харьков. Симфония российских дорог», «Гимн строителю», «Орёл», «Золотой запас России», «Достопримечательности Орловского края», «Книги Орловских писателей на рубеже столетий», «Пульс Юности». Соавтор книг «Популярная эргономика», «Орловская губерния. Страницы фотолетописи», автор идеи и автор текста первого и второго изданий «Орёл вчера и сегодня». Названные

книги вместе с книгами орловских писателей и художников были представлены на книжных выставках в Москве, Санкт-Петербурге, Германии, Франции, Китае, Швейцарии, Индии, Испании, Италии, США, Англии и в других странах. В 2023 году имя Лысенко Александра Ивановича было внесено в Книгу Почёта города Орла.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС ЮНОСТИ

Повесть

Абитуриент

Отплывая из школьной страны... ..	7
Кандидат в студенты – в строй!.....	18

Первый курс

В вихре теорем и функций.....	20
Совсем неплохо быть студентом!.....	28
Москва... Да! Много в этом звуке.....	31
Навстречу мечте.....	39

Второй курс

Сотрём грань города с деревней!	46
Уже с четвёртым мушкетёром.....	50
Живут студенты весело, от сессии до сессии.....	59
Непредвидимая стихия.....	65
Гори, костёр подольше, гори, не догорай!	68

Третий курс

За околицей.....	80
Будни нашей четвёрки.....	85
В семье не без проблем.....	94
Бесконечным кажется урок... ..	98
Неугомонный романтик.....	102
Перед последним курсом.....	108

Четвёртый курс

Последняя студенческая осень.....	112
Парта школьная мне снится.....	116
Финишный рывок.....	128
Пульс юности не подводит.....	149

ПУЛЬС ЮНОСТИ НЕ ПОДВОДИТ

Повесть

Край, где начинается Ока.....	151
На острове нормальная погода.....	165
Дорога в школу.....	193
Здравствуй лагерь, любимый наш!.....	206
Море шуток не любит.....	216
И снова школа!.....	219
Верить пульсу!.....	228
Об авторе.....	240

Серия
«Орловщина литературная – Современники»

Литературно-художественное издание

12+

Александр Иванович Лысенко

ПУЛЬС ЮНОСТИ НЕ ПОДВОДИТ

Две повести

Главный редактор: С. А. Ветчинников
Технический редактор: К. В. Стародубцев

*В оформлении издания использованы
фотографии из личных архивов студентов и преподавателей*

Подписано в печать 13.08.2024 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 15,25 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 251

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru